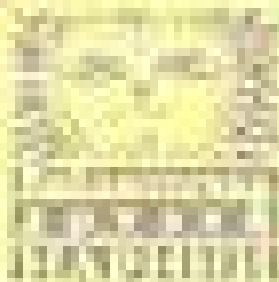

Франсис
Элиза
Бёрнетт

МАЛЕНЬКАЯ принцесса

ГЛАВА 1

Сара

Темным зимним днем, когда над лондонскими улицами навис такой густой и вязкий туман, что фонари не тушили и они горели, как ночью, а в магазинах зажгли газ, по широким мостовым медленно катил кэб, в котором рядом с отцом сидела странная девочка.

Она сидела, подобрала под себя ноги и прислонясь к отцу, который обнимал ее одной рукой, и глядела в окно на прохожих — в ее больших глазах застыла непонятная, недетская задумчивость.

Она была так юна, что задумчивость никак не шла к ее маленькому личику. Странно было бы увидеть ее и на лице двенадцатилетней девочки, а Саре Кру было всего семь. Надо признаться, впрочем, что она часто задумывалась или мечтала о чем-то своем, необычном, и всегда, сколько себя помнила, размышляла о взрослых и о том мире, в котором они живут. Ей чудилось, что она уже прожила долгую-долгую жизнь.

Она вспоминала путешествие, которое только что совершила вместе с отцом, капитаном Кру. Она видела огромный корабль, на котором они плыли из Бомбея, молчаливых ласкаров,[1] тихо снующих вокруг, детей, игравших на жаркой палубе, молодых офицерских жен, которые заговаривали с ней, а потом смеялись ее словам.

Больше всего ее занимала мысль о том, как все это странно: только что она жила под индийским солнцем, потом вдруг очутилась посреди океана, а теперь вот ехала в незнакомом экипаже по незнакомым улицам, где днем было темно, как ночью. Ей это казалось столь удивительным, что она только прижималась поближе к отцу.

— Папочка, — произнесла она так тихо, что голос ее прозвучал таинственно. — Папочка...

— Да, милая? — отвечал капитан Кру, покрепче обнимая ее и заглядывая ей в лицо. — О чем это задумалась моя Сара?

— Это то самое место? — прошептала Сара, прижимаясь к нему еще ближе. — Да, папочка?

— Да, маленькая, это оно. Мы наконец приехали.

И хотя Саре было всего семь лет, она знала, что ему сейчас так же грустно, как и ей.

Вот уже несколько лет, думала она, как он стал приучать ее к мысли об этом «месте» (так она всегда его называла). Мать Сары умерла при ее рождении, Сара ее не знала и не скучала о ней. Во всем свете у нее не было никого, кроме ее молодого, красивого, богатого и любящего отца. Они часто играли вместе и были очень привязаны друг к другу. О его богатстве Сара узнала случайно: кто-то говорил об этом при ней, думая, что она не слышит; а еще она слышала, так они говорили, что и она, когда вырастет, будет богата. Она не знала, что это значит. Она всегда жила в красивом бунгало[2] и привыкла к тому, что в доме множество слуг, которые кланялись ей и называли «мисси сахиб»[3] и во всем ей уступали. У нее были

игрушки, домашние животные и нянюшка «айя», [4] которая ее боготворила, и понемногу она привыкла к тому, что у людей богатых все это есть. Впрочем, больше она ничего об этом не знала.

За всю ее короткую жизнь Сару тревожила лишь одна мысль: это была мысль о том «месте», куда ее когда-нибудь отошлют. Климат Индии вреден детям — при первой же возможности их увозят, обычно домой в Англию, где определяют в школу-пансион. Она видела, как уезжают другие дети, слышала, как родители обсуждают полученные от них письма. Она знала, что и ей придется уехать, и, хотя порой ее увлекали отцовские рассказы о путешествии через океан и о неведомой Англии, мысль о том, что ей придется с ним расстаться, ее тревожила.

— А ты не мог бы поехать со мной в это место, папочка? — спросила она, когда ей было пять лет. — Может, и ты тоже поступил бы в школу? Я бы тебе помогала с уроками.

— Ты там не долго пробудешь, моя маленькая, — всегда отвечал он. — Это хороший дом, там будет много девочек, и вы будете вместе играть, а я буду присылать тебе много-много книжек. Ты так быстро вырастешь, что тебе покажется, будто и года не прошло, а ты уже стала такая большая и умная, что сможешь вернуться и заботиться о своем папочке.

Сара любила думать об этом. Вести хозяйство, ездить с отцом верхом, сидеть во главе стола, когда он будет давать обеды; беседовать с ним, читать его книги — лучшего она не могла бы себе и представить, а если для этого нужно поехать в Англию, что ж, придется! Общество других девочек ее не привлекало. Но хорошо, если у нее будет много книжек. Книжки Сара любила больше всего; впрочем, она и сама часто придумывала разные истории. Иногда она рассказывала их отцу, и ему они нравились.

— Что ж, папочка, — произнесла чуть слышно Сара, — если мы приехали, придется с этим примириться.

Услышав такие недетские речи, капитан рассмеялся и поцеловал ее. Сам он никак не мог с этим примириться, хотя и понимал, что лучше об этом не говорить. Он так привык к обществу своей дочурки-причудницы, что знал: ему будет очень грустно, когда он вернется в Индию, в пустое бунгало, а навстречу ему не выбежит маленькая фигурка в белом платьице. А потому, когда кэб повернул на большую мрачную площадь и остановился перед большим домом, он только обнял дочку покрепче.

Это было большое кирпичное мрачное здание, точь-в-точь такое же, как все соседние дома, только на парадной двери блестела медная дощечка с выгравированными на ней черными буквами:

Мисс Минчин

ПАНСИОН

ДЛЯ БЛАГОРОДНЫХ

МОЛОДЫХ ДЕВИЦ

— Вот мы и приехали, Сара, — сказал капитан Кру, стараясь, чтобы голос его звучал как можно бодрее.

Он поднял Сару и поставил на землю, а потом они поднялись по ступенькам и позвонили в дверь. Позже Сара не раз размышляла о том, что дом каким-то странным образом походил на самое мисс Минчин. Дом был солидный; в нем стояла всевозможная мебель, но все казалось на удивление некрасивым, даже из кресел будто кости торчали. Мебель в холле была жесткой и блестела от полировки, даже круглые щеки луны, украшавшие циферблат

стоявших в углу высоких часов, были ярко начищены и имели суровый вид. В гостиной, куда провели Сару и ее отца, лежал на полу ковер с узором из квадратов, стулья были квадратными, а на мраморной каминной доске стояли тяжелые часы.

Сара уселась на жесткий стул красного дерева и обвела комнату быстрым взглядом.

— Мне здесь не нравится, папочка, — сказала она. — Впрочем, я думаю, что солдатам тоже не нравится идти в бой — даже самым храбрым!

Капитан Кру расхохотался. Молодой и веселый, он любил странные речи своей дочери.

— Ах, что я буду без тебя делать, малышка? — вскричал он. — Кто мне будет говорить такое? В этом с тобой никто не сравнится!

— Но почему ты всегда над ними смеешься? — спросила Сара.

— Потому что мне весело тебя слушать, — отвечал он и снова рассмеялся.

А потом схватил ее в объятия и крепко поцеловал — лицо у него вдруг стало серьезным, и на глаза как будто навернулись слезы.

В этот миг в гостиную вошла мисс Минчин, и Сара тотчас решила, что она очень похожа на свой дом: высокая и мрачная, солидная и некрасивая. У нее были большие, холодные, как у рыбы, глаза и широкая, холодная, как у рыбы, улыбка. Увидев Сару и капитана Кру, мисс Минчин заулыбалась еще шире. Она слышала о капитане много приятного от дамы, которая рекомендовала ему ее школу, а главное — что он богат и не пожалеет расходов на свою дочку.

— Взять на себя заботы о такой красивой и способной девочке — для меня большая честь, капитан Кру, — проговорила она, поглаживая Сару по руке. — Леди Мередит мне рассказывала, что она необычайно умна. Способный ребенок — настоящее сокровище в учебном заведении.

Сара спокойно стояла, не сводя глаз с лица мисс Минчин. Странные мысли приходили, как всегда, ей в голову.

«Зачем она говорит, что я красивая? — думала она. — Я совсем не красивая. Вот Изобел, дочка полковника Грейнджа, красивая. У нее щеки розовые, с ямочками, а волосы длинные, золотистые. А у меня короткие черные волосы, а глаза зеленые, к тому же я такая худая и смуглая. Я ужасно некрасивая. Она с самого начала говорит неправду».

Впрочем, Сара ошибалась, считая себя некрасивой. Конечно, она несколько не походила на Изобел Грейндж, которой восхищались все в полку, зато она обладала особым, ей одной присущим очарованием. Стройная, гибкая, высокая для своих лет, с лицом выразительным и привлекательным. Волосы, густые и черные, слегка вились на концах; зеленовато-серые глаза Саре не нравились, но это были огромные чудесные глаза с длинными черными ресницами, и многие ими восхищались. Несмотря на все это, Сара считала себя дурнушкой, и лезть мисс Минчин была ей неприятна.

«Скажи я, что она красива, это была бы неправда, — думала Сара, — и я бы это знала. Я, верно, такая же некрасивая, как она, — только по-другому. Почему она это сказала?»

Когда Сара ближе познакомилась с мисс Минчин, она поняла, почему та это сказала. Она обнаружила, что мисс Минчин говорила одно и то же всем родителям, отдававшим своих дочерей в ее школу.

Сара стояла рядом с отцом и слушала его разговор с мисс Минчин. Капитан остановил свой

выбор на пансионе мисс Минчин потому, что здесь воспитывались обе дочери леди Мередит, а капитан Кру относился к леди Мередит с чрезвычайным почтением и полагался на нее. Он хотел бы, чтобы Сара находилась в пансионе «на особом положении» и чтобы всяких удобств и привилегий у нее было даже больше, чем у других привилегированных учениц. Пусть у нее будет своя уютная спальенка и своя гостиная, коляска с пони и собственная горничная взамен айи, которая ходила за ней в Индии.

— Ученье дается ей легко, — сказал капитан Кру с веселым смехом, держа Сару за руку и поглаживая ее, — так что это меня не беспокоит. Трудность будет в том, чтобы удержать ее от слишком усердных занятий. Вечно она у меня сидит, уткнув нос в книжку. Она книжки не читает, мисс Минчин, она их глотает, словно она не ребенок, а волк. И никак не может насытиться — подавай ей все новые! Чем больше, чем длиннее, чем толще — тем лучше! А еще лучше, если это книжки для взрослых! Можно по-английски, а можно и по-французски или по-немецки — ей все равно! Она и историю, и поэзию, и биографии любит — все что угодно! Прошу вас, не давайте ей слишком зачитываться, мисс Минчин. Пусть покатается в манеже верхом или погуляет и купит себе новую куклу. Ей бы вообще лучше играть побольше в куклы.

— Но, папочка, — сказала Сара, — если я буду каждые несколько дней покупать куклу, у меня их будет слишком много и я не смогу их всех любить. Куклы должны быть подругами. Моей подругой будет Эмили.

Капитан Кру взглянул на мисс Минчин, а мисс Минчин взглянула на капитана Кру.

— Кто это Эмили? — спросила мисс Минчин.

— Расскажи мисс Минчин, Сара, — произнес капитан Кру с улыбкой.

Зеленовато-серые глаза потеплели, и Сара без тени улыбки ответила:

— Это кукла, которой у меня еще нет. Папа обещал мне ее купить. Мы вместе поедem ее искать. Я назвала ее Эмили. Она будет мне другом, когда папа уедет. Я буду с ней говорить о нем.

Мисс Минчин улыбнулась широкой рыбьей льстивой улыбкой.

— Какой оригинальный ребенок! — вскричала она. — Какая прелестная малышка!

— Да, — согласился капитан Кру, прижимая к себе дочь. — Она прелестная малышка! Берегите же ее, мисс Минчин.

Следующие дни Сара провела вместе с капитаном Кру в гостинице, где он остановился. Она оставалась с ним до того дня, когда он отплыл в Индию. Они обошли вместе множество магазинов и сделали множество покупок. По правде говоря, гораздо больше, чем было нужно; но капитан Кру был человек щедрый, непрактичный, и ему хотелось, чтобы у дочки было все, чем она восхищалась, а также и то, чем восхищался он сам. В результате они обзавелись гардеробом, который был слишком роскошен для семилетней девочки. Они купили бархатные платья, отделанные дорогим мехом, и платья кружевные и вышитые, а также шляпы с большими мягкими страусовыми перьями, шубки с горностаевой отделкой и муфтами, коробки крошечных перчаток, носовых платков и шелковых чулок, — и все в таком количестве, что учтивые продавщицы, стоявшие за прилавками, зашептались о том, что странная девочка с задумчивыми большими глазами — верно, какая-то иностранная принцесса, а может, дочка индийского раджи.[5]

И наконец они нашли Эмили. Но прежде, чем они ее обнаружили, им пришлось посетить множество игрушечных магазинов и пересмотреть множество кукол.

— Я хочу, чтобы она не была похожа на куклу, — говорила Сара. — Я хочу, чтобы у нее был такой вид, будто она меня слушает, когда я с ней говорю. Горе в том, папочка, что куклы... — тут Сара наклонила голову и подумала, — горе в том, что у кукол всегда такой вид, будто они ничего не слышат.

Они пересмотрели множество кукол — больших и маленьких, с черными глазами и с голубыми, с каштановыми кудрями и золотыми косами, одетых и неодетых.

— Понимаешь, — говорила Сара, разглядывая куклу, на которой не было никаких одежд. — Если я найду Эмили, а она будет неодета, мы можем отвезти ее к портнихе и закажем ей платье. Они будут лучше сидеть, если будут сшиты по мерке.

Два или три магазина они миновали, даже не заходя внутрь; наконец, когда они приблизились к небольшой игрушечной лавке, Сара вдруг вздрогнула и схватила отца за руку.

— О, папочка! — вскричала она. — Вон Эмили!

Щеки у нее зарделись, а в зеленовато-серых глазах появилось такое выражение, будто она узнала кого-то давно знакомого и любимого.

— А ведь она нас ждет! — сказала Сара. — Пойдем же к ней!

— Вот незадача! — воскликнул капитан Кру. — Что же делать? Надо, чтобы кто-то нас представил.

— Ничего, — отвечала Сара, — ты представишь меня, а я — тебя. Знаешь, я ее тотчас узнала — может, и она меня тоже.

Возможно, так оно и было. Во всяком случае, когда Сара взяла Эмили в руки, глаза у той глядели на удивление умно. Это была большая кукла, но не настолько, чтобы ее было неудобно носить; длинные, по пояс, золотисто-каштановые волосы у нее вились, а глаза были ясные, серо-голубые с шелковистыми густыми ресницами, настоящими, а не нарисованными.

— Да, папочка, это она, — произнесла Сара, сажая куклу себе на колени и вглядываясь ей в лицо. — Это и вправду Эмили.

Эмили купили и отвезли в мастерскую, где продавалось все для детей и кукол, — там с нее сняли мерку и выбрали такие же, как у Сары, великолепные вещи. Так Эмили тоже обзавелась кружевными, бархатными и кисейными платьицами, шляпками, шубками, изящным кружевным бельем, перчаточками, носовыми платочками и мехами.

— Мне бы хотелось, чтобы она всегда выглядела так, будто мама у нее очень заботливая, — говорила Сара. — Я буду ей мамой, хотя и хочу, чтобы она была мне подругой.

Капитан Кру делал бы все эти покупки с большим удовольствием, если бы не грустная мысль, которая сжимала ему сердце. Ведь все это означало, что ему предстоит расстаться со своей любимой маленькой дочкой-причудницей.

Среди ночи он поднялся с постели и долго стоял, глядя на Сару, которая крепко спала, обняв Эмили. Ее черные волосы разметались по подушке, смешавшись с золотисто-каштановыми кудрями Эмили; обе были в ночных сорочках, отделанных кружевом, и у обеих были длинные, загнутые ресницы. Эмили до того походила на живую, что капитан Кру порадовался, что она остается с Сарой. Он глубоко вздохнул и подергал себя, словно мальчишка, за ус.

«Ах, моя маленькая, — сказал он про себя, — ты даже не подозреваешь, как будет скучать по тебе твой „папочка“».

На следующий день он отвез Сару к мисс Минчин. Его корабль отплывал на следующее утро. Он объявил мисс Минчин, что оставляет в Англии своими поверенными в делах Бэрроу и Скипворта, к которым она может, если понадобится, обращаться за советом. Он будет писать Саре два раза в неделю и хочет, чтобы у нее было все, чего она пожелает.

— Она девочка разумная, — прибавил он, — и никогда не просит того, что ей вредно.

А потом он ушел вместе с Сарой в ее маленькую гостиную, чтобы проститься с нею наедине. Сара уселась к нему на колени, взяла в обе ручки отвороты его сюртука и посмотрела ему в лицо долгим внимательным взглядом.

— Хочешь выучить меня наизусть, малышка? — спросил капитан.

— Нет, — отвечала Сара, — я и так знаю тебя наизусть. Ты у меня в самом сердце.

Они обнялись и долго целовали друг друга — никак не могли расстаться.

Когда кэб тронулся, Сара опустилась возле низкого окна на пол, оперлась подбородком на руки и следила за ним взглядом, пока он не скрылся за углом. Рядом с ней сидела Эмили и тоже провожала кэб взглядом.

Когда мисс Минчин послала свою сестру, мисс Амелию, посмотреть, что там делает этот ребенок, та обнаружила, что дверь заперта.

— Я ее заперла, — произнес из-за двери тихий вежливый голосок. — Я хочу побыть одна, если позволите.

Пухлая, рыхлая мисс Амелия трепетала перед сестрой. Она была добродушнее, чем мисс Минчин, но никогда не осмеливалась послушаться сестры. Она спустилась вниз с тревожным видом.

— В жизни не видала такого странного ребенка, — сказала мисс Амелия. — Заперлась в своей комнате и сидит там тихо, словно мышка. Будто и не ребенок вовсе!

— Куда лучше, чем если бы она вопила и брыкалась, как некоторые, — отвечала мисс Минчин. — А я-то думала, что такая балованная девочка, как она, подымет крик и всполошит весь дом. Ей всегда во всем потакали.

— Я разбирала ее сундуки, — продолжала мисс Амелия. — В жизни не видала такой роскоши: шубки с соболем и горностаем, а на белье — настоящее валенсианское кружево. Ты ведь видела кое-что из ее нарядов. Что ты об этом скажешь?

— По-моему, это просто смешно, — отвечала мисс Минчин резко. — Впрочем, в воскресенье, когда мы поведем учениц в церковь, а она пойдет впереди всех, наряды произведут хорошее впечатление. У нее всего столько, словно она маленькая принцесса.

Сара и Эмили сидели наверху на полу за запертыми дверями и не сводили глаз с того места, где скрылся за углом кэб. А капитан Кру все оглядывался назад, махал рукой и посылал, и посылал воздушные поцелуи, словно никак не мог остановиться.

ГЛАВА 2

Урок французского

Когда на следующее утро Сара вошла в классную комнату, все с любопытством уставились на нее. К этому времени все ученицы — начиная с Лавинии Герберт, которая чувствовала себя совсем взрослой, потому что ей скоро исполнится тринадцать, и кончая четырехлетней Лотти Ли, самой маленькой в школе, — наслушались о ней всяких рассказов. Они определенно знали, что мисс Минчин очень гордится этой ученицей, которая делает честь ее заведению. Кое-кому из учениц удалось даже краешком глаза увидеть ее горничную, француженку по имени Мариэтт, прибывшую накануне вечером. Лавиния, улучив подходящую минутку, прошла мимо комнаты Сары, когда дверь была открыта, и увидела, как Мариэтт разбирает коробку, присланную с опозданием из какой-то лавки.

— Сколько там было нижних юбок с кружевными оборками! — шепнула она, пригнувшись над учебником географии, своей подруге Джесси. — Много-много! Я видела, как француженка их вынимала и встряхивала. А мисс Минчин сказала мисс Амелии, что платья у нее такие роскошные, что это просто смешно! Ведь она еще совсем ребенок! Моя мама говорит, что детей надо одевать просто. А знаешь, на ней и сейчас такая нижняя юбка с кружевом. Я видела — когда она садилась!

— А на ногах у нее шелковые чулки! — шепнула в ответ Джесси, тоже склоняясь над географией. — А какие у нее маленькие ножки! В жизни таких не видела!

— Просто у нее туфельки такие, — фыркнула в ответ Лавиния. — Моя мама говорит, что, если сапожник хороший, он туфельки так сошьет, что даже большие ноги будут казаться маленькими. По-моему, она совсем не красивая. Глаза какого-то странного цвета.

— Да, она не красивая, в обычном смысле, — сказала Джесси, кинув украдкой взгляд на новенькую, — только на нее хочется еще посмотреть. Ресницы у нее длинные на удивление, а глаза почти совсем зеленые.

Сара спокойно сидела на своем месте и ждала, чтобы ей сказали, что нужно делать. Ее посадили впереди, рядом со столом мисс Минчин. Любопытные взгляды учениц ее совсем не смущали. Ей было интересно, и она спокойно смотрела на разглядывавших ее девочек. Интересно, о чем они думают, нравится ли им мисс Минчин, любят ли они заниматься и есть ли у кого-то отец, хоть немного похожий на ее отца? Утром она долго рассказывала Эмили об отце.

— Он теперь в море, Эмили, — говорила она. — А мы должны дружить и все друг другу рассказывать. Посмотри-ка на меня, Эмили. Какие у тебя глаза красивые! Просто прелесть! Жаль только, что ты не умеешь говорить.

Сара любила фантазировать и вечно выдумывала всякие причудливые истории. Ей было бы большим утешением думать, будто Эмили живая и все слышит и понимает.

Когда Мариэтт одела девочку в темно-синее форменное платье и завязала волосы темно-синей лентой, она подошла к Эмили, сидевшей в своем креслице, и вручила ей книгу.

— На-ка, почитай, пока меня не будет, — сказала она.

Увидав, что Мариэтт с любопытством смотрит на нее, она серьезно пояснила:

— Куклы много чего умеют, только мы об этом не догадываемся. Я это твердо знаю. Может быть, Эмили и правда умеет читать, говорить и ходить, но делает это только тогда, когда в комнате никого нет. Это ее тайна. Ведь если бы люди узнали, что куклы многое умеют, они бы заставили их работать. Может быть, поэтому куклы и дали друг другу клятву хранить тайну. Если вы останетесь в комнате, Эмили будет просто сидеть с широко открытыми глазами. Однако если вы уйдете, она станет читать или, может, смотреть в окошко. Но только услышит, что кто-то возвращается, тотчас прибежит, прыгнет в свое креслице и сделает вид,

что так там и сидела все время.

«Comme elle est drole!»[6] — подумала Мариэтт и, сойдя вниз, рассказала об этом старшей горничной. Впрочем, ей нравилась эта странная девочка, у которой было такое умное личико и такие прекрасные манеры. Раньше она ходила за детьми, которые вовсе не были так вежливы. Сара была очень хорошо воспитана и умела так приятно и учтиво говорить: «Пожалуйста, Мариэтт» и «Спасибо, Мариэтт», что совсем ее очаровала. Мариэтт сказала старшей горничной, что Сара ее благодарит так, будто разговаривает с леди. «Elle al'air d'une princesse, cette petite», [7] — прибавила она.

Мариэтт была в восторге от своей новой маленькой госпожи, и место ей очень нравилось.

После того как все нагляделись на Сару, сидевшую за своей партией, мисс Минчин величественно постучала по столу.

— Девицы, — сказала она, — я хочу представить вам новую воспитанницу.

Девочки встали — встала и Сара.

— Я надеюсь, что вы все будете внимательны к мисс Кру. Она приехала к нам издалека — из Индии. Когда классы закончатся, вы должны познакомиться друг с другом.

Ученицы церемонно поклонились. Сара сделала реверанс, а потом все снова сели и стали снова смотреть друг на друга.

— Сара, — произнесла мисс Минчин строго, как обычно говорила в классе, — подойдите ко мне.

Мисс Минчин взяла со стола книгу и стала перелистывать ее. Сара подошла.

— Отец ваш нанял вам горничную-француженку, — начала мисс Минчин. — Он, как я понимаю, хочет, чтобы вы хорошенько изучили французский язык.

Сара немного смутилась.

— Я думаю, он ее нанял, — сказала она, — потому... потому что думал, что она мне понравится, мисс Минчин.

— Боюсь, — заметила мисс Минчин с кислой улыбкой, — что вас очень избаловали и оттого вы думаете, что все делается для вашего удовольствия. Мне лично кажется, что ваш батюшка хотел, чтобы вы научились говорить по-французски.

Будь Сара постарше и не заботься она вечно о том, чтобы не показаться невежливой, она бы в нескольких словах все разъяснила. Но она смутилась — краска бросилась ей в лицо. Суровая и внушительная мисс Минчин была совершенно уверена в том, что Сара вовсе не знает французского; было неловко ее поправлять. На деле же Сара, сколько она себя помнила, всегда говорила по-французски. Когда она была еще совсем крошкой, ее отец часто говорил с ней по-французски. Мать Сары была француженкой, и капитан Кру любил ее язык. И потому Сара всегда его слышала и знала его, как родной.

— Конечно, я... я никогда не учила французский, но... но... — лепетала она, пытаюсь объясниться.

Мисс Минчин, к крайнему своему огорчению, не знала французского — и всячески скрывала это неприятное обстоятельство. Она не собиралась обсуждать далее эту тему, чтобы не выдать себя, — не дай Бог, эта новенькая спросит ее о чем-нибудь в простоте сердечной.

— Довольно, — произнесла она вежливо, но твердо. — Если вы его не учили, самое время начать. Месье Дюфарж, учитель французского, будет здесь через несколько минут. Возьмите учебник и посмотрите его, пока он не придет.

Щеки у Сары пылали. Она вернулась на свое место и раскрыла книгу. Она глядела на первую страницу, стараясь сохранить серьезность. Она понимала, что ей нельзя улыбнуться, — ведь она не хотела никого обидеть. Но ей было смешно учить, что *le pere* по-французски — «отец», а *la mere* — «мать».

Мисс Минчин внимательно посмотрела на нее.

— Вы как будто недовольны, Сара, — сказала она. — Я сожалею, что французский вам не нравится.

— Я очень люблю французский, — отвечала Сара, делая еще одну попытку объясниться, — только...

— Вы не должны возражать, когда вам велят что-то делать, — возразила мисс Минчин. — Читайте дальше.

Сара так и поступила и ни разу не улыбнулась, даже когда узнала, что *le fils* означает «сын», а *le frere* — «брат».

«Когда придет месье Дюфарж, — думала она, — я ему все объясню».

Месье Дюфарж не заставил себя ждать. Это был очень приятный и умный француз средних лет, он с интересом поглядел на Сару, которая из вежливости делала вид, что поглощена чтением.

— Это моя новая ученица, мадам? — обратился он к мисс Минчин. — Надеюсь, что мне выпала удача.

— Ее отец, капитан Кру, очень хотел бы, чтобы она занялась французским. Боюсь только, что она испытывает ребяческое предубеждение против него. Ей, видно, не хочется его учить.

— Мне очень жаль, мадемуазель, — сердечно сказал мсье Дюфарж. — Возможно, когда мы станем заниматься вместе, я сумею показать вам, какой это очаровательный язык.

Бедная Сара встала. Она была в отчаянии от неловкого положения, в котором оказалась, и с умоляющим видом взглянула на месье Дюфаржа своими большими, серо-зелеными глазами. Она знала, что он все поймет, стоит ей только заговорить. И она принялась объяснять — очень бегло и приятно выговаривая по-французски: мадам не поняла, она никогда не учила французский — по учебникам, — но ее папа и другие всегда говорили с ней по-французски, и она читала и писала по-французски так же, как читала и писала по-английски; ее папа любит французский, и она его поэтому тоже любит; ее бедная мамочка, которая умерла при ее рождении, была француженка; она будет рада выучиться всему, что месье захочет ей преподать, она только пыталась объяснить мадам, что слова из учебника она уже знает. И она протянула ему учебник.

Когда Сара заговорила, мисс Минчин, вздрогнув всем телом, с негодованием взглянула на нее поверх очков. Она не сводила с Сары глаз, пока та не смолкла. Месье Дюфарж радостно улыбнулся. Слушая, как этот детский голосок так просто и красиво выговаривает по-французски, он почувствовал, словно снова очутился на родине, которая в эти сумрачные лондонские дни казалась ему столь далекой. Когда Сара смолкла, он принял у нее учебник, ласково глядя на нее. Но ответил он мисс Минчин.

— Ах, мадам, — проговорил он, — я не многому могу ее научить. Она французский не учила

— она француженка. У нее прелестный выговор.

— Почему же вы мне сами не сказали? — вскричала с досадой мисс Минчин, обернувшись к Саре.

— Я... я пыталась, — произнесла Сара. — Я... я, верно, не так начала.

Мисс Минчин знала, что Сара пыталась и что она не виновата в том, что ей не дали объясниться. Увидав, что ученицы слушают их разговор, а Лавиния и Джесси хихикают, закрывшись французскими грамматиками, мисс Минчин совсем вышла из себя.

— Девицы, прошу вас замолчать, — строго сказала она, стуча по столу. — Сию же минуту замолчите!

С этой минуты она невзлюбила свою новую ученицу.

ГЛАВА 3

Эрменгарда

В это же утро, когда Сара сидела возле мисс Минчин и глаза всего класса были устремлены на нее, она заметила девочку со светло-голубыми, немного сонными глазами, примерно одних с ней лет. Это была толстушка с пухлыми губами, по-видимому, не очень далекая, но добродушная. Ее льняные волосы были заплетены в тугую косу, перевязанную лентой; она перебросила косу через плечо и, упершись локтями в парту, кусала зубами ленту и с изумлением взирала на новую ученицу. Когда месье Дюфарж заговорил с Сарой, она было встревожилась; но когда Сара ступила вперед и, устремив на него невинный молящий взгляд, вдруг ответила по-французски, толстушка удивленно вздрогнула и густо покраснела от ужаса и изумления. Вот уже несколько недель, как она проливала горькие слезы, стараясь запомнить, что *la mere* это «мать», а *le pere* — «отец» (к чему все это, когда можно говорить и по-английски?), а тут вдруг эта новенькая, ее ровесница, знает не только эти слова, но и множество других и без всякого труда составляет фразы.

Она глядела на Сару так пристально и так быстро жевала свою ленту, что привлекла внимание мисс Минчин, которая в раздражении тут же набросилась на нее.

— Мисс Сент-Джон! — вскричала она строго. — Что с вами? Снимите со стола локти! Выньте ленту изо рта! Сию же минуту сядьте прямо!

Мисс Сент-Джон снова вздрогнула всем телом, а когда Лавиния и Джесси захихикали, она еще пуще покраснела — казалось, вот-вот из ее глаз хлынут детские, простодушные слезы. Сара это заметила и от души пожалела толстушку — она ей понравилась, и Саре захотелось с ней подружиться. Такая уж у Сары была особенность: если кого-то обижали, ей всегда хотелось встать на защиту.

«Будь Сара юношей и живи она несколько веков назад, — бывало, говаривал ее отец, — она бы разъезжала с обнаженным мечом по свету и защищала бы всех, кто попал в беду. Она не может спокойно видеть, как кого-то обижают».

Вот почему Саре так понравилась толстая и неуклюжая мисс Сент-Джон; все утро она то и дело поглядывала в ее сторону. Сара поняла, что ученье давалось толстушке нелегко и что ей никогда не стать образцовой ученицей. Ее французский был ниже всякой критики. Она так произносила слова, что даже месье Дюфарж не мог скрыть улыбки, а Лавиния, Джесси и

другие более удачливые девочки хихикали или глядели на нее с презрительным недоумением. Но Сара не смеялась. Она делала вид, что не слышит, как коверкает слова мисс Сент-Джон. Сердце у Сары было горячее — она вознегодовала, услышав смешки и заметив, как огорчилась бедная девочка.

— Это совсем не смешно, — шептала она сквозь зубы, наклонившись над учебником. — Зачем они смеются?

Когда классы кончились и ученицы, разбившись на группки, стали болтать между собой, Сара поискала глазами мисс Сент-Джон и, увидев, что та грустно сидит в одиночестве на скамье, устроенной в оконном проеме, подошла к ней и заговорила. Она произнесла обычные слова, которые говорят друг другу девочки при первом знакомстве, но держала себя при этом мило и дружелюбно, что всегда производит хорошее впечатление.

— Как тебя зовут? — спросила Сара.

Мисс Сент-Джон изумилась. С ней хочет познакомиться новенькая, у которой есть собственный экипаж, пони и горничная и которая к тому же приехала прямо из Индии! Накануне вечером об этой новенькой судачили все воспитанницы — ведь новые ученицы всегда вызывают всеобщий интерес! Утомленные волнением и противоречивыми слухами, они заснули поздно. Нет, это не простое знакомство!

— Эрменгарда Сент-Джон, — отвечала толстушка.

— А меня Сара Кру, — сказала Сара. — Красивое у тебя имя. Словно из книжки!

— Тебе нравится? — робко спросила Эрменгарда. — А мне... нравится твое.

Мисс Сент-Джон не повезло в жизни — у нее был очень умный отец. Порой ей казалось, что ничего хуже не придумаешь. Если отец у тебя все знает, говорит на семи или восьми языках, имеет библиотеку в тысячи томов и, судя по всему, помнит все их наизусть, то ему, конечно, хочется, чтобы дочь по меньшей мере знала, что там написано в учебниках, и уж конечно, он полагает, что она сумеет запомнить кое-какие факты из истории и сделать французское упражнение. Эрменгарда была тяжким испытанием для мистера Сент-Джона. Он никак не мог взять в толк, почему его дочь оказалась такой неспособной и глупой, почему никогда и ни в чем не отличилась.

«Ну и ну! — не раз говаривал он, глядя на дочь. — Порой мне кажется, что она так же глупа, как ее тетка Элиза!»

Если тетке Элизе науки не давались, если она тотчас забывала все, что выучила, то Эрменгарда действительно была ужасно на нее похожа. Сказать по правде, во всей школе не было большей тупицы, чем Эрменгарда.

— Заставьте ее учиться! — сказал мистер Сент-Джон мисс Минчин.

В результате Эрменгарда проводила большую часть своей жизни в опале или в слезах. Она учила уроки — и тотчас забывала, а если что и помнила, то не понимала. Вот почему, познакомившись с Сарой, она взирала на нее с глубоким восхищением.

— Ты по-французски спокойно говоришь, правда? — спросила она уважительно.

Сара забралась на сиденье, устроенное в глубоком проеме окна, и, подобрав под себя ноги, уселась, обхватив колени руками.

— Говорю, потому что слышала его всю жизнь, — отвечала Сара. — Ты бы тоже говорила, если бы всегда его слышала.

— Ах, нет, я бы не смогла, — воскликнула Эрменгарда. — Я бы никогда не смогла!

— Почему? — спросила с интересом Сара.

— Ты же слышала, как я сегодня отвечала. Это всегда так. Я эти слова просто не могу произносить. Они такие странные. — Она помолчала, а потом прибавила не без благоговения в голосе: — Ты ведь умная, правда?

Сара задумалась, глядя в окно на грязную площадь, где по мокрой железной ограде прыгали и чирикали воробьи, и на покрытые сажей ветви деревьев... Ее часто называли «умной», и она спрашивала себя, так ли это, а если так, то как это вышло.

— Не знаю, — наконец отвечала она. — Мне трудно сказать.

Потом, увидев, что круглое розовощекое лицо омрачилось, Сара засмеялась и переменяла тему.

— Хочешь взглянуть на Эмили? — предложила она.

— Кто это Эмили? — спросила Эрменгарда совсем так же, как мисс Минчин.

— Пойдем ко мне в комнату — увидишь, — ответила Сара и протянула ей руку.

Они спрыгнули со скамьи и поднялись наверх.

— А правда, — зашептала Эрменгарда, когда они пересекали холл, — правда, что у тебя есть собственная комната для игр?

— Да, — ответила Сара. — Папа попросил об этом мисс Минчин... Знаешь, когда я играю, я сочиняю всякие истории и рассказываю их сама себе, и я не люблю, чтобы меня слышали. Если меня слушают, это все портит.

К этому времени они были уже в коридоре, который вел в комнату Сары. Услышав ее ответ, Эрменгарда остановилась и, едва дыша, посмотрела на Сару широко раскрытыми глазами.

— Ты сочиняешь истории? — проговорила она с волнением. — Ты не только говоришь по-французски, но еще и сочиняешь? Неужели это правда?

Сара взглянула на нее с изумлением.

— Послушай, это все умеют, — сказала она. — Разве ты никогда не пробовала?

Не дожидаясь ответа, она предостерегающе тронула Эрменгарду за руку и шепнула:

— Давай тихонько подкрадемся к двери — и я ее распахну. Может, нам удастся поймать ее врасплох!

Конечно, она шутила, но в глазах ее мелькнула тайная надежда, которая увлекла Эрменгарду, хотя она и не понимала, что все это значит, и кого Сара хочет поймать врасплох, и зачем это нужно. Впрочем, Эрменгарда не сомневалась, что увидит что-то на редкость приятное и удивительное. А потому, дрожа от радостного ожидания, она шла на цыпочках за Сарой по коридору. Неслышно подкравшись к двери, Сара быстро повернула ручку и распахнула дверь. В аккуратной прибранной комнате стояла тишина, в камине горел неяркий огонь, а в креслице возле камина сидела дивная кукла и как будто читала книжку.

— Ах, опоздали! — вскричала Сара. — Она успела добежать до своего кресла! Всегда так! Куклы такие быстрые, как молния!

Эрменгарда переводила взгляд с Сары на куклу и обратно. У нее перехватило дыхание.

— Она умеет... ходить? — спросила она изумленно.

— Да, — отвечала Сара. — Так я, по крайней мере, думаю. Вернее, воображаю. И тогда мне кажется, что так оно и есть. А ты разве никогда ничего не воображала?

— Нет, — призналась Эрменгарда. — Никогда. Я... расскажи мне про это.

Ее так околдовала эта странная новенькая, что она смотрела совсем не на Эмили, хотя в жизни не видела таких чудесных кукол, а на Сару.

— Давай сядем, — предложила Сара, — и я тебе расскажу. Это так просто — стоит только начать, и уже не остановишься! Придумываешь и придумываешь без конца! Это просто чудесно! Эмили, послушай. Это Эрменгарда Сент-Джон, Эмили. Эрменгарда, это Эмили. Хочешь ее подержать?

— А можно? — спросила Эрменгарда. — Нет, правда, можно? Она такая красивая!

За всю свою короткую скучную жизнь мисс Сент-Джон даже и не мечтала, что ей выпадет счастье так чудесно провести время, как в это утро со странной новенькой. Они пробыли в комнате Сары целый час, пока не прозвенел звонок на обед и им не пришлось спуститься вниз.

Сара устроилась на коврик перед камином и рассказывала Эрменгарде удивительные вещи — ее зеленые глаза сверкали, щеки горели. Она рассказала о своем путешествии и об Индии; но больше всего Эрменгарду увлекла фантазия о куклах, которые ходят, разговаривают и делают многое другое, стоит лишь людям выйти из комнаты. Своей тайны они никому не открывают и с быстротой молнии возвращаются на свои места, как только слышат, что кто-то идет.

— Мы бы так не смогли, — серьезно заметила Сара. — Это какое-то волшебство.

Когда она поведала о поисках Эмили, лицо ее вдруг затуманилось, а свет в глазах погас. Эрменгарда это заметила. Какой-то странный звук, не то вздох, не то всхлип, вырвался у Сары из груди, а потом, словно приняв решение, она плотно сжала губы. Эрменгарде подумалось, что другая бы на ее месте зарыдала. Но Сара сдержалась.

— У тебя что-то... болит? — осмелилась Эрменгарда.

— Да, — отвечала Сара, помолчав. — Только не тело.

И, сдерживая дрожь в голосе, тихо спросила:

— Ты своего отца больше всего на свете любишь?

Эрменгарда разинула рот. Ей и в голову не приходило, что можно любить собственного отца; честно говоря, она готова была на все, только бы не оставаться с ним наедине даже на десять минут. Впрочем, она понимала, что благовоспитанной девочке, которая учится в пансионе для благородных девиц, признаться в этом невозможно. Она смутилась.

— Я... я его почти не вижу, — проговорила она запинаясь. — Он всегда сидит в библиотеке и что-то читает.

— А я своего папочку люблю больше всего на свете, и еще в десять раз сильнее, — сказала Сара. — Вот почему мне больно. Ведь он уехал.

Она опустила голову на колени и несколько минут сидела не двигаясь.

«Сейчас заплачет», — со страхом подумала Эрменгарда.

Но Сара не заплакала. Короткие черные волосы упали ей на лицо; она молчала. Потом, не поднимая головы, произнесла:

— Я ему обещала, что выдержу, — и выдержу. Подумай, что приходится выносить военным! А мой папа военный. Случись война — ему бы пришлось идти в поход, страдать от жажды, может, даже от ран. Но он бы никогда ни слова не сказал — ни одного слова!

Эрменгарда молча смотрела на Сару; она чувствовала, что ее заливают волна обожания. Сара такая удивительная! Она ни на кого не похожа!

Наконец Сара подняла голову и с какой-то странной улыбкой откинула назад пряди волос.

— Мне будет легче, если я буду говорить, — сказала она. — Буду говорить... буду рассказывать тебе про свои фантазии. Забыть не забуду, но выдержать легче.

Эрменгарда не знала, почему при этих словах горло у нее сжало, а на глаза навернулись слезы.

— Лавиния и Джесси — закадычные подружки, — сказала она вдруг охрипшим голосом. — Вот бы и нам так. Ты бы согласилась со мной дружить? Ты умница, а я самая глупая в школе, но... ты мне так нравишься!

— Я рада, — отвечала Сара. — Когда кому-то нравишься, хочется сказать «спасибо». Да, давай дружить. И знаешь что? — Лицо у нее просветлело. — Я тебе помогу с французским.

ГЛАВА 4

Лотти

Будь у Сары другой характер, десять лет, которые ей предстояло провести в пансионе мисс Минчин, не пошли бы ей на пользу. С ней обращались так, словно она была почетной гостьей, а не просто маленькой девочкой. Будь она упрямой и высокомерной, она бы стала просто невыносимой — так ей во всем потакали и льстили. Будь она нерадивой, она бы ничему не научилась. Мисс Минчин в глубине души ее невлюбила, но она была женщина практичная и дорожила такой ученицей. Скажешь или сделаешь ей что-нибудь неприятное, а она возьмет и оставит школу. Мисс Минчин прекрасно знала: стоит Саре написать отцу, что ей здесь плохо, и капитан Кру тотчас ее заберет. А потому она постоянно хвалила Сару и позволяла ей делать все, что только та ни пожелает. Мисс Минчин была, уверена, что всякий ребенок, с которым так обращаются в школе, будет любить ее. И потому Сару хвалили за все: за успехи в занятиях, за прекрасные манеры, за доброту к подругам, за щедрость — стоило ей вынуть из кошелька, в котором никогда не переводились деньги, монетку в шесть пенсов и подать ее нищему. Самый простой ее поступок превращали в добродетель, и, не будь она умна и скромна, она бы стала весьма самодовольной девицей. Однако она судила весьма трезво и верно и о себе самой, и о своем положении. Порой Сара делилась своими мыслями с Эрменгардой.

— В жизни так много случайностей, — говорила она. — Мне, например, просто посчастливилось: я всегда любила читать и заниматься и всегда легко запоминала все, что учила, — так уж вышло. Случилось так, что обо мне с рождения заботился добрый, умный,

красивый отец, и у меня всегда было все, что мне хотелось. Может быть, на самом-то деле характер у меня неважный, а я кажусь доброй просто потому, что у меня все есть и все ко мне хорошо относятся.

Она задумалась и серьезно прибавила:

— Как мне понять, хорошая я или плохая, не знаю. Возможно, характер у меня ужасный, а никто об этом никогда и не догадывался, потому что меня ни разу не испытали.

— Лавинию тоже не подвергали испытанию, но она противная, это совершенно ясно, — проговорила Эрменгарда твердо.

Сара задумчиво потерла кончик носа.

— Может, это просто потому, что она растет, — произнесла она наконец.

Сара была столь снисходительна оттого, что вспомнила слова мисс Амелии, которая как-то заметила, будто Лавиния так быстро растет, что это влияет на ее здоровье и характер.

Меж тем Лавиния Сару не жаловала. Сказать по правде, она ей безумно завидовала. До того как появилась Сара, она считала себя первой в школе. Достигла этого Лавиния самым простым путем: если кто-то из девочек ее не слушался, она знала, как ей досадить. Маленькими она помыкала как хотела, а со сверстницами держалась высокомерно. Она была довольно хорошенькой, ее хорошо одевали, и потому, когда воспитанниц вели на прогулку, она всегда шла впереди всех. Но стоило появиться Саре с ее бархатными шубками, собольими муфтами и мягкими страусовыми перьями, как мисс Минчин распорядилась, чтобы первой шла она. Поначалу уже одно это было Лавинии обидно; однако со временем обнаружилось, что Сара тоже может иметь на других девочек влияние и достигает этого не тем, что кому-то досаждают, а, напротив, тем, что никогда этого не делает.

Джесси вызвала гнев своей закадычной подружки, честно признав:

— Да, Сара Кру ни капельки не заносится. А ведь она могла бы, Лавви, ты это знаешь. Я бы наверняка не удержалась — и хоть немножко бы занеслась — если б у меня было столько нарядов и все бы мне так угождали. Нет, это просто противно, до чего мисс Минчин ее при родителях выставляет!

— «Пойдите в гостиную, милая Сара, и поговорите с миссис Масгрейв об Индии», — передразнила Лавиния мисс Минчин. — «Поговорите по-французски с леди Питкин, милая Сара, у вас такое дивное произношение». Что-что, а французский она выучила не в пансионе. И ничего тут нет особенного! Она сама говорит, что совсем им не занималась. Просто научилась, потому что ее отец всегда по-французски говорил. А что он офицер в Индии, так ничего особенного в этом нет!

— Как тебе сказать... — проговорила с расстановкой Джесси. — Ведь он тигров убивал! У Сары в комнате лежит шкура тигра — так это он его убил. Потому Сара эту шкуру и любит. Она на нее ложится, гладит голову тигра и разговаривает с ним, как с кошкой.

— Вечно она всякими глупостями занимается, — отрезала Лавиния. — Моя мама говорит: глупо фантазировать, как Сара. Мама говорит: она вырастет чудачкой.

Это верно, Сара никогда не заносилась. Она ко всем относилась доброжелательно и охотно делилась всем, чем могла. Эта ученица, которой все завидовали, никогда не обижала самых маленьких, давно привыкших к тому, что зрелые девицы десяти — двенадцати лет от роду их презирают и велют не путаться под ногами. Сара всегда готова была их пожалеть и, если кто-то падал и разбивал коленки, подбегала, помогала встать и утешала, а потом

вытаскивала из кармана конфетку или еще что-нибудь приятное. Она никогда не отталкивала малышей в сторону и не отзывалась с презрением об их летах, словно то было пятно на их биографии.

— Что из того, что ей четыре года? — сурово сказала она Лавинии, когда та, как ни грустно в этом признаться, отшлепала Лотти и назвала ее «младенцем». — Через год ей будет пять, а еще через год — шесть. — Сара широко открыла свои большие глаза и с убеждением прибавила: — А через шестнадцать — всего через шестнадцать лет! — ей будет двадцать.

— Ах, как мы хорошо считаем! — фыркнула Лавиния.

Что говорить, четыре плюс шестнадцать и вправду равнялось двадцати, а двадцать лет — такой возраст, о котором не смели мечтать и самые отважные девочки.

Вот почему малыши Сару обожали. Было известно, что она не раз устраивала у себя в комнате чаепитие для этих презираемых всеми крошек. Им разрешалось играть с Эмили и пить слабенький сладкий чай из чашечек с голубыми цветочками, которые, если подумать, были совсем не такими уж маленькими. Из малышей никто раньше не видывал настоящего кукольного сервиза! Приготовишки стали взирать на Сару как на богиню или королеву. Лотти Ли до того перед ней преклонялась, что если бы не Сарина доброта, Лотти бы ей надоела. Когда мать Лотти умерла, ее легкомысленный папаша отдал дочь в пансион — по молодости он просто не знал, что с ней делать. С Лотти от рождения обращались так, будто она была не то любимой куклой, не то балованной обезьянкой или собачкой, и в результате она стала ужасным ребенком. Если ей чего-то хотелось или, наоборот, не хотелось, она тотчас начинала кричать и плакать; а так как ей вечно хотелось чего-то недозволенного и не хотелось полезного, ее пронзительные вопли то и дело раздавались в разных частях дома. Каким-то образом она узнала, что маленькую девочку, потерявшую мать, все должны жалеть и баловать. Возможно, она слышала, как говорили об этом взрослые сразу же после смерти ее матери. И она привыкла беззастенчиво этим пользоваться.

Однажды утром, проходя мимо гостиной, Сара услышала, как мисс Минчин с мисс Амелией безуспешно пытаются утихомирить громко рыдавшую девочку, которая никак не желала замолчать. Она вопила так громко, что мисс Минчин, хотя и сохраняя свое обычное достоинство и даже суровость, чуть не кричала, чтобы быть услышанной.

— Что она плачет? — кричала мисс Минчин.

— А-а-а! У меня нет ма-моч-ки!

— Ах, Лотти! — надрывалась мисс Амелия. — Пожалуйста, замолчи! Милая, не плачь! Прошу тебя!

— А-а-а! — бурно рыдала Лотти. — Нет ма-а-моч-ки!

— Ее надо выпороть, — провозгласила мисс Минчин. — Мы тебя выпорем, негодница!

Лотти еще пуще заревела, а мисс Амелия расплакалась. Мисс Минчин повысила голос, так что он загремел во всю мощь, а потом вдруг в бессильном гневе вскочила с кресла и бросилась вон из комнаты, оставив мисс Амелию улаживать дело как знает.

Сара стояла в холле, раздумывая, не войти ли ей в гостиную; не так давно она дружески беседовала с Лотти; возможно, ей удастся ее успокоить. Выбежав из комнаты, мисс Минчин, к величайшему своему неудовольствию, увидела Сару. Она сообразила, что кричала слишком громко и что голос ее, доносясь из гостиной, звучал не очень-то ласково или величественно.

— Ах, это вы, Сара! — воскликнула она с деланой улыбкой.

— Я остановилась, — объяснила Сара, — потому что поняла, что это Лотти... и я подумала... вдруг... кто знает, вдруг я сумею ее успокоить. Можно я попробую, мисс Минчин?

— Да, если хотите. Вы умная девочка, — отвечала мисс Минчин, поджимая губы.

Но, увидя, что Сару смутила ее резкость, она изменила тон.

— Впрочем, вам все удастся, — прибавила она с улыбкой. — Вы с ней наверное справитесь. Можете попробовать.

И она удалилась.

Войдя в комнату, Сара увидела, что Лотти лежит на полу и, громко рыдая, колотит по нему своими толстыми ножками, а над ней с красным и потным лицом стоит на коленях перепуганная мисс Амелия.

Еще у себя дома в детской Лотти поняла, что если погромче кричать и колотить ногами, то все начинают тебя наперебой успокаивать. Бедная мисс Амелия и так и этак старалась успокоить Лотти, но все без толку.

— Ах ты, бедняжка! — говорила она. — Я знаю, что у тебя нет мамочки, у бедной... — И тут же меняла тон: — Если ты не замолчишь, Лотти, я тебя ударю! Бедный ангелочек! Ну, не плачь!.. Ах ты непослушная, дрянная, отвратительная девчонка! Сейчас я тебя отшлепаю! Честное слово, отшлепаю!

Сара молча подошла ближе. Она понятия не имела, что делать, только смутно понимала, что лучше не бросаться из одной крайности в другую и не показывать волнение и беспомощность.

— Мисс Амелия, — произнесла она тихо, — мисс Минчин разрешила мне попытаться ее успокоить. Можно я попробую?

Мисс Амелия обернулась и посмотрела на Сару без всякой надежды.

— Вы думаете, вам удастся? — проговорила она, тяжело дыша.

— Не знаю, — отвечала Сара все так же тихо, — но я постараюсь.

Мисс Амелия глубоко вздохнула и поднялась с колен. Толстые ножки Лотти все так же энергично били по полу.

— Если вы тихонько выйдете из комнаты, — сказала Сара, — я останусь с ней.

— Ах, Сара, — чуть не плача, отвечала мисс Амелия. — У нас никогда еще не было такой ужасной воспитанницы. Ей нельзя у нас оставаться.

С этими словами она выскользнула из комнаты, обрадовавшись, что может оставить Лотти на Сару.

С минуту Сара стояла возле вопившей девчушки и молча смотрела на нее. Потом уселась рядом на пол и принялась ждать. Кроме яростных воплей Лотти, в комнате не раздавалось ни звука. Такое положение дел удивило маленькую мисс Ли — она привыкла к тому, что стоит ей закатить истерику, как все приходят в волнение и начинают всячески ее уламывать. Лежать на полу, брыкаться и рыдать, в то время как единственный зритель не обращает на нее никакого внимания, — такое ей было внове. Лотти приоткрыла зажмуренные глаза, чтобы взглянуть, кто это сидит рядом. А-а, это просто воспитанница! Правда, у этой воспитанницы есть Эмили и всякие чудесные вещи. Воспитанница пристально глядела на Лотти — видно,

обдумывала что-то. Смолкнув на мгновение, чтобы выяснить, что происходит, Лотти решила снова закричать, но тишина, царившая в комнате, и необычное выражение Сарино лица несколько поубавили ее пыл.

— У меня... мамочки... не-ет! — выкрикнула она, но голос ее звучал как-то неуверенно.

Сара еще пристальнее взгляделась в Лотти — в глазах ее мелькнуло понимание.

— И у меня нет, — сказала она.

Это было так неожиданно, что произвело на Лотти потрясающее впечатление. Она опустила ноги, замерла и уставилась на Сару. Новая мысль может остановить плач ребенка, если все другое бессильно. К тому же Лотти не любила ни мисс Минчин, которая вечно сердилась, ни мисс Амелию, которая ей во всем потакала; а Сара, как ни мало она ее знала, ей нравилась. Лотти не хотелось так быстро сдаваться, но Сарины слова ее отвлекли; она повернулась и, сердито всхлипнув, спросила:

— Где же она?

Сара ответила не сразу. Ей говорили, что ее мать на небе, — она много думала и составила об этом собственное представление.

— Она на небе, — наконец сказала она. — Но я уверена, что иногда она приходит взглянуть на меня — хотя я ее и не вижу. И твоя тоже приходит. Может, они обе сейчас на нас смотрят. Может, они сейчас здесь, в этой комнате.

Лотти быстро села и огляделась. Это была хорошенькая кудрявая девчушка с круглыми глазами, которые в эту минуту походили на мокрые незабудки. Если бы ее матушка наблюдала за ней в последние полчаса, вряд ли она сочла бы ее достойным небожительницы чадом.

А Сара продолжала рассказывать. Возможно, кое-кому ее слова показались бы сказкой, но она говорила с такой убежденностью, что Лотти поневоле прислушалась. Ей и раньше говорили, что ее мама на небе, что у нее есть крылья и венец; ей показывали картинки с изображением дам в белоснежных ночных рубашках, которых, оказывается, называют ангелами. Но Сара рассказывала так, словно все это было правдой и в этой прекрасной стране жили живые люди.

— Там все луга в цветах, — говорила, словно во сне, Сара, как всегда, увлекаясь, — и целые поляны лилий, а над ними веет ветерок и разносит по воздуху аромат, и все его вдыхают — всегда, потому что там всегда ветерок. А маленькие дети бегают в лугах, собирают охапки лилий, смеются и вьют из них венки. А улицы там сверкают. И никто никогда не устает, какой бы долгой ни была дорога. Летят себе куда хотят. А стены вокруг этого града — из золота и жемчуга, и они такие низкие, что можно к ним подойти и облокотиться, глядеть вниз на землю и с улыбкой слать нам привет.

Что бы ни стала рассказывать Сара, Лотти, несомненно, замолчала бы и заслушалась; но эта история увлекла ее больше других. Она пододвинулась к Саре поближе и жадно ловила каждое слово. Но вот Сара смолкла — ах, зачем она смолкла?! Стоило Саре замолчать, как губы у Лотти снова задрожали.

— Я хочу туда! — закричала она. — В этой школе... у меня нет ма-а-мы!

Сара увидела, что дело снова принимает опасный оборот, и вышла из забытья. Она взяла Лотти за руку и с улыбкой прижала ее к себе.

— Я буду твоей мамой, — сказала она. — Давай играть, будто ты моя дочка. А Эмили будет

твоей сестренкой.

Лотти заулыбалась.

— Правда? — спросила она.

— Да, — подтвердила Сара и вскочила. — Давай пойдем и ей скажем об этом. А потом я тебя умою и расчешу тебе волосы.

Лотти весело согласилась и побежала за Сарой наверх, совершенно забыв о том, что причиной разыгравшейся в гостиной трагедии было то, что она отказывалась умыться и причесаться перед обедом (из-за чего и была призвана на помощь мисс Минчин, чтобы она употребила свой авторитет).

С этого дня Сара стала «приемной мамой» Лотти.

ГЛАВА 5

Бекки

Источником необычайного влияния, которое имела на учениц Сара, было то, что она чудесно рассказывала сказки, — в ее устах все, что бы она ни рассказывала, превращалось в сказку. Этот дар способствовал ее популярности гораздо больше, чем окружавшая ее роскошь и то «особое положение», на котором она жила, — хотя и вызывал зависть Лавинии и некоторых других девочек, не умевших в то же время устоять против его чарующей силы.

Все, кому довелось учиться в школе, в которой была такая рассказчица, знают, какое это чудо, как за нею ходят и шепотом просят рассказать что-нибудь, как собираются вокруг рассказчицы немногие счастливицы, в то время как непосвященные бродят неподалеку в надежде, что и им разрешат подойти и послушать. Сара не только умела, но и любила рассказывать сказки и всякие удивительные истории. Когда, стоя в окружении воспитанниц, она начинала фантазировать, ее зеленые глаза широко раскрывались и сияли, щеки разгорались, и она принималась, сама того не сознавая, изображать тех, о ком рассказывала; голос ее то взмывал вверх, то падал, стройная фигурка склонялась, раскачивалась, руки выразительно жестикулировали — все это просто завораживало слушателей, а подчас даже внушало им ужас. Она забывала, что ее слушают дети; она видела волшебниц, королей, королев и прекрасных дам и жила их жизнью. Порой, закончив рассказ, она просто задыхалась от волнения и, прижав руку к груди, тихонько смеялась над собой.

— Когда я рассказываю, — говорила она, — мне кажется, будто это не выдумка. Мне кажется, будто все это правда, и даже больше, чем вы все, чем наша классная комната. У меня такое чувство, будто я становлюсь героями своей сказки: сначала одним, потом другим. Это так странно!

Однажды пасмурным зимним днем, года два спустя после поступления в школу мисс Минчин, Сара выходила из коляски, на ней были меха и теплая бархатная шубка. Она выглядела великолепно, хотя и не подозревала об этом. Переходя улицу, Сара внезапно увидела на лестнице, ведущей вниз, в кухню, маленькую замарашку. Вытянув шею и широко раскрыв глаза, она смотрела через ограду на Сару. Ее невымытое личико выражало такое восхищение и робость, что Сара задержала на нем взгляд — и улыбнулась. Сара всем улыбалась.

Но обладательница невымытого лица и широко открытых глаз, видно, испугалась — ведь ей не следовало глазеть на таких важных учениц, и поспешила скрыться, бросившись вниз на

кухню. Все это произошло так быстро, что Сара невольно бы рассмеялась, не будь девочка такой бедной и несчастной.

В тот же вечер Сара сидела в уголке классной комнаты и рассказывала собравшимся вокруг нее воспитанницам сказку. Вдруг в комнату робко вошла та самая девочка — она несла ящик с углем, который был явно слишком тяжел для нее. Опустившись на колени перед камином, она стала подкладывать уголь в огонь и выгребать золу.

Теперь она была не так грязна, как днем, но казалась такой же испуганной. Она явно боялась смотреть на воспитанниц и не хотела, чтобы они заметили, что она слушает сказку. Уголь в камин она клала осторожно, руками, стараясь не стучать, а золу выметала совсем тихо. Но Сара тотчас заметила, что сказка ее очень увлекла и что она старается делать все как можно медленнее, надеясь услышать побольше. Поняв это, Сара стала говорить громче, ясно выговаривая каждое слово.

— Русалки тихо плыли в прозрачной зеленой воде и тянули за собой сеть, сплетенную из морского жемчуга, — рассказывала она. — Принцесса сидела на белом утесе и смотрела на них.

Это была чудесная сказка о принцессе, которую полюбил морской царь и которая ушла к нему и стала жить в сверкающих пещерах на дне морском.

Маленькая замарашка вымела золу из камина раз... потом другой... потом третий. Сказка так ее заморозила, что она замерла, забыв обо всем — даже о том, что не имеет права слушать. Стоя на коленях на коврик перед камином, она откинулась назад — щетка застыла в ее руках. А сказка все звучала, увлекая ее в таинственные гроты под водой, освещенные мягким голубоватым светом и выстланные золотистым песком. Диковинные морские цветы и водоросли колыхались вокруг — издали доносились тихие звуки музыки и пение.

Щетка выпала из загрубевшей руки маленькой служанки.

— Эта девчонка подслушивает! — вскричала Лавиния Герберт, оглянувшись.

Маленькая служанка виновато подняла щетку и вскочила. Она схватила ящик с углем и, словно испуганный заяц, выскочила из комнаты.

Сара вспыхнула.

— Я знала, что она слушает, — сказала она. — А почему бы и нет?

Лавиния изящно покачала головой.

— Не знаю, — проговорила она, — может, твоя мама и разрешила бы тебе рассказывать сказки служанкам, но моя мне бы этого не позволила, я точно знаю!

— Моя мама! — со странным выражением повторила Сара. — Она бы, конечно, не возражала. Она знает, что сказки принадлежат всем.

— А я-то полагала, что твоя мама умерла, — опомнившись, возразила с едкостью Лавиния. — Как она может что-то знать?

— А ты считаешь, она ничего не знает? — тихо, но строго спросила Сара.

Иногда у нее бывал такой тихий, но строгий голос.

— Сарина мама все знает, — звонко подхватила Лотти. — И моя мама тоже. Здесь, в школе, моя мама — Сара. А та моя мама все знает. Улицы там сияют, и в полях растут лилии, и все

их собирают. Сара мне рассказывает, когда меня спать кладет.

— Ах вот что! — набросилась Лавиния на Сару. — Ты придумываешь сказки про небо!

— В Библии еще не такие сказки есть, — возразила Сара. — Откровение Иоанна Богослова. Можешь проверить! И потом — откуда ты знаешь, что это сказки? — В голосе ее зазвучал гнев, совсем не подходящий для данного случая. — Но вот что я тебе скажу, Лавиния: ты никогда не узнаешь, сказки это или не сказки, если не станешь к людям добрее. Пошли, Лотти!

И они удалились. Выходя в холл, Сара надеялась увидеть маленькую служанку — но той нигде не было.

— Кто эта девочка, которая разжигает камин? — спросила она у Мариэтт в тот же вечер.

Ах, немудрено, что мадемуазель Сара спрашивает, защебетала Мариэтт. Эту бедняжку взяли судомойкой, — правда, она не только моет посуду, на нее всё взваливают. Она чистит ботинки и каминные решетки, таскает наверх уголь, моет полы и окна, и все, кому не лень, ею помыкают. Ей уже четырнадцать лет, но она такая малорослая, что больше двенадцати ей ни за что не дашь. Сказать по правде, Мариэтт ее жалеет. Она такая робкая, что, если с ней вдруг заговорить, у нее от страха чуть глаза из орбит не выскакивают.

— А как ее зовут? — спросила Сара.

Она сидела у стола, опершись подбородком на руки, и внимательно слушала рассказ Мариэтт.

Зовут ее Бекки. Мариэтт слышала, как внизу то и дело кричали: «Бекки, сделай то!», «Бекки, сделай это!».

Мариэтт вышла, а Сара еще посидела, глядя в огонь и размышляя о Бекки. В голове у нее начала складываться сказка: Бекки была в этой сказке героиней, которую все обижали. Похоже, она никогда не ест досыта, думала Сара, у нее даже глаза голодные. Сара надеялась, что снова встретит Бекки, но, хотя позже она несколько раз видела, как Бекки что-то тащит наверх, та всегда так спешила и так боялась, что ее заметят, что говорить с ней было невозможно.

Однако несколько недель спустя, войдя в такой же пасмурный день в свою гостиную, Сара увидела жалкую картину. В ее любимом кресле перед ярко горевшим камином сидела Бекки. Нос и передник у нее были перепачканы сажей, чепчик сбился на сторону, рядом с ней на полу стоял пустой ящик с углем, а сама она, измученная непосильным трудом, крепко спала. Ее послали наверх убирать спальни. Спален было множество, и она трудилась весь день. Комнаты Сары она оставила напоследок. Они не походили на просто обставленные комнаты других воспитанниц, в которых стояли лишь самые необходимые вещи. Гостиная Сары казалась маленькой служанке островком роскоши, хотя на деле это была всего лишь уютная светлая комната. Но в ней стоял диван и низкое мягкое кресло, а еще там были картины, книги и всякие диковинки из Индии; в начищенном камине ярко горел огонь, а в креслице, словно верховное божество, восседала Эмили. Бекки оставляла эту комнату напоследок — ей было приятно в нее заходить, и она всегда надеялась, что ей удастся выкроить несколько минут, сесть в мягкое кресло, оглядеться и подумать о той счастливице, которая здесь живет. Она такая красивая, эта мисс Кру! А в холодные дни она выходит погулять в таких дивных капорах и шубках! Бекки всегда хотелось хоть одним глазком глянуть на них сквозь решетку.

Когда Бекки присела в тот день в кресло, чтобы дать отдохнуть ногам, которые так и ныли от беготни, блаженное чувство покоя нахлынуло на нее, а от огня, пылавшего в камине, ее охватила истома. Она глядела на раскаленные угли — и на измазанном сажей лице

постепенно расплывалась усталая улыбка. Голова ее упала на грудь, веки опустились, и она крепко заснула. Минут через десять в комнату вошла Сара, но Бекки спала так крепко, что казалось, будто вот уже сотня лет, как она, наподобие Спящей красавицы, погрузилась в сон. Только бедная Бекки совсем не походила на Спящую красавицу. Это была некрасивая, низкорослая, измученная непосильной работой девочка.

Рядом с ней Сара казалась существом из иного мира, до того велика была разница между ними.

В тот день у девочек был урок танцев, и, хотя учитель появлялся в пансионе каждую неделю, эти уроки считались важным событием. Воспитанницы одевались для них в самые нарядные платья, а так как Сара отменно танцевала и ее всегда ставили впереди, Мариэтт просили одеть ее во что-то прозрачное и воздушное.

Сегодня на Саре было розовое платье, а черные волосы украшал сплетенный Мариэтт венок из бутонов живых роз. Сара разучивала новый чудесный танец, скользила и летала по зале, словно большая розовая бабочка; лицо ее так и сияло от быстрого движения и удовольствия.

Она впрорхнула в комнату — и вдруг увидела спящую Бекки, со сбившимся на сторону чепцом.

— Ах! — еле слышно выдохнула Сара. — Бедняжка!

Ее ничуть не рассердило, что в ее любимом кресле расположилась маленькая замарашка. Она даже обрадовалась, увидев Бекки. Теперь, когда несчастная героиня ее сказки проснется, она сможет наконец с ней поговорить. Она осторожно подошла к Бекки и остановилась, глядя на нее. Бекки слегка всхрапнула.

«Хорошо бы она проснулась сама, — подумала Сара. — Не хочется ее будить. Только вот мисс Минчин рассердится, если увидит ее здесь. Подожду еще немножко».

Она присела на край стола и, болтая стройными розовыми ножками, задумалась, как лучше поступить. В любую минуту в комнату могла войти мисс Амелия — и тогда Бекки достанется!

«Но она так устала, — думала Сара. — Так ужасно устала».

В эту минуту раскаленный уголек отлетел от большого куска угля, горевшего в камине, и, упав на пол, положил конец ее сомнениям. Бекки вздрогнула и в испуге открыла глаза. Неужто она заснула? Вот только присела на минуточку перед камином, и вдруг оказалось, что она спала, — какой ужас! А рядом, словно дивная розовая фея, сидит мисс Кру и с интересом смотрит на нее!

Бекки вскочила и схватилась руками за чепчик. Она чувствовала, что он съехал ей на ухо, и постаралась поскорее его поправить. Ах, вот беда-то! Что за дерзость — заснуть в кресле барышни! Да ее просто выгонят — и жалованья не заплатят!

С ее губ слетел какой-то звук, похожий на рыдание.

— Ах, мисс! Мисс! — лепетала она, заикаясь. — Простите меня, мисс! Простите, прошу вас!

Сара спрыгнула со стола и подошла к ней.

— Не бойся, — проговорила она так, словно говорила с такой же девочкой, как она сама. — Ничего страшного!

— Я нечаянно, мисс, — оправдывалась Бекки. — Меня от тепла разморило — а я так устала. Это совсем не вольность с моей стороны!

Сара ласково рассмеялась и положила руку ей на плечо.

— Ты устала, — проговорила она, — и не заметила, как заснула. Я понимаю, ты и сейчас еще не совсем проснулась.

С каким изумлением поглядела на нее бедная Бекки! Никто никогда не говорил с ней так ласково и сердечно. Она привыкла к тому, что ее куда-то слали, бранили и награждали пощечинами. А эта барышня в таком чудесном бальном платье смотрит на нее так, словно она ни в чем не виновата... словно она имеет право устать... и даже заснуть! Прикосновение Сариной мягкой и тонкой ручки показалось Бекки совсем удивительным.

— Так вы... не сердчаете, мисс? — удивилась Бекки. — И хозяйке не пожалуетесь?

— Нет-нет, — вскричала Сара. — Ни за что!

На измазанном углем лице Бекки застыл такой испуг, что сердце Сары сжалось от жалости. В голове у нее мелькнула одна из ее странных мыслей. Она прижала руку к щеке маленькой судомойки.

— Ведь между нами нет никакой разницы, — сказала Сара. — Я такая же девочка, как и ты. Просто так случилось, что я — не ты, а ты — не я!

Бекки растерялась. Ум ее отказывался воспринимать такие странные мысли. «Случилось»? В ее воображении мелькнула мысль о каком-то несчастье. Может, кто-то попал под колеса или свалился с лестницы и оказался в «больничке»?

— Случилось, мисс? — с почтительным испугом переспросила она. — Неужто?

— Ну да, — отвечала Сара, задумчиво глядя на нее. Но через минуту встряхнулась и заговорила другим тоном. Она увидела, что Бекки не понимает, о чем идет речь.

— Ты свою работу закончила? — спросила она. — Можешь побыть здесь еще немножко?

Бекки глубоко вздохнула.

— Здесь, мисс?! Я?!

Подбежав к двери, Сара распахнула ее, выглянула в коридор и прислушалась.

— Никого не видно, — объявила она. — Если ты все спальни убрала, может, ты могла бы немного задержаться. Я подумала... может, ты бы съела кусочек пирога?

Следующие десять минут показались Бекки каким-то дивным сном. Сара отворила шкаф и дала Бекки кусок пирога; с удовольствием наблюдая, как Бекки жадно его уплетает, Сара болтала, расспрашивала ее и смеялась, пока мало-помалу страх у Бекки не прошел и она, набравшись смелости, не решилась и сама задать Саре вопрос.

— А это... — спросила Бекки, глядя с восхищением на розовое платье, — это ваше лучшенькое?

— Я в нем танцую, — отвечала Сара. — Мне оно нравится, а тебе?

От восторга Бекки едва не лишилась дара речи. Наконец она с благоговейным ужасом произнесла:

— Раз я принцессу видала. Стою это я в толпе на улице возле Ковент-Гардена[8] и смотрю, как господа в теантер идут. Была там одна — на нее люди больше всех глазели. Так все друг другу и говорили: «Это принцесса». Она уже совсем большая была, только вся в розовом — и

платье, и накидка, и цветы, и всё-всё! Я о ней сейчас вспомнила, когда вас, мисс, увидела, как вы на столе сидите. Уж очень вы на нее похожи.

— Я часто мечтала, — проговорила Сара задумчиво, — хорошо бы быть принцессой. Интересно, каково это — быть принцессой. Пожалуй, попробую представить себе, что я и впрямь принцесса.

Бекки с восторгом смотрела на Сару, ловила каждое ее слово, хотя, как и раньше, не понимала. Сара на минуту задумалась, а потом снова обернулась к Бекки.

— Бекки, — спросила она, — ты слушала, когда я рассказывала ту сказку?

— Да, мисс, — призналась Бекки с тревогой. — Я знаю: не следовало мне ее слушать, только она такая чудесная, что я никак не могла удержаться.

— Я рада, что ты ее слушала, — сказала Сара. — Когда я рассказываю сказку, мне всегда надо, чтобы ее хотели слушать. Не знаю, почему это так. Хочешь узнать, что там было дальше?

Бекки опять глубоко вздохнула.

— Я? Послушать? — вскричала она. — Словно я тоже воспитанница, мисс? Про принца... и про маленьких русалочек, как они там плавают и смеются... а в волосах у них блестят звездочки?

Сара кивнула.

— Сейчас мы, боюсь, не успеем, — сказала она, — но если я буду знать, когда ты убираешь мои комнаты, то постараюсь приходить сюда в это время и буду тебе каждый день понемногу рассказывать, пока не дойду до конца... Эта сказка такая длинная — я все время в нее что-то добавляю.

— Ну, тогда, — блаженно выдохнула Бекки, — ничего, что ящик с углем тяжелый... ничего, что кухарка ругается... если у меня будет это!

— Да, будет, — сказала Сара. — Я тебе все расскажу.

Когда Бекки спустилась вниз, это была уже не та Бекки, которая с трудом взбиралась по лестнице, сгибаясь под тяжестью ящика с углем. Она поела и обогрелась, а в кармане у нее лежал еще один кусок пирога. Она отогрелась не только возле камина — но возле Сары.

Проводив Бекки, Сара присела, как любила, на краешек стола. Ноги она поставила на стул, локтями оперлась о колени, а подбородком — на руки.

— Будь я принцессой... настоящей принцессой, — прошептала она, — я бы щедро одаривала народ. Но даже если я буду принцессой, я все же только в своем воображении смогу хоть что-то дарить людям. Вот как сейчас! Бекки так обрадовалась, словно целое состояние получила. Вот что: буду делать людям приятное — ведь это все равно, что щедро осыпать их дарами. Так я сейчас и сделала.

ГЛАВА 6

Алмазные копии

Вскоре после этого Сара получила поразительное известие. Оно взволновало не только Сару, но и всю школу — несколько недель кряду все только о нем и говорили. В одном из своих писем капитан Кру поведал удивительную новость. В Индию неожиданно приехал его старый школьный друг, который навестил его. Ему принадлежал большой участок земли, где были найдены россыпи алмазов, и он начал их разработку. Если все пойдет так, как он полагает, он станет фантастически богат; он в этом не сомневался и, будучи очень привязан к капитану Кру, пригласил его в партнеры, чтобы дать ему возможность разделить это неслыханное богатство. Вот все, что поняла Сара из отцовских писем. Сказать по правде, любое другое предприятие, каким бы многообещающим оно ни было, не заинтересовало бы ни Сару, ни ее подруг. Однако «алмазные россыпи» — это уж прямо «Тысяча и одна ночь»: никто не мог отнестись к ним спокойно. Сару они очень увлекли, и она рисовала картины для Лотти и Эрменгарды: запутанные ходы в недрах земли со сводами, усыпанными сверкающими камнями, и непонятные темнокожие люди, бившие в стены тяжелыми кирками.

Эрменгарда слушала эти рассказы с восторгом; Лотти требовала, чтобы Сара повторяла их каждый вечер. Лавинию эти разговоры раздражали — она призналась Джесси, что вообще не верит в алмазные копи.

— У моей мамы есть кольцо с бриллиантом, оно сорок фунтов стоило, — сказала она. — Совсем небольшое! Если бы существовали копи, в которых этих бриллиантов или алмазов было столько, их владельцы так бы разбогатели, что просто смешно.

— Может, Сара станет такой богатой, что будет просто смешной, — захихикала Джесси.

— Она и так смешна, — фыркнула Лавиния.

— По-моему, ты ее ненавидишь, — сказала Джесси.

— Вот ужнисколько, — отрезала Лавиния. — Просто не верю я в алмазные копи!

— Ну знаешь, откуда-то всё же алмазы добывают, — возразила Джесси. И со смешком прибавила: — А знаешь, Лавиния, что сказала Гертруда?

— Если опять о Саре — не знаю и знать не хочу!

— Да, о Саре. Знаешь, теперь у нее «фантазия», будто она принцесса! Она все время в эту игру играет, даже в классе. Говорит, так она лучше уроки запоминает! Она хочет, чтобы Эрменгарда тоже стала принцессой, но Эрменгарда говорит: я слишком толстая.

— Она и правда слишком толстая, — согласилась Лавиния. — А Сара слишком тощая!

И Джесси, конечно, снова захихикала.

— Она говорит: неважно, красивая ты или нет, богатая или бедная. Главное — что ты думаешь и как поступаешь!

— Небось воображает: будь она нищенкой, все равно была бы принцессой, — заметила Лавиния. — Давай звать ее «Ваше королевское высочество»!

Занятия в этот день уже кончились, и приятельницы сидели перед камином в классной. Это время дня девочки особенно любили. Мисс Минчин и мисс Амелия пили по окончании уроков чай в гостиной, куда ученицам вход был заказан. В эти часы воспитанницы беседовали и поверяли друг другу свои тайны, особенно если младшие вели себя тихо, не ссорились и не бегали с шумом по комнате; что, по правде, случалось не часто. Когда же малыши поднимали шум, старшие ученицы бранили их и одергивали. Им полагалось следить за порядком, а если малыши слишком шумели, появлялись мисс Минчин или мисс Амелия и клали конец приятному времяпрепровождению. Не успела Лавиния закончить фразу, как дверь

отворилась и в классную вошла Сара с Лотти, которая теперь, словно собачка, не отходила от нее ни на шаг.

— Вот и она, с этой противной девчонкой! — прошипела Лавиния. — Если она ее так любит, пусть бы держала у себя в комнате. Не пройдет и пяти минут, как она заревет!

Лотти, как оказалось, внезапно захотелось поиграть в классной, и она попросила Сару пойти с ней. Она присоединилась к малышам, которые играли в углу. Сара устроилась у окна и, раскрыв книгу, погрузилась в чтение. Это была история Французской революции. Сара забыла обо всем, читая о страданиях узников в Бастилии. Эти несчастные провели столько лет в темницах, что, когда наконец их освободили и вывели оттуда, они были уже стариками. Длинные седые волосы свисали до плеч, лица заросли бородой, они забыли о том, что есть и другая жизнь, кроме тюрьмы, и шли неуверенно, словно во сне.

Мыслями Сара была далеко от классной; когда Лотти вдруг пронзительно закричала, она с трудом вернулась к действительности. Ей всегда стоило немало труда сдержаться, если ее вдруг отрывали от чтения. Тем, кто любит читать, знакомо это чувство раздражения. В такие минуты трудно бывает сдержаться и не наговорить резкостей. «Мне в таких случаях кажется, будто меня ударили, — призналась однажды Сара Эрменгарде, — и хочется ответить ударом на удар. Приходится брать себя в руки, чтобы сгоряча не отругать помешавшего».

Вот и сейчас, когда она положила книжку на сиденье в оконном проеме и спрыгнула на пол, ей пришлось снова брать себя в руки.

Лотти все это время занималась тем, что скользила по паркету, словно по льду, и так шумела, что рассердила Лавинию и Джесси, а потом упала и ушибла коленку. Она рыдала и корчилась от боли, а воспитанницы окружили ее и то уговаривали, то бранили.

— Сию же минуту перестань! — приказывала Лавиния. — Плакса! Перестань сию же минуту!

— Я не плакса! Не плакса! — рыдала Лотти. — Сара! Сара!

— Если она не замолчит, мисс Минчин ее услышит, — вскричала Джесси. — Лотти, миленькая, замолчи — я дам тебе пенни!

— Не нужно мне твоего пенни, — всхлипнула Лотти и взглянула на свою пухленькую коленку.

Увидев капельку крови, она снова разразилась рыданиями.

Сара подбежала к ней и, опустившись на пол, обняла.

— Ну-ну, Лотти, — уговаривала она. — Лотти, ты ведь Саре обещала! Лотти!

— Она говорит, я плакса, — рыдала Лотти.

Сара погладила ее по плечу, — впрочем, голос ее был тверд. Лотти хорошо знала этот голос.

— Но, Лотти, дорогая, ты и будешь плаксой, если не перестанешь. Лотти, ты обещала!

Лотти помнила о своем обещании, но предпочла громко возвестить:

— У меня нет мамочки. Совсем-совсем... нет.

— Есть, — весело возразила Сара. — Разве ты забыла? Сара — твоя мамочка, помнишь? Или ты не хочешь, чтобы Сара была тебе мамочкой?

Лотти прижалась к ней с довольной улыбкой.

— Пойдем посидим вместе у окна, — продолжала Сара, — и я тебе расскажу потихонечку сказку.

— Правда, расскажешь? — переспросила Лотти, всхлипывая. — А ты... мне... расскажешь про алмазные копи?

— Алмазные копи? — не выдержала Лавиния. — Ах ты противная, избалованная девчонка! Так бы тебя и стукнула!

Сара вскочила. Не забывайте, что ей пришлось принять несколько быстрых решений, когда стало ясно, что она должна оторваться от чтения и заняться своей приемной дочерью. Сара ведь была не ангел — к тому же она не любила Лавинию.

— А я, — произнесла она с жаром, — так бы и стукнула тебя! — Впрочем, она тут же опомнилась. — Нет, неправда! Я бы хотела тебя стукнуть... очень хотела бы... но я этого не сделаю. Мы же не уличные девчонки! В нашем возрасте надо уметь держать себя в руках.

Лавиния не могла упустить такой возможности.

— О да, ваше королевское высочество! — сказала она. — Ведь мы, кажется, принцессы — по крайней мере, одна из нас. Теперь наша школа прославится: ведь у мисс Минчин воспитывается принцесса!

Сара бросилась к ней. Похоже, она хотела ударить Лавинию. Возможно, так оно и было. Фантазии были главным Сариным утешением. Она никогда не говорила о них тем, кого не любила. Ей было так приятно воображать, будто она принцесса, что она оберегала эту фантазию — о ней знали лишь немногие друзья. Она полагала, что остальные об этой фантазии и не подозревают, — и вдруг Лавиния смеется над ней чуть не при всей школе. Кровь бросилась Саре в лицо — в ушах у нее зазвенело. Но она сдержалась. Если ты принцесса, нельзя давать волю гневу. Она уронила руку и на миг застыла. Когда она заговорила, голос ее не дрожал. Она подняла голову — и все прислушались к ее словам.

— Это правда, — сказала она спокойно. — Иногда я действительно воображаю, что я принцесса. Я это делаю для того, чтобы поступать, как принцесса.

Лавиния не нашлась, что ответить. Когда она имела дело с Сарой, это случалось нередко. Происходило это оттого, что все почему-то симпатизировали Саре. Лавиния видела, что девочки и теперь с интересом прислушиваются к их разговору. Говоря по правде, принцессы им нравились; они надеялись узнать побольше об этой представительнице клана принцесс, а потому сгрудились вокруг Сары.

Лавиния ничего лучше не придумала, как сказать:

— Ах вот оно что! Надеюсь, когда вы взойдете на трон, вы про нас не забудете.

Но слова ее прозвучали неубедительно.

— Нет, не забуду, — отвечала Сара.

Больше она ни слова не прибавила, но молча стояла, пристально глядя на Лавинию, пока та не взяла Джесси под руку и не ушла.

С этих пор девочки стали между собой звать ее «принцессой Сарой»; те, кто завидовали ей, употребляли этот титул презрительно, а те, кто ее любили, — с нежностью. Конечно, никто к ней так не обращался, но поклонницам Сары нравилось великолепие этого титула. Мисс Минчин, прослышав об этом прозвище, не раз упоминала о нем в беседах с родителями; ей казалось, это придает ее школе что-то в высшей степени аристократическое.

Ну а Бекки считала, что Сара и есть принцесса. Знакомство, начатое в тот пасмурный день, когда, проснувшись, она в ужасе вскочила с кресла, продолжалось и крепло.

Следует признаться, что мисс Минчин и мисс Амелия и не подозревали об этой дружбе. Они знали, что Сара «добра» к судомойке, но не догадывались, какие дивные минуты выпадали той на долю, когда, с молниеносной быстротой закончив уборку, маленькая служанка входила в Сарину гостиную и с блаженным вздохом опускала на пол тяжелый ящик с углем. В такие минуты рассказывались сказки (с продолжением!), а вкусные вещи поедались на месте либо торопливо прятались в карманы, чтобы насладиться ими ночью, когда Бекки поднимется к себе на чердак и ляжет в постель.

— Только я должна есть осторожно, мисс, — призналась она как-то. — Если оставить крошки, за ними придут крысы.

— Крысы? — с испугом вскричала Сара. — Там есть крысы?

— Не счесть, мисс, — спокойно ответила Бекки. — На чердаках завсегда крысы и мыши живут. Возьматся и бегают, но я к этому привыкла. Я их и не замечаю, только бы по подушке не бегали.

— Бр-р! — ужаснулась Сара.

— Со временем ко всему привыкаешь, — сказала Бекки. — Если родилась судомойкой, приходится привыкать. Лучше уж крысы, чем тараканы.

— Пожалуй, — согласилась Сара. — С крысой, верно, можно подружиться, а с тараканом мне не захотелось бы.

Порой Бекки решалась провести в светлой теплой комнате всего несколько минут — в таких случаях она обменивалась несколькими словами с Сарой и прятала небольшой кулек в старомодный кошель, который был привязан у нее к поясу под верхней юбкой. Поиски снеди, которая занимала бы мало места, придавали теперь особый интерес Сариному существованию. Отправляясь на прогулку, она жадно вглядывалась в окна лавок.

Когда она в первый раз купила несколько мясных пирожков, ей показалось, что она сделала настоящее открытие. При виде пирожков глаза у Бекки разгорелись.

— Ах, мисс! — прошептала она. — Они такие вкусные и сытные! Главное, они такие сытные! Пирожное, конечно, ужасно вкусное, а растает во рту — и нет его! Вы меня понимаете, мисс? А от пирожков в желудке такая приятная тяжесть остается!

— Не знаю, — молвила Сара неуверенно, — хорошо ли это, когда тяжесть в животе, но, надеюсь, они тебе понравятся.

Пирожки Бекки понравились. Понравились и бутерброды с маслом, купленные в закусочной, и булки с копченой колбасой. Прошло какое-то время — усталость и голод уже не так мучили Бекки, как прежде, и ящик с углем не казался ей таким тяжелым.

Впрочем, как бы тяжел он ни был, как бы ни сердилась кухарка и как бы ни изматывала ее бесконечная работа, теперь Бекки жила надеждой: может, мисс Саре удастся выкроить минутку и они увидятся днем в ее комнате? Лишь бы ее увидеть, а пирожки — это не обязательно! Когда времени было мало, Сара успевала сказать Бекки всего несколько слов, но то были добрые слова поддержки, и они придавали ей бодрости. Когда же времени было больше, Сара рассказывала сказку или какую-нибудь историю, над которой Бекки могла подумать, лежа у себя на чердаке.

Сара и не подозревала, как много все это значит для бедной Бекки и какой чудесной

благодетельницей она ей представляется. Она поступала так, как подсказывало ей сердце, — ведь это Природа так распорядилась, что ей нравилось давать, а не брать. А если Природа сделала тебя дающей, руки твои и сердце всегда раскрыты. Конечно, может случиться, что руки у тебя иногда бывают пусты, но сердце твое всегда полно; это от сердечной полноты ты даришь людям и тепло, и ласку, и помощь, и участие, и смех. Доброта и веселый смех порой помогают лучше всего!

За всю свою недолгую тяжкую жизнь Бекки едва ли знала, что такое смех. А Сара ее смешила и сама смеялась вместе с ней; ни та ни другая и не подозревали, что смех «насыщает» не хуже мясных пирожков.

За несколько недель до дня рождения Сары (ей исполнялось одиннадцать лет) пришло письмо от ее отца; впрочем, оно было не таким веселым и бодрым, как обычно. Он плохо себя чувствовал и тяготился хлопотами, связанными с алмазными копиями.

«Ты знаешь, милая моя девочка, что твой папочка — человек совсем не деловой, цифры и документы его только смущают. Он в них не очень-то разбирается, а дело такое огромное. Не будь у меня лихорадки, я бы спокойно спал, а не метался по ночам, не мучился бы кошмарами. Если бы моя маленькая хозяйюшка была со мной, она бы дала мне серьезный и добрый совет. Ведь правда, хозяйюшка?»

Он часто звал Сару «маленькой хозяйюшкой», потому что она бывала серьезна не по летам, — это была одна из их шуток.

Ко дню рождения Сары капитан Кру подготовил подарки. Заказал, кроме прочего, в Париже новую куклу с великолепными туалетами. Однако на письмо, в котором он спрашивал, хочет ли она куклу в подарок, Сара отвечала уклончиво.

«Я старею, — писала она. —

И больше кукол у меня в жизни не будет. Это моя последняя кукла. Это чрезвычайно серьезно! Если б я сочиняла стихи, я бы написала стихотворение под названием «Последняя Кукла». Но сочинять стихи я не умею. Я пыталась — а потом сама же над ними смеялась. Они были ничуть не похожи на стихи Уоттса, Кольриджа или Шекспира. Никто никогда не сравнится для меня с Эмили, но я буду чтить Последнюю Куклу; и я уверена, что девочки ее полюбят. Они любят кукол, хотя некоторые старшие, кому скоро исполнится пятнадцать лет, делают вид, что уже выросли из кукол».

У капитана Кру страшно болела голова, когда он читал это письмо у себя в бунгало в Индии. Перед ним на столе грудой лежали бумаги и письма, приводившие его в отчаяние, и все же он от души расхохотался. Вот уже много недель он так не смеялся.

— Ах, она с каждым годом становится все забавнее! — вскричал он. — Бог даст, все устроится, и я отправлюсь в Англию повидаться с нею. Я все бы отдал, только бы обнять ее сейчас! Почувствовать, как ее ручонки обхватывают меня за шею! Все бы отдал!

День рождения Сары собирались праздновать пышно. Классную решили украсить зеленью — там и предполагалось устроить праздник. Коробки с подарками будут торжественно распакованы при всех, а в гостиной мисс Минчин накроют роскошный стол.

Когда наконец настал этот день, вся школа была в неопишемом волнении. Утро пролетело быстро — все занимались приготовлениями. В классной развешивали гирлянды остролиста; парты вынесли, а на скамейки, сдвинутые к стенам, надели красные чехлы.

Выйдя из спальни в то утро, Сара нашла на столе в гостиной небольшой, неловко завязанный пакет в оберточной бумаге. Она поняла, что это подарок, и угадала от кого. С

теплым чувством развернула она бумагу. Внутри лежала квадратная подушечка для булавок из красной застиранной фланели. В подушечку были воткнуты булавки с черными головками — так, что образовались слова:

«С ДНЕМ РАЖДЕНИЯ!»

— Господи, — с нежностью вскричала Сара. — Как она постаралась! Мне до того приятно, что... что прямо сердце щемит!

Перевернув подушечку, Сара с изумлением увидела на пришпиленной к ней карточке аккуратную надпись:

«Мисс Амелия Минчин».

Сара повертела карточку в руках.

«Мисс Амелия?! — повторила она про себя. — Не может быть!»

В эту минуту она услышала, что дверь тихонько отворилась — в комнату заглянула Бекки.

Лицо ее так и сияло радостной нежной улыбкой — она нерешительно подошла ближе и остановилась, теребя в волнении пальцы.

— Вам нравится, мисс Сара? — спросила она. — Нравится?

— Нравится?! — вскричала Сара. — Бекки, милая, неужели ты сама это сделала?

Бекки радостно всхлипнула, на глазах у нее выступили слезы восторга.

— Это всего-то фланель, мисс, и то не новая, только мне хотелось вам что-то подарить, вот я ночами и смастерила. Вы уж «вообразите», что подушечка шелковая, а булавки бриллиантовые. Я тоже старалась это «вообразить», когда ее шила.

И с сомнением прибавила:

— А карточка, мисс... Ничего, что я ее из корзины для мусора вынула? Мисс Амелия ее выбросила. Своей-то карточки у меня нет, а подарок не подарок, если к нему карточку не пришилишь, я знаю — вот я и пришила мисс Амелию.

Сара бросилась к ней и обняла. В горле у нее стоял комок — почему, она и сама не знала.

— Ах, Бекки! — вскричала она с каким-то странным смехом. — Ты просто прелесть, Бекки! Я так тебя люблю! Да-да, люблю!

— О мисс, — взволнованно прошептала Бекки. — Спасибо, мисс, большое спасибо! Только подарок того не стоит. Фланель-то... не новая.

ГЛАВА 7

И снова алмазные копи

Когда в тот день Сара ступила в украшенную ветками остролиста классную, ее сопровождала целая процессия. Мисс Минчин в парадном шелковом платье вела Сару за руку. За ней следовал лакей с коробкой, в которой лежала Последняя Кукла, затем служанка еще с одной

коробкой, а замыкала шествие Бекки в чистом фартуке и новом чепце и с третьей коробкой в руках. Сара предпочла бы войти как обычно, но мисс Минчин послала за ней, чтобы высказать ей свое пожелание.

— Это не просто день рождения, — возвестила она. — И я хочу, чтобы все это поняли.

Вот почему Сару ввели в классную с такой торжественностью. Она оробела, увидев, что старшие девочки при ее появлении принялись толкать друг друга локтями, а младшие радостно заерзали. По классу пронесся сдержанный гул.

— Тише! — сказала мисс Минчин. — Джеймс, поставь коробку на стол и сними крышку. Эмма, а ты поставь свою на стул. — И вдруг строго прикрикнула: — Бекки!

От волнения Бекки совсем забыла, где она находится, и улыбнулась Лотти, которая в радостном предвкушении вертелась на скамейке. Услышав окрик, Бекки вздрогнула и чуть не уронила коробку; извиняясь, она так боязливо и неловко присела, что Лавиния и Джесси захихикали.

— Ты забываешься, — произнесла мисс Минчин. — Ты не должна смотреть на барышень. Поставь коробку!

Бекки поспешила повиноваться и с испуганным видом попятилась к двери.

— Можете идти, — объявила мисс Минчин слугам, величественно махнув рукой.

Бекки скромно посторонилась, пропуская вперед старших слуг. Не удержавшись, она бросила взгляд на коробку, стоящую на столе. Что-то голубое, атласное сквозило из-под папиросной бумаги.

— Мисс Минчин, — внезапно сказала Сара, — вы не позволите Бекки остаться?

Это был смелый поступок. От неожиданности мисс Минчин чуть не подпрыгнула. Потом поднесла к глазам лорнет и с тревогой взгляделась в свою первую ученицу.

— Бекки?! — повторила она. — Сара, милая!

Сара шагнула к ней.

— Я прошу вас об этом, потому что знаю: ей хочется посмотреть на подарки, — пояснила она. — Она ведь тоже девочка, правда?

Мисс Минчин была шокирована. Она посмотрела на Сару, а потом на Бекки.

— Милая Сара, — сказала она. — Бекки — судомойка. А судомойки... э-э... не девочки.

Мисс Минчин никогда и в голову не приходило, что это не так. В ее глазах судомойки были машинами, которые существовали для того, чтобы мыть посуду, таскать ящики с углем и разжигать огонь.

— Но Бекки — девочка, — возразила Сара. — И я знаю, что ей это будет приятно. Прошу вас, позвольте ей остаться — в честь моего дня рождения.

— Что ж, извольте, — отвечала мисс Минчин с достоинством. — Пусть остается! Ребекка, поблагодари мисс Сару за ее доброту.

Бекки стояла в углу возле двери и нервно теребила край фартука. Она приблизилась, присела и пробормотала слова благодарности; на миг она встретилась глазами с Сарой: в них мелькнуло дружеское понимание.

— Ах, мисс! Я так благодарна, мисс! Мне правда так хотелось взглянуть на куклу! Спасибо, мисс! И вам спасибо, сударыня... — прибавила Бекки испуганно, оборачиваясь к мисс Минчин и делая реверанс. — Спасибо, что вы мне позволили остаться.

Мисс Минчин снова махнула рукой — на этот раз в направлении двери.

— Встань вон там в углу, — распорядилась она. — И не подходи близко к барышням.

Бекки с улыбкой повиновалась. Ей было решительно все равно, где стоять, только бы не уходить на кухню, а остаться здесь, в классной. Мисс Минчин грозно откашлялась и снова заговорила.

— А теперь, девицы, я хочу сказать вам несколько слов, — провозгласила она.

— Она будет речь говорить, — шепнула одна из учениц. — Хоть бы покороче!

Саре стало не по себе. Это был ее день рождения, вполне возможно, что и речь будет посвящена ей. Стоять и слушать речь о самой себе не очень-то приятно!

— Вы, конечно, знаете, — начала свою речь мисс Минчин (конечно, это была речь), — что сегодня милой Саре исполняется одиннадцать лет.

— Милая Сара! — пробормотала Лавиния.

— Некоторые из здесь присутствующих тоже отпраздновали свое одиннадцатилетие, но день рождения Сары — это событие совершенно особое. Когда она станет взрослой, она унаследует огромное состояние и должна будет достойно им распорядиться.

— Алмазные копи! — с усмешкой шепнула Джесси.

Сара ее не слышала. Она глядела не отрываясь на мисс Минчин и чувствовала, что краска заливает ей лицо. Когда мисс Минчин заводила речь о деньгах, Сара ее просто ненавидела, а ненавидеть взрослых, конечно, нехорошо.

— Когда ее милый папочка, капитан Кру, привез Сару из Индии и вверил моим попечениям, — продолжала мисс Минчин, — он шутливо сказал мне: «Боюсь, что она будет очень богата, мисс Минчин». Я отвечала: «В моем пансионе, капитан Кру, она получит такое образование, которое послужит украшением самому большому состоянию». Сара стала лучшей из моих учениц. Ее французский, ее танцы делают честь пансиону. Ее манеры — само совершенство! Недаром вы прозвали ее принцессой Сарой. Свою доброту она показала, пригласив вас сегодня на праздник. Надеюсь, вы цените ее великодушие! Я хочу, чтобы вы выразили свою благодарность и хором сказали: «Спасибо, Сара!»

Все ученицы поднялись — как в то памятное утро, когда Сара впервые вошла в классную.

— Спасибо, Сара! — сказали они.

Нужно признаться, что Лотти при этом еще и прыгала от радости.

Сара на миг смутилась. Потом сделала реверанс — очень изящный реверанс.

— Спасибо, — отвечала она, — что вы пришли ко мне на день рождения.

— Прекрасно, Сара, — одобрила мисс Минчин. — Так и поступают настоящие принцессы, когда народ им аплодирует. Лавиния, — прибавила мисс Минчин язвительно, — звук, который вы сейчас издали, очень похож на храп. Если вы завидуете своей соученице, пожалуйста, выражайте свои чувства так, как подобает барышне. А теперь я оставлю вас — можете

веселиться!

И она выплыла из комнаты. В тот же миг напряжение, сковывавшее обычно учениц в ее присутствии, исчезло. Не успела за нею закрыться дверь, как все повскакали с мест, а младшие кинулись к коробкам. Сара склонила сияющее лицо над одной из коробок.

— Здесь книжки, я знаю! — воскликнула она.

Малыши недовольно зашептались, а Эрменгарда пришла в ужас.

— Твой отец дарит тебе книжки на день рождения?! — вскричала она. — Совсем как мой, хуже не придумаешь! Не открывай эту коробку, Сара!

— Я книжки люблю, — засмеялась Сара, но повернулась и подошла к другой, самой большой коробке. Из нее она вынула Последнюю Куклу. Кукла была такая великолепная, что все девочки заохали и в восторге отпрянули, чтобы получше ее рассмотреть.

— Она почти с Лотти ростом, — прошептал кто-то.

Лотти захлопала в ладоши и, смеясь, заплясала вокруг.

— На ней туалет для театра, — заметила Лавиния. — А шубка отделана горностаем.

— Ах! — вскрикнула Эрменгарда и подбежала к столу. — У нее в руке театральный бинокль! Смотрите — синий с золотом!

— А вот ее дорожный сундук, — сказала Сара. — Давайте откроем и посмотрим на ее вещи!

Она опустилась на пол и отперла сундучок. Девочки с шумом окружили ее, с восхищением глядя на наряды, которые она вынимала. Никогда еще в классной не царил такое оживление! Сара извлекала из сундучка кружевные воротнички, шелковые чулки, платки, шкатулку для украшений, в которой лежали тиара и ожерелье (бриллианты в них были совсем как настоящие!), платья бальные и для визитов, костюмы для прогулок, капоры, капоты и вееры. Даже Джесси с Лавинией, забыв, что они слишком взрослые, чтобы думать о куклах, восторженно вскрикивали и брали в руки наряды, чтоб рассмотреть их получше.

— А что, если, — сказала Сара, надевая огромную шляпу из черного бархата на безмятежно улыбающуюся владелицу всего этого великолепия, — что, если она нас понимает и гордится, что ею так восхищаются?

— Вечно ты выдумываешь! — бросила Лавиния с видом решительного превосходства.

— Я знаю, — отвечала Сара без тени смущения. — Мне нравится выдумывать. Нет ничего приятнее на свете. Слово ты фея — или почти фея. Если о чем-нибудь думать изо всех сил, то кажется, что так оно и есть на самом деле.

— Тебе хорошо выдумывать, когда у тебя все есть, — сказала Лавиния. — А вот если б ты была совсем нищей и жила на чердаке, что тогда?

Сара, поправлявшая страусовые перья на шляпе Последней Куклы, остановилась и задумалась.

— Мне кажется, я бы и тогда выдумывала, — ответила она наконец. — Если б я была нищей, мне пришлось бы все время что-то выдумывать. Только это было бы нелегко.

Тут в комнату вошла мисс Амелия. Как странно, что она вошла именно в эту минуту! Впоследствии Сара не раз размышляла об этом.

— Сара, — сказала мисс Амелия, — приехал поверенный твоего отца мистер Бэрроу и желает говорить с мисс Минчин. А так как столы накрыты в ее гостиной, она не может принять его там. Идите-ка вы все туда и угощайтесь, а она пригласит его в классную. Ему надо поговорить с ней наедине.

Глаза у воспитанниц засверкали — угощаться они готовы были в любое время. Мисс Амелия выстроила девочек парами и увела их с Сарой во главе, а Последняя Кукла осталась одна. Она сидела на стуле, а вокруг были разбросаны ее роскошные наряды — со спинок стульев свисали кофточки и платья, а на сиденьях груды лежали отделанные кружевом пышные юбки.

Бекки, которую к столу не приглашали, на миг задержалась в классной, не в силах оторвать глаз от всего этого великолепия. Это была, конечно, вольность с ее стороны.

— Ступай на кухню, Бекки, — велела мисс Амелия.

Но Бекки все не уходила: она осторожно, с благоговением взяла в руки сначала муфту, потом жакетку и с восторгом рассматривала их. Внезапно за дверью послышался голос мисс Минчин. Бекки в ужасе заметалась и, не зная, куда скрыться, нырнула под стол, накрытый длинной, до пола, скатертью.

Мисс Минчин вошла в классную в сопровождении сухонького господина с острым личиком, который выглядел встревоженным. Сказать по правде, мисс Минчин тоже выглядела встревоженной и взирала на сухонького господина с недоумением и недовольством.

Величаво опустившись в кресло, она указала ему на стул.

— Прошу вас сесть, мистер Бэрроу, — произнесла она.

Мистер Бэрроу повиновался не сразу. Его внимание привлекла Последняя Кукла и разбросанные кругом наряды. Он нацепил пенсне и принялся нервно и неодобрительно их рассматривать. Последняя Кукла не смутилась. Держась по-прежнему прямо, она спокойно взирала на него.

— Сто фунтов! — бросил мистер Бэрроу. — Ткани все дорогие, а сшито в парижской мастерской. Да, он умел сорить деньгами.

Мисс Минчин оскорбилась. Этот господин позволил себе с неодобрением отозваться о человеке, который щедро платил ей! Это было уж слишком!

Даже поверенные не имели права на такие вольности.

— Прошу прощения, мистер Бэрроу, — произнесла она сухо. — Я вас не понимаю.

— Подарки ко дню рождения, — продолжал мистер Бэрроу с тем же неодобрением в голосе. — А ребенку всего одиннадцать лет! Безумная расточительность — так я это называю!

Мисс Минчин приняла еще более величественный вид.

— Капитан Кру — человек состоятельный, — заметила она. — Одни лишь алмазные копи...

Мистер Бэрроу резко повернулся.

— Алмазные копи! — воскликнул он. — Их нет, этих копей, и никогда не было!

Мисс Минчин поднялась с кресла.

— Как?! — вскричала она. — Что это значит?

— По крайней мере, — отрывисто отвечал мистер Бэрроу, — было бы гораздо лучше, если бы их никогда не было.

— Не было копей? — произнесла мисс Минчин, ухватясь за спинку стула и чувствуя, что дивная мечта, которую она лелеяла все это время, исчезает, словно сновидение.

— Алмазные копи чаще ведут к разорению, чем к богатству, — сказал мистер Бэрроу. — Когда человек попадает в руки дорогого друга, а сам в делах ничего не смыслит, надо держаться подальше от копей этого друга, будь то алмазные, золотые или любые другие копи, потому что дорогой друг обычно хочет, чтобы человек вложил в них свои деньги. Покойный капитан Кру...

Мисс Минчин вскрикнула.

— Покойный капитан Кру! — повторила она. — Покойный! Неужели вы приехали сюда, чтобы сообщить мне, что капитан Кру...

— Умер, сударыня, — бросил мистер Бэрроу. — Умер — от тропической лихорадки вкупе с деловыми передрыгами. Возможно, лихорадка бы его не прикончила, если бы он не потерял голову от деловых передрыг, а деловые передрыги, возможно, тоже его бы не прикончили, если бы им на помощь не пришла лихорадка. Капитан Кру мертв!

Мисс Минчин упала в кресло. Слова адвоката ее напугали.

— Что же это за передрыги? — спросила она. — Что его беспокоило?

— Алмазные копи, — отвечал мистер Бэрроу, — дорогие друзья... разорение!

У мисс Минчин перехватило дыхание.

— Разорение! — повторила она, задыхаясь.

— Он потерял все, до последнего пенни! У этого молодого человека было слишком много денег. Дорогой друг на копиях помешался. Он вложил в них не только все свои деньги, но и все деньги капитана Кру. А потом дорогой друг сбежал! Когда это стало известно, капитан Кру уже лежал в лихорадке. Этого удара он не перенес. Он скончался в бреду — бредил о своей милой девочке... и не оставил после себя ни пенни!

Мисс Минчин наконец поняла. Никогда в жизни ей не наносили такого удара. Пансион лишился разом и лучшей ученицы, и самого щедрого патрона. Мисс Минчин чувствовала себя так, словно ее оскорбили и ограбили, и виноваты в этом были и капитан Кру, и Сара, и мистер Бэрроу.

— Вы хотите сказать, — вскричала она, — что он ничего не оставил? Что Сара лишилась наследства? Что у нее нет ни пенни? Что он оставил на моих руках не наследницу, а нищую?

Мистер Бэрроу был умным и расчетливым человеком: он поторопился снять с себя всякую ответственность за Сару.

— Да, она нищая, — отвечал он. — И она действительно осталась у вас на руках, сударыня. Насколько мне известно, у нее нет родных.

Мисс Минчин подалась вперед. Казалось, она сейчас распахнет дверь и кинется вон из комнаты, чтобы положить конец шумному веселью, доносившемуся из гостиной, где были накрыты столы.

— Но это чудовищно! В это самое время она сидит у меня в гостиной, разодетая в пух и прах,

и угощает всю школу за мой счет!

— Если она их угощает, то, безусловно, за ваш счет, сударыня, — произнес мистер Бэрроу спокойно. — Бэрроу и Скипворт не несут за это ответственности. От всего состояния не осталось ничего — оно растаяло, словно его и не было. Капитан Кру умер, не заплатив и нам по последнему счету, а счет был весьма внушительный!

Мисс Минчин, гнев которой все возрастал, отошла от двери. Час от часу не легче!

— И со мной то же! — вскричала она. — Я так в него верила, что без оглядки оплачивала все, что он заказывал для этого ребенка. Я оплатила счета за эту нелепую куклу и ее нелепый, фантастический гардероб. Сару ни в чем не было отказа! У нее свой экипаж и пони, своя горничная, и с тех пор, как пришел последний чек, за все плачу я!

Мистер Бэрроу явно не собирался выслушивать жалобы мисс Минчин. Он выполнил свой долг: изложил факты и снял со своей фирмы всякую ответственность за Сару. Разгневанные воспитательницы не вызывали в нем особой симпатии.

— Значит, вам не следует более платить по ее счетам, сударыня, — заметил он, — если вы не хотите делать этой юной девице подарок. У нее даже медной монетки не осталось!

— Но что же мне делать? — настаивала мисс Минчин, словно полагала, что мистер Бэрроу должен все устроить. — Что мне делать?

— Ничего, — проговорил мистер Бэрроу и, спрятав пенсне в футляр, опустил его в карман. — Капитан Кру умер. Ребенок остался без средств — на вашем попечении.

— Почему же на моем? Я не позволю возложить на меня ответственность!

Мисс Минчин просто побелела от гнева. Мистер Бэрроу встал.

— Это меня не касается, сударыня, — сказал он равнодушно. — Бэрроу и Скипворт ответственности не несут. Конечно, мне очень жаль, что все так получилось.

— Если вы думаете, что я оставлю ее у себя, то вы глубоко заблуждаетесь, — произнесла мисс Минчин, задыхаясь от гнева. — Меня обманули и обобрали! Я выгоню ее на улицу!

Не будь она так разгневана, она бы остереглась и не произнесла этих слов. Но она поняла, что у нее на руках остается привыкшая к роскоши воспитанница, которая к тому же всегда ее раздражала, и потеряла самообладание.

Мистер Бэрроу невозмутимо направился к двери.

— Я бы на вашем месте этого не делал, сударыня, — отозвался он. — Это произведет дурное впечатление. Вашему заведению такая история нанесет урон. Воспитанницу, потерявшую деньги и отца, выгнали на улицу!

Мистер Бэрроу был умным и практичным человеком; он знал, что говорит. Он знал также, что мисс Минчин, как женщина практичная и неглупая, поймет справедливость его слов. Если она выгонит Сару, ее сочтут бессердечной и жестокой. Этого она не могла допустить.

— Лучше оставьте ее в школе, — прибавил мистер Бэрроу. — Пусть она работает на вас. Она, кажется, девочка неглупая и будет вам полезна, когда подрастет.

— Я из нее все выжму, не дожидаясь, пока она подрастет! — вскричала мисс Минчин.

— Я в этом не сомневаюсь, сударыня, — проговорил мистер Бэрроу со зловещей улыбкой. —

Совершенно не сомневаюсь. Честь имею!

Он поклонился и вышел, прикрыв за собой дверь. Несколько минут мисс Минчин стояла неподвижно, с гневом глядя на дверь. Конечно, мистер Бэрроу был прав. Она это знала. Убытков не возместить. Нет больше гордости пансиона, осталась лишь осиротевшая нищая девчонка! Деньги, которые в ожидании следующего чека заплатила из своего кармана мисс Минчин, не вернуть. Они потеряны навсегда!

Она стояла, задыхаясь от обиды, как вдруг до ее слуха донесся взрыв веселого смеха из ее собственной гостиной — этой святой святых, которую она уступила для праздничного пира. Уж этому, по крайней мере, она положит конец!

Она направилась к двери — и в ту же минуту на пороге показалась мисс Амелия, которая, увидев искаженное гневом лицо мисс Минчин, в страхе отступила.

— Что случилось, сестра? — воскликнула она.

Мисс Минчин сурово спросила в ответ:

— Где Сара Кру?

Мисс Амелия растерялась.

— Сара? — переспросила она, заикаясь. — Ты же знаешь... Она в твоей гостиной вместе со всеми остальными...

— А в ее роскошном гардеробе найдется черное платье? — с едкой иронией произнесла мисс Минчин.

— Черное платье? — повторила с запинкой мисс Амелия. — Черное?

— У нее много платьев всевозможных цветов. А черное есть?

Мисс Амелия побледнела.

— Нет... а впрочем, да, — проговорила она. — Только оно ей коротко. У нее есть старое черное платье, бархатное, но она из него выросла.

— Пойди и вели ей снять это нелепое розовое платье. И пусть наденет черное, ничего, что оно короткое. С роскошью для нее покончено!

Мисс Амелия со слезами заломила руки.

— Ах, сестра! — всхлипнула она. — Что же такое случилось?

Мисс Минчин не стала терять время попусту.

— Капитан Кру умер, — объявила она. — Он умер нищим. Эта избалованная, тщеславная, изнеженная девчонка осталась у меня на руках! Без гроша!

Мисс Амелия тяжело опустилась в ближайшее кресло.

— Я истратила сотни фунтов на всякую чепуху для нее. И не получу назад ни пенни! Прекрати этот нелепый праздник! Ступай — и пусть она немедленно переоденется!

— Я?! — затрепетала мисс Амелия. — Разве обязательно говорить ей об этом сейчас?

— Сию же минуту! — последовал суровый ответ. — Что ты на меня смотришь, как гусыня?

Иди же!

Бедная мисс Амелия привыкла к такому обращению. Она знала, что и впрямь похожа на гусыню и что таким, как она, обычно приходится выполнять неприятные поручения. Конечно, войти в комнату, где веселились ученицы, и объявить виновнице торжества, что она теперь нищая и должна подняться наверх и переодеться в старое черное платье, будет не очень-то приятно. Но делать нечего. Сейчас, видно, не время для расспросов.

Она утирала глаза платком, так что они совсем покраснели. Затем встала и вышла из комнаты, не отваживаясь больше произнести ни слова. Когда у мисс Минчин такой вид и голос, разумнее всего молча выполнять ее распоряжения.

Оставшись одна, мисс Минчин зашагала по комнате. Она и не подозревала, что говорит вслух. Вот уже год, как она возлагала большие надежды на алмазные копи. Ведь даже начальницы пансионатов могут разбогатеть, если с помощью владельцев копеек приобретут их акции. Но теперь, вместо того чтобы думать о прибылях, приходилось считать убытки.

— «Принцесса Сара», как же! — фыркнула она. — Эту девчонку так баловали, словно она была королевой!

В гневе она чуть не задела стол — и вдруг услышала громкое всхлипывание, донесшееся из-под него.

— Что такое? — вскричала она сердито.

В ответ снова послышалось громкое всхлипывание. Мисс Минчин нагнулась и подняла край скатерти.

— Да как ты смеешь! — рассердилась она. — Ну-ка вылезай!

Бекки вылезла из-под стола — чепец у нее сбился набок, а лицо покраснело от сдерживаемых рыданий.

— С вашего разрешения, сударыня... это я, сударыня, — бормотала она. — Я знаю, что мне не следовало... Но я на куклу смотрела, сударыня... а когда вы вошли, я испугалась... и спряталась под столом.

— Ты там все время сидела и подслушивала, — произнесла мисс Минчин.

— Ах нет, сударыня, — возразила Бекки, приседая. — Я не подслушивала. Я думала, я выскользну... никто и не заметит... но не сумела... так что пришлось сидеть. Но я не подслушивала, сударыня... Я б ни за что не стала подслушивать. Только я все равно слышала.

Казалось, она совершенно забыла о своем страхе перед грозной хозяйкой. И снова разрыдалась.

— И-извините, сударыня, — говорила она, — вы меня, конечно, прогоните... только мне так жалко бедную мисс Сару... так жалко!

— Убирайся отсюда! — приказала мисс Минчин.

Бекки снова присела — слезы ручьем текли у нее из глаз.

— Слушаюсь, сударыня, — проговорила она, трепеща, — но я... только хотела вас спросить. Мисс Сара... она ведь такая была богатая барышня, ей всегда прислуживали и все за нее делали... Как же она теперь будет, сударыня, без служанки? Если б... если б... о, позвольте

мне ей прислуживать, когда я всю посуду перемою! Я быстро все переделаю... только разрешите мне ей прислуживать... Ведь она теперь совсем обеднела. Ах, — и снова в слезы, — бедная мисс Сара, сударыня... а ведь все звали ее принцессой.

Мисс Минчин почему-то еще пуще разгневалась. Вот уже и судомойка берет сторону этой девчонки, которую она никогда не любила. Нет, это уж слишком!

— Нет, — сказала мисс Минчин и топнула ногой, — нет, конечно, не разрешу! Пусть сама себе прислуживает. Себе — и другим! А теперь убирайся, не то я тебя выгоню.

Бекки уткнула лицо в фартук и бросилась вон из комнаты. Сбежав по лестнице вниз, она спряталась в чулан рядом с кухней, где обычно мыла посуду, и там, среди чайников и кастрюль, разрыдалась так, словно сердце у нее сейчас разорвется.

— Совсем как в сказке, — всхлипывала она. — Когда бедного принца выгоняют из дому...

Мисс Минчин выглядела еще более несгибаемой и суровой, чем обычно, когда спустя несколько часов она послала за Сарой и Сара вошла к ней.

Прошло совсем немного времени, но Саре казалось, будто веселый праздник в ее честь был сном или чем-то, что случилось давным-давно, в жизни совсем другой девочки.

От праздника не осталось и следа — ветки остролиста сняты со школьных стен, а парты и скамейки расставлены по местам. Гостиная мисс Минчин выглядела как всегда; угощение унесли, а сама мисс Минчин переоделась в будничное платье. Воспитанницам также велели снять праздничные платья; они собрались в классной и, разбившись на кучки, взволнованно перешептывались.

— Пошли ко мне Сару, — сказала сестре мисс Минчин. — Да объясни ей, что я не потерплю ни слез, ни сцен.

— Она такая странная, сестра, — отвечала мисс Амелия. — Она совсем не плакала. Помните, когда капитан Кру уезжал в Индию, она тоже не плакала. Когда я ей сказала, что он умер, она не шелохнулась — стояла и молча смотрела на меня. Только страшно побледнела — и глаза стали такие большие! Когда я замолчала, она еще постояла, а потом подбородок у нее задрожал, она повернулась и убежала к себе наверх. Кто-то из девочек заплакал, но она будто не слышала. Она слышала только то, что говорила я. Мне стало не по себе — ведь она мне ни слова не ответила. Когда кому-нибудь сообщается неожиданное известие, тебе обычно что-то в ответ говорят. Неважно — что, но все-таки...

Что произошло наверху, после того как Сара взбежала по лестнице и заперлась у себя в комнате, знала одна Сара. Сказать по правде, она и сама не помнила, что делала; только шагала и шагала по комнате и тихо повторяла голосом, который был словно чужим:

— Мой папочка умер! Папочка умер!

Один раз она остановилась перед Эмили, которая следила за ней, и вскрикнула:

— Ты слышишь, Эмили? Слышишь? Папочка умер! Он умер в Индии — за тысячи миль отсюда!

Когда она явилась в комнату мисс Минчин, лицо ее было мертвенно-бледным, а под глазами легли глубокие тени. Губы ее были плотно сжаты, словно она не хотела выдать своих страданий. Ничто в ней не напоминало девочку в розовом шелковом платье, которая порхала, словно бабочка, от одного подарка к другому в украшенной ветками остролиста классной. Вид у нее был странный и чуть ли не нелепый.

Она сама, без помощи Мариэтт, переделалась в старое черное платье. Оно было ей коротко и узко; ее стройные ножки торчали из-под короткой юбки и казались такими длинными и худыми. Она не нашла черной ленты, чтобы подвязать волосы; густые черные локоны вились вокруг лица, подчеркивая его бледность. В руке она сжимала Эмили.

— Положите куклу, — сказала мисс Минчин. — Зачем вы ее принесли?

— Нет, — отвечала Сара, — Я ее не положу. У меня больше никого нет. Мне ее папочка подарил.

Мисс Минчин всегда испытывала неловкость в присутствии Сары; так было и теперь. Сара ответила ей не грубо, но с холодной решимостью; мисс Минчин не знала, что на это сказать, — возможно, потому, что понимала: она поступает с Сарой жестоко и бессердечно.

— Теперь у вас не будет времени для кукол, — объявила мисс Минчин. — Вам придется научиться приносить пользу. Будете работать!

Сара пристально смотрела на мисс Минчин — и не произносила ни слова.

— Теперь все будет по-другому, — продолжала мисс Минчин. — Надеюсь, мисс Амелия вам все объяснила.

— Да, — отвечала Сара. — Мой папочка умер. Он не оставил мне денег. Я очень бедна.

— Вы нищая, — произнесла мисс Минчин, чувствуя, как гнев снова овладевает ею. — Как выясняется, у вас нет ни дома, ни родственников и никого, кто бы о вас позаботился.

Худенькое, бледное лицо на мгновение дрогнуло, но Сара опять не произнесла ни звука.

— Что вы так смотрите? — резко спросила мисс Минчин. — Неужто вы так глупы, что не можете меня понять? Я говорю, что вы совсем одна на свете, что у вас никого нет, кто мог бы вам помочь, — разве что я соглашусь оставить вас здесь из милости.

— Я понимаю, — отвечала Сара тихо, словно в горле у нее стоял комок. — Я понимаю.

— Эта кукла, — вскричала мисс Минчин, указывая на великолепную новую куклу, сидящую рядом, — эта нелепая кукла с этими глупыми роскошными нарядами — ведь это я за них заплатила!

Сара повернула голову.

— Последняя Кукла, — произнесла она. — Последняя Кукла...

Ее грустный голос звучал как-то сдавленно.

— Да уж, конечно, последняя! — отрезала мисс Минчин. — Но и она принадлежит не вам, а мне.

— Тогда, пожалуйста, возьмите ее, — сказала Сара. — Мне она не нужна.

Если б она испугалась, кричала и плакала, мисс Минчин, возможно, была бы к ней снисходительнее. Она любила распоряжаться и видеть свое превосходство, но, глядя на бледное лицо и сжатые губы Сары, слушая ее негромкий сдержанный голос, мисс Минчин чувствовала себя так, словно все ее превосходство не ставится ни во что.

— Перестаньте важничать, — сказала она. — Время для этого прошло. Вы больше не принцесса. Я отошлю ваш экипаж и пони — а горничную рассчитаю. Вы будете донашивать свои старые платья, те, что попроще, — нарядные больше не соответствуют вашему

положению. Теперь вы такая же, как Бекки, — и должны сами зарабатывать себе на хлеб.

К удивлению мисс Минчин, в глазах Сары мелькнул слабый проблеск — то был проблеск надежды.

— Значит, я смогу работать? Если я смогу работать, тогда все остальное не так уж важно. Что я буду делать?

— Вы будете делать все, что вам прикажут, — отвечала мисс Минчин. — Вы неглупы и быстро освоитесь. Возможно, я позволю вам остаться здесь, если вы будете стараться. Вы хорошо говорите по-французски, будете учить малышей.

— Вы мне позволите? — воскликнула Сара. — Позвольте, пожалуйста. Я знаю, что смогу хорошо их учить. Я их люблю, и они меня тоже.

— Все это вздор, — возразила мисс Минчин. — Вам придется не только учить малышей. Будете у нас на посылках, и помогать не только в классе, но и на кухне. Если вы мне не угодите, я вас выгоню. А теперь идите.

С минуту Сара стояла, глядя на мисс Минчин. В голове у нее мелькали странные мысли. Потом она повернулась и направилась к двери.

— Стойте! — приказала мисс Минчин. — Разве вы не хотите меня поблагодарить?

Сара остановилась — странные мысли овладели ею.

— За что? — спросила она.

— За мою доброту, — отвечала мисс Минчин. — За то, что у вас будет дом.

Сара шагнула к ней. Ее худенькая грудь вздымалась.

— Вы не добры, — отвечала она с недетской страстью. — Вы совсем не добры. И то, что вы мне предлагаете, — не дом.

Мисс Минчин не успела ответить — Сара повернулась и выбежала из комнаты. Мисс Минчин, словно окаменев, с гневом поглядела ей вслед.

По лестнице Сара поднималась медленно и тяжело дыша; она крепко прижимала к себе Эмили.

«Как жаль, что она молчит, — думала Сара. — Если б она могла говорить... Если б она могла говорить...»

Она хотела уйти в свою комнату, лечь на тигровую шкуру, смотреть в огонь, прижавшись щекой к голове зверя, и думать, думать, думать... Но когда она поднялась на площадку, из ее комнаты вышла мисс Амелия и, закрыв за собой дверь, остановилась перед нею с неловким и взволнованным видом. Дело в том, что в глубине души она стыдилась того, что ей приказали сделать.

— Вам... вам нельзя туда, — сказала она.

— Нельзя? — воскликнула Сара и отступила на шаг.

— Это больше не ваша комната, — отвечала мисс Амелия и слегка покраснела.

Внезапно Сара поняла. Так вот о чем говорила мисс Минчин!

— Где же теперь моя комната? — спросила Сара, от души надеясь, что голос ее не дрожит.

— Вы будете спать с Бекки на чердаке.

Сара знала, где это. Бекки ей говорила. Она повернулась и пошла дальше по лестнице. Последний пролет был узким, его покрывали вытертые ковровые дорожки. Она чувствовала, что уходит далеко-далеко, оставляя позади тот мир, где жила другая девочка, которая, казалось, не имела с ней ничего общего. Она же поднималась вверх по лестнице в коротком и узком старом платье — и была совсем другим существом.

Когда Сара поднялась наверх и открыла дверь на чердак, сердце у нее упало. Она затворила дверь и, прислонись к ней, огляделась.

Да, это был другой мир. Покатый потолок покрывала почерневшая от времени, местами облупившаяся побелка. Камин с заржавевшей решеткой, старая железная кровать, твердая, как камень, накрытая выцветшим покрывалом. Здесь стояло еще кое-что из старой мебели. В слуховое окно виднелся краешек мрачного серого неба, а под ним стояла старая скамеечка для ног, обитая потертой красной материей. Сара подошла к скамеечке и села. Она редко плакала. Не плакала она и теперь. Она взяла на колени Эмили и, обняв ее, прижалась к ней лицом; так и сидела, опустив темную головку, сидела беззвучно, неподвижно.

Внезапно в дверь тихо постучали. Это был такой тихий, такой робкий стук, что поначалу Сара его не расслышала. Она опомнилась, только когда кто-то робко толкнул дверь и в комнату заглянуло заплаканное лицо. Это была Бекки — Бекки, которая проплакала все это время, скрывая свои слезы и утирая глаза фартуком, данным ей для работы на кухне, отчего вид у нее был теперь более чем странный.

— Ах, мисс, — произнесла она негромко. — Можно мне... вы разрешите мне... войти?

Сара подняла голову и посмотрела на нее. Она попробовала улыбнуться — но безуспешно. Вдруг — под влиянием любви и скорби, которые светились в глазах плачущей Бекки, — Сарино лицо дрогнуло, став почти детским. Она протянула руку и всхлипнула.

— Ах, Бекки, — сказала она. — Я же тебе говорила, что мы совсем одинаковые... мы просто две девочки... две маленькие девочки. Видишь, как это верно. Между нами сейчас нет никакой разницы. Я больше уже не принцесса.

Бекки кинулась к Саре и, плача, опустилась рядом с ней на колени.

— Нет, мисс, вы принцесса! — вскричала она, задыхаясь. — Что бы ни случилось... что угодно... вы все равно будете принцессой... вас ничто не изменит... ничто...

ГЛАВА 8

На чердаке

Свою первую ночь на чердаке Сара запомнила на всю жизнь. Всю ночь она горевала — это было безудержное, недетское горе, о котором потом она никому никогда не рассказывала. Никто бы ее не понял. Возможно, было даже лучше, что непривычное окружение ее несколько отвлекло. Иначе поразившее ее горе совсем бы ее сломило: слишком оно было тяжело для детской души. Правда, в ту ночь она и не помышляла о себе — она думала лишь об отце.

— Папочка умер! — шептала она про себя. — Папочка умер!

Только впоследствии, много времени спустя, ей припомнилось, что постель у нее была такая жесткая, что, как она ни ворочалась, ей никак не удавалось улечься поудобнее; что на чердаке царила крошечная тьма, а ветер выл над головой, словно зверь. Позже она услышала и другие звуки, которые еще пуще напугали ее. За стенами и плинтусами слышался какой-то шорох, возня и писк. Сара вспомнила слова Бекки. Это были мыши и крысы: они бегали, играли, дрались. Раз или два она даже слышала, как кто-то пробежал, стуча коготками, по комнате. Впоследствии она вспоминала, что, услышав эти звуки впервые, она вскочила и, трепеща от страха, забралась с головой под одеяло.

Перемена в ее жизни произошла внезапно, без всякой подготовки.

— Пусть сразу привыкает, — сказала мисс Минчин сестре. — Нужно ей показать, что ее ждет.

На следующий же день Мариэтт рассчитали. Проходя утром мимо открытой двери в свою прежнюю гостиную, Сара краем глаза увидела, что все в ней изменилось. Красивая мебель и украшения были вынесены, а в углу комнаты поставили кровать для новой ученицы.

Спустившись к завтраку, Сара увидела, что на ее месте рядом с мисс Минчин сидит Лавиния.

— Сара, — холодно обратилась к ней мисс Минчин, — вы сегодня же приметесь за свои новые обязанности. Садитесь за тот стол с младшими воспитанницами, следите, чтобы они не шумели, вели себя прилично и ничего не проливали на стол. Вам нужно раньше сходить вниз, Лотти уже опрокинула чашку с чаем.

Это было только начало, а потом с каждым днем обязанностей у Сары все прибавлялось. Она учила младших девочек французскому и проверяла заданные им уроки, но это было самое простое. Мисс Минчин решила, что Сара может быть полезна и во многом другом. В любой час и в любую погоду ее можно было послать с каким-то поручением или велеть сделать то, что не сделали бы другие. Кухарка и горничные последовали примеру мисс Минчин и с удовольствием помыкали «девчонкой», с которой раньше все так носились. Это были слуги не очень хорошего разбора; не отличаясь ни вежливостью, ни добротой, они лишь радовались, что есть на кого свалить собственную работу.

Первый месяц или два Сара надеялась, что ее старательность, готовность выполнить любую работу и молчание в ответ на попреки смягчат ее гонителей. Она была горда: ей хотелось доказать, что она зарабатывает свой хлеб и не рассчитывает на поблажки. Однако вскоре она поняла, что никого не смягчит, чем больше она старалась, тем требовательнее и высокомернее становились служанки, тем чаще бранила ее сварливая кухарка.

Будь Сара старше, мисс Минчин поручила бы ей заниматься со старшими воспитанницами и сэкономила бы на этом деньги, рассчитав учительницу, но Сара была так юна, что мисс Минчин сочла более удобным использовать ее как девочку на побегушках или служанку. Простому мальчишке-посыльному нельзя было бы так довериться, но на Сару можно было положиться — ей доверяли самые трудные дела. Она могла не только вытереть пыль в комнате или все расставить по местам, но и оплатить счета.

Сама она больше ничему не училась. Ее даже не пускали на уроки; лишь вечером, выполнив все поручения, она могла войти в опустевшую классную комнату с ворохом старых книжек и сидеть над ними всю ночь. Впрочем, разрешение на это ей давали очень неохотно.

«Я должна повторять старое, — говорила себе Сара, — иначе я все забуду. Ведь я теперь простая судомойка, а если я все забуду, то стану такой же, как бедная Бекки. Неужели я могу все забыть? Начну все путать и даже не вспомню, что у Генриха VIII было шесть жен!»

Любопытнее всего было то, как изменилось ее положение среди воспитанниц. Прежде к ней относились как к юной королеве — теперь же она словно не имела к ним никакого отношения. Она так много работала, что у нее не было времени даже перемолвиться с кем-нибудь из них словечком. К тому же она скоро заметила, что мисс Минчин предпочитает держать ее подальше от учениц.

— Я не желаю, чтобы она разговаривала или сближалась с воспитанницами, — говорила мисс Минчин. — Девочек трогают страдания, и, если она начнет рассказывать о себе всякие романтические истории, они станут смотреть на нее как на несчастную героиню, а это наведет родителей на ложные умозаключения. Пусть лучше держится в стороне — это соответствует ее положению. Я дала ей крышу над головой, больше ей нечего ждать.

Сара многого и не ждала, к тому же она была слишком горда, чтобы стараться сохранить близость с ученицами, которых явно смущало ее положение. Сказать по правде, воспитанницы мисс Минчин были весьма недалекие и избалованные девочки. Они привыкли к тому, что богаты и все им угождают, и, когда платья у Сары обтрепались и было уже невозможно скрывать, что башмаки у нее худые и что ее посылают за провизией; если на кухне чего-то не хватит, и она тащит ее в корзинке по улицам, — им начало казаться, что заговорить с нею было бы все равно, что заговорить с самой последней служанкой.

— Подумать только, неужто у нее были когда-то алмазные копи! — говорила Лавиния. — Вы только поглядите, какой у нее вид! А уж странная, дальше некуда! Мне она никогда не нравилась. Смотрит на всех и молчит — словно выясняет, какие мы. Видеть ее не могу!

— Да, это правда! — согласилась Сара, когда ей передали слова Лавинии. — Я потому на некоторых из них так гляжу, что хочу знать, какие они. Я их потом обдумываю.

Дело в том, что Саре не раз уже удавалось избежать каверз, которые то и дело подстраивала ей Лавиния. Лавинии так хотелось досадить воспитаннице, которой когда-то гордилась мисс Минчин! Ну а Сара никогда никому не досаждала и старалась держаться в стороне. Она выполняла тяжелую работу по дому; шла в непогоду по улицам с пакетами и корзинками; зубрила французский с малышами, так и норовившими отвлечься. Платье ее изнашивалось; она исхудала; обедала она на кухне. Никому не было до нее никакого дела, отчего жить становилось еще горше; она замыкалась в своей гордости и не жаловалась на такое обращение.

«Ведь солдаты не жалуются, — говорила она себе, сжимая зубы. — И я не буду жаловаться, представлю себе, что я на войне».

Однако бывали минуты, когда ее детское сердце чуть не разрывалось от горя и одиночества. И разорвалось бы — если б не три подруги.

Первой была Бекки — да, всего лишь Бекки. Всю ту долгую ночь, которую Сара впервые провела на чердаке, когда под полом возились и пищали крысы, ее утешала мысль о том, что за стеной есть еще одна девочка. В последующие ночи она ощущала присутствие Бекки еще сильнее. У Сары почти не было случая перекинуться с Бекки словечком. У каждой была своя работа, и остановись они поболтать, это восприняли бы как желание побездельничать.

— Только вы, мисс, не сердитесь на меня, — шепнула ей Бекки в то первое утро, — если я буду невежлива с вами, не буду говорить «пожалуйста», или «спасибо», или «простите». Если я стану так говорить, нам обеим достанется. Я побоюсь на это время тратить.

Но на рассвете, прежде чем спуститься на кухню разжечь печку, Бекки неслышно проскальзывала к Саре, чтобы застегнуть ей платье или как-то еще услужить. А когда наступала ночь, в дверь Сариной каморки стучали — это Бекки снова предлагала ей помощь.

В первые недели после рокового известия Сара была настолько потрясена, что замкнулась в молчании; прошло немало времени, прежде чем она смогла с кем-то говорить. Сердце подсказало Бекки, что в горе человека лучше не трогать.

Второй из трех утешительниц Сары была Эрменгарда — впрочем, она далеко не сразу стала ею.

Придя в себя от потрясения, Сара осознала, что совсем забыла о существовании Эрменгарды. Конечно, они были подруги, но Саре всегда казалось, будто она гораздо старше Эрменгарды. Что говорить, Эрменгарда Сару любила, но была такой глупышкой! Простой, бесхитростной душой она привязалась к Саре; приходила к ней за помощью с уроками, ловила каждое ее слово и осаждала просьбами о сказках. Но самой ей сказать было нечего, а всякие книги она ненавидела. Словом, Эрменгарда была не из тех, кого вспоминают в тяжком горе, и Сара о ней забыла.

Этому способствовало и то, что Эрменгарду внезапно отозвали на несколько недель домой. Вернувшись, она дня два не видела Сары, а потом столкнулась с ней в коридоре — Сара шла ей навстречу с кипой одежды в руках. Она несла ее вниз для починки. К этому времени Сару уже обучили чинить одежду воспитанниц. Вид ее показался Эрменгарде непривычным: она была бледна, из-под слишком короткого платья торчали тонкие ноги в черных чулках.

Эрменгарда растерялась. Она не знала, что сказать. Ей было известно, что произошло, но ей и в голову не приходило, что Сара может так измениться — она выглядела совсем как служанка. Сердце у Эрменгарды сжалось — она истерически засмеялась и бессмысленно вскрикнула:

— Ах, Сара! Это ты?

— Да, — ответила Сара.

Странная догадка мелькнула в ее голове — она покраснела.

Она несла одежду и, чтобы ничего не уронить, придерживала ее подбородком. Она не опустила глаз — и оттого Эрменгарда еще больше растерялась. Ей показалось, что Сара теперь совсем другая, — такую Сару она не знала. Верно, это потому, подумала Эрменгарда, что она вдруг обнищала и должна теперь чинить вещи и работать, как Бекки.

— О, — произнесла она, заикаясь. — Как ты?

— Не знаю, — отвечала Сара. — А ты как?

— Я... я хорошо, — сказала Эрменгарда, одолеваемая робостью. И вдруг спросила в неловком доверительном порыве: — Ты очень... горюешь?

Сара почувствовала, что сердце ее истекает кровью. Если человек так глуп, то лучше держаться от него подальше, подумала она. Конечно, это было несправедливо, но в тот момент Сара так не считала.

— А как ты думаешь? — отвечала она. — Ты думаешь, мне весело?

И, не прибавив больше ни слова, она прошла мимо.

Со временем Сара поняла, что, если бы не ее горе, она бы сообразила, что бедную глупышку Эрменгарду не следует винить за ее медлительность и неловкость. Она всегда была такой, и чем больше она переживала, тем глупее себя вела.

Впрочем, Сара обиделась на Эрменгарду, потому что в голове у нее мелькнула досадная

мысль.

«Она такая же, как другие, — подумала Сара. — На самом деле ей совсем не хочется со мной говорить. Она знает, что со мной никто не разговаривает».

Несколько недель между ними царило отчуждение. Если они случайно встречали друг друга, Сара отводила глаза, а Эрменгарда не решалась от смущения с ней заговорить. Иногда они кивали друг другу; впрочем, бывало и так, что обе делали вид, что друг друга не видят.

«Если она предпочитает со мной не говорить, — думала Сара, — мне лучше держаться от нее подальше. Мисс Минчин позаботилась об этом».

И правда, мисс Минчин так хорошо об этом позаботилась, что со временем они почти уже не встречались. Все заметили, что в эти дни Эрменгарда стала еще бестолковее; она выглядела беспокойной и невеселой и все чаще совершала промахи. Она часто сидела ссутулившись у окна и не произносила ни слова. Раз Джесси, идя мимо, остановилась и с любопытством взглянула на нее.

— Что это ты плачешь, Эрменгарда? — спросила она.

— Я не плачу, — ответила Эрменгарда прерывающимся голосом.

— Нет, плачешь, — возразила Джесси. — У тебя по носу сейчас скатилась слеза. А вот и вторая!

— Мне грустно, — сказала Эрменгарда, — только тебе что до меня за дело?

Она повернулась к Джесси спиной и, вынув платок, спрятала в нем лицо.

В этот вечер Сара позже обычного поднялась к себе на чердак. Воспитанницы уже разошлись по спальням, а ей все находилась работа; потом она еще позанималась в пустой классной. Поднявшись по лестнице, Сара с удивлением увидела, что из-под двери, ведущей к ней на чердак, выбивается свет.

«Туда никто, кроме меня, не заходит, — пронеслось у нее в голове, — значит, кто-то зажег свечу».

Свечу и впрямь кто-то зажег — и горела она не в кухонном подсвечнике, которым надлежало пользоваться Саре, а в подсвечнике, взятом из спален воспитанниц. На старой скамеечке сидела девочка в ночной рубашке и с красной шалью на плечах. Это была Эрменгарда.

— Эрменгарда! — вскричала Сара, это было так неожиданно, что та чуть не перепугалась. — Тебе попадет!

Эрменгарда неловко поднялась со скамеечки. Шаркая шлепанцами, которые были ей велики, она сделала к Саре несколько шагов. Глаза и нос у нее покраснели от слез.

— Я знаю... меня накажут, если увидят здесь, — сказала она. — Но мне все равно. Да, все равно! Сара, пожалуйста, скажи мне. В чем дело? Почему ты ко мне переменялась?

Она сказала это так горячо и так просто, что у Сары перехватило горло. Это была та же Эрменгарда, которая когда-то предложила ей «дружить». Судя по ее голосу, все то, что последние недели стояло между ними, было просто недоразумением.

— Нет, я к тебе не переменялась, — отвечала Сара. — Я думала... понимаешь, все теперь другое. Я думала, ты... тоже стала другой.

Эрменгарда еще шире раскрыла глаза, в которых стояли слезы.

— Нет, это ты стала другой! — воскликнула она. — Ты не хотела со мной говорить. Я не знала, что делать. Это ты стала другой после моего возвращения.

Сара на миг задумалась. Она поняла, что ошибалась.

— Да, я переменялась, — объяснила она, — только не так, как ты думаешь. Мисс Минчин не хочет, чтобы я разговаривала с воспитанницами. Многие из них и сами этого не хотят. Я думала... ты... тоже не хочешь. И старалась держаться подальше.

— Ах, Сара! — с упреком воскликнула Эрменгарда.

В голосе ее звучали слезы.

И они кинулись друг другу в объятия. Сара прижалась головой к красной шали, укутывавшей плечи Эрменгарды. Признаться, ей было очень одиноко, пока она думала, что Эрменгарда отвернулась от нее.

А потом обе уселись на пол — Сара подобрала под себя ноги, а Эрменгарда закуталась в шаль. Эрменгарда с обожанием глядела на худенькое личико своей подруги.

— Я больше не могла, — говорила она. — Ты, верно, можешь жить без меня, Сара. А я без тебя — не могу. Я чуть не умерла. Сегодня я долго плакала под одеялом, а потом вдруг подумала, что надо прокрасться к тебе наверх и сказать: «Пожалуйста, будем дружить, как раньше!»

— Ты лучше, чем я, — сказала Сара. — Вот я не могла с тобой заговорить — из гордости. Видишь, стоило начаться испытаниям, и стало ясно: я совсем не такая уж хорошая! Этого я и боялась! — Она нахмурилась: — Может, потому мне и были посланы испытания.

— А я не вижу в них ничего хорошего, — твердо произнесла Эрменгарда.

— Сказать по правде, и я тоже, — призналась Сара. — Впрочем, возможно, какая-то польза в них все-таки есть, даже если мы этого и не понимаем. Может, даже от мисс Минчин есть какая-то польза.

Последние слова она произнесла с сомнением.

Эрменгарда со страхом обвела чердак взглядом.

— Господи, Сара, — воскликнула она, — как ты будешь здесь жить? Ведь ты этого не вынесешь!

— Вынесу, — ответила Сара, — только надо представить себе, что тут все другое. Или что все это происходит не в жизни, а в какой-то истории или сказке.

Она произнесла эти слова с расстановкой. Воображение ее вдруг пробудилось. С того дня, как она узнала о смерти отца, оно пребывало словно во сне. Слишком тяжелый удар обрушился тогда на Сару.

— Люди еще хуже жили. Вспомни-ка про графа Монте-Кристо в подземелье замка Иф. Вспомни про узников Бастилии!

— Бастилии! — прошептала Эрменгарда, зачарованно глядя на Сару.

В памяти у нее всплыли эпизоды из времен Французской революции, которые Сара излагала так выразительно, что забыть их было невозможно. Так рассказывать умела только Сара!

Глаза у Сары засверкали, как когда-то. Эрменгарда знала этот блеск.

— Да, — продолжала раздумчиво Сара, обхватив руками колени. — Бастилия — это как раз то, что надо. Меня заточили в Бастилию. Я провела здесь много-много лет — сколько, не счесть... И все обо мне забыли. Мисс Минчин — тюремщик в Бастилии, а Бекки... — тут лицо Сары просветлело, — а Бекки заточена в соседней камере.

Она обернулась к Эрменгарде, и той показалось, что она видит перед собой прежнюю Сару.

— Вот что я буду воображать, живя здесь, — сказала Сара, — и тогда мне будет гораздо легче.

Эрменгарда смотрела на нее с ужасом и обожанием.

— Ты будешь мне обо всем говорить, правда? — спросила она. — Можно мне приходить к тебе по ночам, когда все заснут? Ты мне будешь рассказывать все, что придумает, и мы опять будем закадычными подругами, как прежде, и даже лучше того?

— Да, — отвечала Сара, кивая. — В несчастье люди себя проявляют. Несчастье позволило мне понять, какая ты хорошая.

ГЛАВА 9

Мельхиседек

Ну а третьей, кто поддерживал Сару в эти трудные дни, была Лотти. Она была так мала, что не понимала, какая беда постигла Сару, и очень удивилась перемене, которую заметила в ней. До нее дошли какие-то странные слухи, но она никак не могла взять в толк, почему Сара так изменилась — почему носит старое черное платье, почему приходит в классную учить малышей, а не сидит на почетном месте и не учится сама. Младшие воспитанницы долго шептались между собой, обнаружив, что Сара больше не живет в комнатах, где столько времени восседала во всем великолепии Эмили. Лотти ничего не могла понять, а Сара, когда ее спрашивали, отделялась односложными ответами. Как тут разгадать все эти тайны, если тебе всего семь лет и тебе ничего не говорят?

— Ты теперь очень бедная, Сара? — спросила она доверительно, когда Сара впервые пришла заниматься с малышами французским. — Такая же бедная, как уличная нищенка?

Она вложила свою пухлую ручку в худенькую руку Сары, глядя на нее круглыми глазами, в которых стояли слезы.

— Я не хочу, чтобы ты была такой бедной!

Видя, что Лотти вот-вот заплачет, Сара поспешила ее утешить.

— У нищих нет дома, — произнесла она, собравшись с духом. — А у меня есть.

— А где ты теперь живешь? — не отставала Лотти. — В твоей комнате спит новенькая, и там уже не так красиво, как раньше.

— Я живу в другой комнате, — сказала Сара.

— А она хорошая? — поинтересовалась Лотти. — Я хочу на нее посмотреть.

— Молчи, — сказала Сара. — На нас смотрит мисс Минчин. Она увидит, что я разрешаю тебе шептаться, и рассердится на меня.

Сара уже поняла, что за все, что не понравится мисс Минчин, отвечать придется ей. Если дети плохо слушали, болтали или вертелись, выговаривали Саре.

Но отвлечь внимание Лотти было не так-то легко. Сара не хочет говорить ей, где живет, что ж, она узнает сама! Она болтала с подружками, а сама прислушивалась к тому, о чем судачили старшие. Собрав воедино кое-какие замечания, которые те, сами того не подозревая, роняли в разговорах, Лотти собралась и пошла карабкаться по лестницам, о существовании которых раньше и не подозревала, пока наконец не добралась до чердака! На площадке было две двери, одна рядом с другой. Она отворила одну и увидела свою дорогую Сару — та стояла на старом столе и глядела в слуховое окно.

— Сара! — закричала в испуге Лотти. — Мамочка Сара!

Она пришла в ужас от чердака — такого пустого, ни на что не похожего, страшного! Сотни ступенек отделяли его от знакомого Лотти мира.

Услышав голос Лотти, Сара обернулась. Настала ее очередь испугаться. Что делать? Если Лотти заплачет и кто-нибудь ее услышит, им несдобровать. Она соскочила со стола и подбежала к Лотти.

— Только не кричи и не плачь, — попросила она. — А не то мне достанется, а меня и так весь день ругали. Тут... тут не так уж и плохо, Лотти.

— Разве? — удивилась Лотти и, прикусив губу, оглянулась.

Конечно, она могла бы и заплакать, но ради своей приемной мамочки сделала над собой усилие и сдержалась. К тому же любая комната, если в ней обитала Сара, уже была хороша.

— А почему? — тихо спросила она.

Сара обняла ее и попыталась засмеяться. Как приятно прикоснуться к теплему детскому тельцу! День выдался тяжелый, и слезы так и жгли Саре глаза.

— Здесь можно увидеть много такого, чего не увидишь внизу, — ответила Сара.

— А что? — тут же спросила Лотти.

Сара умела пробудить любопытство в ком угодно, даже в старших воспитанницах.

— Здесь трубы... из них идет в небо дым — клубами или колечками... И воробьи прыгают и чирикают, словно болтают друг с другом, совсем как люди... А из окон других чердаков в любую минуту может кто-нибудь выглянуть, и тогда интересно будет гадать, кто это. И мы тут так высоко — словно в другом мире!

— Ах, Сара, я хочу посмотреть! — воскликнула Лотти. — Подними меня!

Сара подсадила ее и сама залезла на стол; облокотись о край окна, сделанного в покато крыше, они выглянули в него.

Тем, кто никогда этого не делал, трудно представить себе, какой необычный мир открывается глазу. По обе стороны крытая черепицей крыша покато спускалась к водосточным трубам. Воробьи, чувствовавшие себя здесь как дома, бесстрашно прыгали, чирикавая, по крыше. На ближайшей трубе сидели два воробья и гневно спорили друг с другом; наконец один клюнул другого и прогнал с трубы. Соседнее слуховое окно было закрыто — дом рядом пустовал.

— Жаль, что там никто не живет, — сказала Сара. — Это так близко, что, если бы на том чердаке жила девочка, мы могли бы с ней переговариваться и даже лазать друг к другу, если б только не боялись упасть.

С чердака небо казалось настолько ближе, что Лотти пришла в восторг. А то, что происходило внизу, если глядеть из слухового окна меж высящихся на крыше труб, казалось почти нереальным. Не верилось, что на свете существует мисс Минчин, мисс Амелия и классная комната. Стук колес на площади доносился сюда словно с другой планеты.

— Ах, Сара! — воскликнула Лотти, прижимаясь к обнимавшей ее руке. — Мне нравится твой чердак — честное слово, нравится! Здесь лучше, чем внизу!

— Погляди на воробышка, — шепнула Сара. — Жаль, что у меня нет для него крошек.

— А у меня есть! — взвизгнула Лотти. — У меня в кармане кусочек булочки. Я ее вчера за пенни купила — еще немного осталось!

Они принялись бросать крошки, но воробей вспорхнул и, отлетев, уселся на ближайшую трубу. Он явно не привык к дружескому участию — неожиданное приношение его спугнуло. Лотти замерла, а Сара тихонько почирикала — совсем как воробей! — и тогда воробей понял, что ему предлагали угощение и что бояться нечего. Склонив головку набок, он глянул блестящими глазками на крошки. Лотти с трудом сохраняла неподвижность.

— Он слетит? Слетит? — шепнула она.

— Судя по глазам, да, — отвечала Сара тоже шепотом. — Он размышляет, можно ли на это решиться. Да, он решился! Смотри, слетает!

Воробей слетел с трубы и запрыгал к крошкам, но вдруг остановился несколько поодаль и снова склонил набок головку, словно размышляя. А вдруг Сара и Лотти — огромные кошки, возьмут и бросятся на него? Наконец сердце ему подсказало, что они не так страшны, как кажутся, и он подпрыгнул, клюнул самую большую крошку, схватил и упорхнул с ней за трубу.

— Теперь он знает, — сказала Сара. — И вернется за остальными.

Воробей и вправду вернулся, и даже с дружкой, а дружок улетел и вернулся с родственничком, и все вместе они принялись радостно клевать, чирикать, щебетать, пищать, время от времени останавливаясь, чтобы, склонив головки набок, изучать Лотти и Сару.

Лотти так веселилась, что совсем забыла первое неприятное впечатление от Сариного жилища. Когда же Сара спустила ее на пол, она сумела указать ей на многие другие достоинства своей комнатушки, о которых и сама раньше не подозревала.

— Знаешь, эта комнатка такая маленькая и так высоко над землей, что похожа на гнездо на дереве. А покатый потолок очень забавный! Погляди-ка, если стать вон там у стены, тут нельзя даже выпрямиться как следует. А когда занимается заря, я могу лежать в постели и через это окошко в крыше смотреть прямо в небо. Оно словно квадратик света в темноте. Если день солнечный, то по небу плывут маленькие розовые облачка, и мне кажется, что я могу их коснуться рукой. Если же идет дождь, капли так и стучат по стеклу, словно хотят сообщить что-то хорошее. А ночью, если небо звездное, можно лежать и считать, сколько звездочек в этом квадратике. Ты и не представляешь, Лотти, как их там много! А посмотри-ка на эту ржавую решетку перед камином в углу. Если б ее отчистить и развести в камине огонь, как это было бы чудесно! Видишь, на самом деле это очень красивая комнатка!

Описывая все достоинства своей комнатушки и заставляя себя в них верить, Сара ходила по ней, держа Лотти за руку. Лотти в них тоже верила — она всегда верила тому, что говорила

Сара.

— Вот здесь, — продолжала Сара, — можно положить синий индийский ковер, такой пушистый и мягкий, а в том углу можно поставить мягкий диванчик с подушками, где будет так приятно прикорнуть. Над ним — повесить полку с книгами, чтобы можно было дотянуться, не вставая. Перед камином можно бросить какую-нибудь шкуру, а стены оклеить обоями и развесить на них картины. Конечно, маленькие, — большие здесь не поместятся, но маленькие тоже бывают красивые! Вот здесь можно поставить лампу с розовым абажуром, а посреди комнаты стол с чашками и всем, что надо для чая, а над огнем повесить круглый медный чайник, он бы шипел и свистел. Ну и кровать, конечно, будет другая — мягкая, с дивным шелковым покрывалом, — не кровать, а просто прелесть! И, может быть, нам удастся подружиться с воробьями и так их приручить, что они станут прилетать и стучаться в окно, чтобы мы их впустили.

— Ах, Сара! — воскликнула Лотти. — Я бы хотела здесь жить!

Наконец Саре удалось отвести Лотти вниз. Проводив ее, она вернулась к себе на чердак и обвела его взглядом.

Очарование вымысла исчезло. Жесткую постель покрывала потрепанная ткань. Штукатурка на стенах потрескалась и кое-где обвалилась, на холодном полу не было ковра, каминная решетка погнулась и заржавела, а единственным сиденьем в комнате была старая шаткая скамеечка. Сара села на скамеечку и закрыла лицо руками. После ухода Лотти ей стало еще тяжелее на сердце. Так, верно, чувствуют себя узники, когда посещавшие их родные уходят и они остаются одни.

— Здесь так одиноко, — произнесла Сара вслух. — Иногда это самое одинокое место на свете.

Она сидела, задумавшись, как вдруг ее внимание привлек какой-то шорох. Она подняла голову и глянула туда, откуда он раздавался; если б не выдержка, она бы тут же вскочила на ноги. Неподалеку от нее сидела на задних лапках крупная крыса и с интересом принюхивалась. Крошки от Лоттиной булочки упали на пол, и крыса, учуяв еду, вышла из норки.

Седые усы придавали крысе столь необычный вид, что Сара не могла оторвать от нее глаз. На кого она походила — на кролика или на гнома? Крыса смотрела на Сару блестящими глазками, словно хотела спросить о чем-то. Казалось, ее одолевают сомнения. Странная мысль мелькнула у Сары в голове.

«Верно, нелегко быть крысой, — подумала она. — Никто их не любит. Завидят — и тут же вскакивают и убегают с криком: „Ах, какая противная крыса!“ Как мне было бы тяжело, если бы люди вскакивали, завидев меня, и кричали: „Ах, какая противная Сара!“ И ставили бы мышеловки, прикидываясь, что хотят меня покормить. Вот воробышком быть хорошо! Но ведь никто эту крысу не спрашивал, хочет ли она быть крысой. Никто ей не сказал: „Может, ты бы хотела быть воробышком?“»

Сара сидела так тихо, что понемногу крыса осмелела. Она очень боялась Сары, но, возможно, сердце ей подсказало, как и воробью, что Сара не будет на нее прыгать. Крыса очень проголодалась. Это был отец семейства, под полом у него жила семья — жена и дети. Последнее время ему ужасно не везло, и все они сидели голодные. Уходя из дому, он слышал, что дети горько плачут, — вот почему из-за нескольких крошек булки он решился на отчаянный риск. Он осторожно опустил на все четыре лапки.

— Иди-иди, — сказала Сара. — Я не опасна. Бери эти крошки, бедняга! В Бастилии узники приручали крыс. Может, мы с тобой еще станем друзьями.

Неизвестно, как животные понимают людей, только они их, вне всякого сомнения, понимают. Возможно, существует какой-то язык, который не зависит от слов, и его понимают все на свете. Возможно, в каждом существе скрыта душа, и она может без слов общаться с другими душами. Как бы то ни было, но с этой минуты крыса знала, что Сара не желает ей зла — хоть она и крыса. Она поняла, что это юное существо, сидящее на красной скамеечке, не вскочит, не оглушит ее воплями, не будет швырять в нее тяжелыми предметами, которые если ее и не убьют, то покалечат. Это была очень симпатичная крыса, никому не желавшая зла. Когда она принялась сидеть на задних лапках и устремив на Сару блестящие глазки, в надежде, что Сара это поймет и не возненавидит ее как врага. Когда же то таинственное, что говорит без слов, подсказало ей, что Сара этого не сделает, она тихонько подошла к крошкам и стала их есть. Во время еды она, как и воробьи, поглядывала время от времени на Сару. Вид у нее при этом был такой виноватый, что Сара растрогалась.

Она сидела неподвижно и смотрела на крысу. Одна крошка была гораздо больше остальных — ее и крошкой-то нельзя было назвать. Крысе, как видно, очень хотелось до нее дотянуться, но она не решалась — уж слишком близко к скамеечке та лежала.

«Она, верно, хочет снести ее своему семейству, — подумала Сара. — Если я замру, может, она решится подойти».

Она почти не дышала — так ей было интересно. Крыса подобралась поближе, съела еще несколько крошек, остановилась и осторожно принялась, искоса поглядывая на Сару. Потом вдруг в том же приливе отваги, что и воробьи, кинулась к кусочку булочки, схватила его и, подбежав к стене, скользнула в щель у плинтуса и исчезла.

— Я так и знала, что этот кусочек она хочет взять для детей, — сказала Сара. — Я думаю, мы с ней подружимся.

Спустя неделю, когда Эрменгарде удалось наконец опять тайком подняться к Саре, она тихонько постучала пальцами в дверь. Но Сара открыла ей не сразу. За дверью стояла такая тишина, что Эрменгарда подумала, уж не спит ли Сара. Но тут же, к своему удивлению, услышала, как Сара тихонько рассмеялась и ласково сказала кому-то:

— Ну же! Бери и носи ее жене, Мельхиседек. Иди домой!

Дверь отворилась — испуганная Эрменгарда застыла на пороге.

— С кем... с кем это ты разговаривала, Сара? — спросила, запинаясь, Эрменгарда.

Сара молча втянула ее за руку в комнату; у нее был веселый вид.

— Я тебе сейчас скажу, — отвечала она, — только обещай, что ты не испугаешься и не закричишь, даже звука не издашь!

Эрменгарде тут же захотелось закричать, — впрочем, она сдержалась. Она огляделась — в комнате никого не было. Но ведь Сара с кем-то разговаривала! Уж не с привидением ли?

— А мне... мне будет страшно? — робко спросила Эрменгарда.

— Некоторые их боятся, — отвечала Сара. — Сначала я тоже боялась, но теперь не боюсь.

— Это... привидение? — прошептала Эрменгарда, дрожа от страха.

— Нет, — засмеялась Сара. — Это моя крыса.

Эрменгарда подпрыгнула — она и сама не знала, как очутилась на постели. Поджав под себя ноги, она закуталась в красную шаль. Она не закричала, но дыхание у нее перехватило от

страха.

— О Боже! — прошептала она, задыхаясь. — Крыса! Крыса!

— Я так и думала, что ты испугаешься, — сказала Сара. — Но бояться нечего. Я его приручаю. Он уже меня знает и выходит на мой зов. Хочешь на него посмотреть? Или ты боишься?

Все эти дни Сара приносила крысе с кухни остатки еды; дружба между ними все крепла, и постепенно она забыла, что робкое существо, с которым она разговаривала, всего лишь крыса.

Поначалу Эрменгарда так боялась, что только жалась да подбирала ноги, но спокойствие Сары и рассказ о первом появлении Мельхиседека понемногу ее заинтересовали, и она склонилась с кровати, глядя, как Сара подошла к щели в плинтусе и опустилась перед ней на колени.

— Он... он не выскочит вдруг?.. Не прыгнет на кровать, а? — спросила Эрменгарда.

— Нет, — отвечала Сара. — Он такой же воспитанный, как и мы! Он совсем как человек. Гляди же!

И она тихонько засвистела. Это был такой тихий и нежный свист, что услышать его можно было лишь в полной тишине. Она свистнула раз, другой... казалось, она с головой ушла в свое занятие. Эрменгарда подумала, уж не колдует ли ее подруга. Наконец в ответ на зов из щелки выглянула мордочка с седыми усами и блестящими глазками. В руке у Сары были хлебные крошки. Она уронила их на пол — Мельхиседек спокойно вылез из норки и съел их. Кусочек же побольше подобрал и деловито понес домой.

— Видишь? — сказала Сара. — Это для его жены и деток. Он очень хороший. Сам ест только мелкие крошки. Когда он возвращается домой, я всегда слышу, как они там пищат от радости. Есть три вида писка. Один — когда пищат детки, другой — миссис Мельхиседек, а третий — сам Мельхиседек.

Эрменгарда расхохоталась.

— Ах, Сара! — воскликнула она. — Ты такая чудачка — но очень хорошая!

— Я знаю, что я чудачка, — весело ответила Сара. — И я стараюсь быть хорошей.

Она потерла лоб закружившей рукой, и облачко нежности и недоумения мелькнуло на ее лице.

— Папа всегда надо мной смеялся, — сказала она, — но мне это было приятно. Он считал меня странной, но мои выдумки ему нравились. Я... я не могу не придумывать. Если б я не придумывала, я бы, должно быть, умерла.

Она замолчала и обвела взглядом убогую комнатку.

— Здесь бы я, наверное, умерла, — проговорила она тихо.

Эрменгарда, как всегда, слушала ее с интересом.

— Когда ты о чем-то рассказываешь, — сказала она, — мне всегда кажется, что это правда. Вот и о Мельхиседеке ты говоришь так, словно он человек.

— Но это правда, — возразила Сара. — Его так же мучают страх и голод, как и нас, у него

есть семья и дети. Может, он и думает так же, как мы, почему знать? Глаза у него умные, совсем как у человека. Потому-то я и дала ему имя.

Она села на пол в своей излюбленной позе, обхватив колени руками.

— К тому же, — сказала она, — Мельхиседек — тюремная крыса, посланная сюда, в Бастилию, чтобы у меня был друг. Я всегда могу принести ему корку хлеба, который выбрасывает кухарка, — ему и довольно.

— Значит, тут все еще Бастилия? — жадно спросила Эрменгарда. — Ты так все время и представляешь себе, что ты в Бастилии?

— Да, почти всегда, — отвечала Сара. — Порой я представляю себе, что я где-то еще, но больше всего этот чердак похож на Бастилию — особенно, когда холодно.

В эту минуту кто-то дважды стукнул в стену. От удивления Эрменгарда чуть не подпрыгнула на кровати.

— Что это? — спросила она с испугом.

Сара поднялась с полу и со значением ответила:

— Это узник из соседней камеры.

— Бекки! — увлеченно воскликнула Эрменгарда.

— Верно, — подтвердила Сара. — Слушай, два стука означают: «Узник, ты здесь?»

В ответ она стукнула в стену три раза.

— А это значит: «Да, я здесь. Все в порядке».

В стену стукнули четыре раза.

— А это: «Тогда, товарищ по несчастью, можно спокойно заснуть. Доброй ночи!»

Эрменгарда пришла в восторг.

— Ах, Сара! — радостно шепнула она. — Это совсем как в сказке!

— Это и есть сказка, — сказала Сара. — Все — сказка! Ты — сказка... я — сказка. Мисс Минчин — тоже сказка.

И она снова уселась и стала болтать с Эрменгардой, так что та совсем забыла, что и она тоже узник — только ей удалось на время покинуть свою темницу. Пришлось Саре напомнить Эрменгарде, что ей нельзя оставаться в Бастилии всю ночь, а нужно бесшумно прокрасться вниз и лечь в постель.

ГЛАВА 10

Индийский джентльмен

Подниматься на чердак к Саре было для Эрменгарды и Лотти небезопасно. Они никогда наперед не знали, застанут ли Сару; к тому же по вечерам мисс Амелия часто обходила

спальни воспитанниц, проверяя, все ли легли. А потому Эрменгарда и Лотти лишь изредка навещали Сару, и та жила в одиночестве.

Спускаясь вниз, Сара чувствовала свое одиночество еще сильнее, чем на чердаке. Ей было не с кем поговорить. Если же ее посылали куда-то, то она шла по улицам среди спешащей толпы, и ветер рвал с нее шляпку, а дождь заливал башмаки, и она еще острее чувствовала свое одиночество. В те дни, когда она была принцессой Сарой и ездила по улицам в коляске или гуляла в сопровождении Мариэтт, прохожие часто оглядывались на девочку с оживленным лицом, одетую в красивую шубку и шляпку. Веселая, нарядная девочка всегда привлекает внимание. На улицах немало детей в старых потертых одеждах, но никто из прохожих не оглядывается на них с улыбкой.

Теперь, когда Сара спешила по запруженным тротуарам, ее словно не замечали. Она выросла, а так как ей приходилось донашивать те платья, что попроще, она понимала, что вид у нее и вправду странный. Все дорогие туалеты были проданы, а то, что осталось, ей предстояло носить, пока вконец не износится. Иногда, завидев свое отражение в зеркальной витрине магазина, она готова была рассмеяться; иногда же заливалась краской и, закусив губу, отворачивалась.

По вечерам, проходя мимо домов с освещенными окнами, Сара развлекалась тем, что заглядывала в них и придумывала разные истории про людей, которые сидели в тепле у камина или вокруг стола. Таким способом она познакомилась уже с несколькими семьями, жившими по соседству с пансионом мисс Минчин. Больше всех ей нравилась семья, которую она называла про себя Большой — не потому, что все ее члены были большого роста, нет, многие из них были совсем малы, но потому, что их было так много. Семья состояла из восьми детей, крепкой румяной матери, крепкого румяного отца, крепкой румяной бабушки и нескольких слуг и служанок. Одних детей нянюшки на прогулку выводили, других — вывозили в детских колясках; порой дети собирались прокатиться в экипаже с матерью или бежали вечером к двери встречать отца. Они целовали его, прыгали вокруг, стаскивали с него пальто, рылись в карманах в поисках пакетиков со сладостями или выглядывали в окна детской, подталкивая друг друга и смеясь, — словом, они всегда были заняты чем-то приятным, как всегда бывает в больших семьях. Сара полюбила их всех; она выбрала для них имена — романтические имена, взятые из книг. Всему семейству она дала фамилию Монтморенси. Толстенная светлокудрая малютка в кружевном чепчике звалась Этельберта Боучели Монтморенси; малютка постарше — Виолетта Чамли Монтморенси; малыш, который только начал ходить и у которого были такие толстые ножки, — Сидни Сесил Монтморенси. За ним шли Лилиана Эвангелина, Мод Мэрион, Розалинда Глэдис, Гай Клэрэнс, Вероника Юстасия и Клод Гарольд Гектор.

Однажды вечером произошел забавный случай, — впрочем, возможно, он был не так уж и забавен.

Старшие дети Монтморенси, судя по всему, собрались на детский праздник; когда Сара проходила мимо их двери, они как раз высыпали из дому, чтобы сесть в ожидавшую их коляску. Вероника Юстасия и Розалинда Глэдис, в белых, подвязанных лентами платьях с прошвами, уже сидели в коляске, а пятилетний Гай Клэрэнс, одетый в матроску, как раз садился в нее. Это был такой милый мальчуган с румяными щечками, голубыми глазами и круглой кудрявой головой, что Сара совершенно забыла и про тяжелую корзинку в руках, и про свое потрепанное пальтишко. Она забыла обо всем — так ей хотелось посмотреть на него. И она остановилась.

Дело было на Рождество, и маленькие Монтморенси слышали рассказы о бедных детях, которые голодают и зябнут и у которых нет ни мамы, ни папы, чтобы положить им в чулок подарки или взять в театр на пантомиму. В этих рассказах добрые люди (а иногда и маленькие мальчики и девочки с нежными сердцами) всегда дарили бедным детям деньги

или щедрые подарки, а не то вели их домой, чтобы накормить вкусным обедом. В тот день Гая Клэренса как раз до слез растрогала такая история (им ее прочитали вслух) — он горел желанием найти такую девочку и подарить ей шестипенсовик, который лежал у него в кармане. Целого шестипенсовика ей хватит, конечно, чтобы прожить в довольстве всю жизнь, — он в этом не сомневался. Шестипенсовик лежал у Гая Клэренса в кармане его коротких штанишек. Он ступил на красную дорожку, положенную на тротуар от подъезда к экипажу. Розалинда Глэдис села в коляску и подпрыгнула на сиденье, чтобы проверить упругость пружин; и в эту минуту он увидел Сару. Держа в руке старую корзинку, Сара стояла на тротуаре в обтрепанном платье и шляпке и жадно смотрела на него.

Гай Клэрэнс решил, что у нее такие глаза потому, что она, должно быть, давно не ела. Откуда ему было знать, что ее мучает не голод, а тоска по доброй и веселой жизни, какой наслаждалось это семейство. Достаточно было взглянуть на румяное личико мальчика, чтобы почувствовать это, — Саре так и хотелось схватить его в объятия и расцеловать. Но Гай Клэрэнс видел только, что глаза у нее большие, а ноги худенькие, что одета она бедно и держит в руках простую корзинку. Он сунул руку в карман, нащупал шестипенсовик и подошел к ней с милостивой улыбкой.

— Вот тебе, бедная девочка, — сказал он. — Возьми этот шестипенсовик. Я тебе его дарю.

Сара вздрогнула. Она вдруг поняла, что выглядит так же, как те бедные дети, которых она видела в свои счастливые дни: они тоже стояли на тротуаре и смотрели, как она выходит из коляски. А она так часто подавала им. Она вспыхнула, потом побледнела: она не могла взять монетку у этого милого мальчика.

— О нет! — воскликнула она. — Благодарю — но я никак не могу взять.

Ее голос бы так непохож на голоса маленьких нищих, а вся манера была исполнена такого благородства, что Вероника Юстасия (которую на самом деле звали Джэнет) и Розалинда Глэдис (которую звали Нора) высунулись из коляски и прислушались.

Однако Гай Клэрэнс не желал принимать отказа. Он сунул монету Саре в руку.

— Нет уж, возьми! — твердо сказал он. — Купи себе что-нибудь поесть. Ведь тут целых шесть пенсов!

Он глядел на Сару с такой прямоотой и участием, что она поняла: если она не возьмет монетку, он огорчится до глубины души. Отказать ему было бы жестоко. И Сара спрятала свою гордость, хоть щеки ее и вспыхнули.

— Спасибо, — сказала она. — Ты такой добрый, такой добрый и милый мальчик!

Гай Клэрэнс весело прыгнул в коляску, а Сара пошла своей дорогой. Она старалась улыбнуться, но в глазах у нее стояли слезы. Конечно, она знала, что вид у нее обтрепанный и неказистый, но до сего дня никто не подавал ей милостыню.

Когда коляска Большой семьи отъехала, дети принялись с жаром обсуждать происшествие.

— Ах, Дональд (так на самом деле звали Гая Клэренса), — с тревогой сказала Джэнет, — зачем ты подал этой девочке милостыньку? Она не нищенка, я убеждена!

— И говорит она совсем не так, — воскликнула Нора. — И лицо у нее совершенно не такое!

— Ведь она не просила милостыни, — продолжала Джэнет. — Я так боялась, что она на тебя рассердится. Знаешь, это неприятно, когда тебя принимают за нищенку!

— Она не рассердилась, — возражал Дональд немного смущенно, но твердо. — Она

улыбнулась и сказала, что я очень добрый. Добрый и милый! Так и сказала. — И он упрямо повторил: — Ведь я ей отдал целый шестипенсовик!

Джэнет и Нора переглянулись.

— Нищенка никогда бы так не сказала, — решила Джэнет. — Она бы сказала: «Спасибо, барчук, спасибо, сэр!» — и, может быть, присела бы.

С этих пор Большая семья стала с таким же интересом наблюдать за Сарой, как и она за ними, хотя Сара об этом не догадывалась. Стоило ей появиться на улице, как из окна детской кто-то выглядывал, а по вечерам, сидя у камина, вся семья говорила о ней.

— Она вроде служанки в пансионе, — сообщила раз Джэнет. — У нее, кажется, никого нет. Она, должно быть, сирота. Только она не нищенка, хоть и одета так плохо.

С тех пор в Большой семье стали называть Сару «девочкой, которая не нищенка»; конечно, это было очень длинное имя, иногда, когда младшие дети произносили его залпом, получалось очень смешно.

А Сара провертела в монетке дырочку и, продев в нее узенькую ленточку, стала носить на шее. Она еще больше полюбила Большую семью — и вообще всех, к кому у нее лежала душа. Ее привязанность к Бекки день ото дня росла; она полюбила и своих маленьких учениц и с удовольствием ждала уроков французского языка, которые давала им дважды в неделю. Маленькие ученицы ее обожали — когда она входила в классную, каждая старалась подойти к ней поближе и взять ее за руку. Сердце у Сары оттаивало, когда они жались к ней.

В конце концов Сара подружилась и с воробьями: стоило ей встать на стол, высунуться в окно и почирикать, как в ответ тотчас раздавался щебет и плеск крылышек; стайка скромных городских птах слеталась на черепичную крышу, чтобы поболтать с ней и поклевать крошек, которые она им кидала. А Мельхиседек проникся к ней таким доверием, что порой приводил с собой миссис Мельхиседек или кого-нибудь из детей. Она с ним беседовала, а он глядел так, словно все понимал.

Зато к Эмили, которая только сидела и молча взирала на все происходящее, Сара теперь испытывала какое-то странное чувство. Оно возникло в минуту отчаяния. Саре хотелось бы верить, что Эмили ее понимает и жалеет; она старалась представить себе, что это так. Ей грустно было бы думать, что ее подруга ничего не чувствует и не слышит. Иногда Сара сажала Эмили в креслице, а сама устраивалась на красной скамеечке напротив и, глядя на нее, выдумывала всякие истории, пока ее не охватывал страх. Особенно страшно бывало ночью, когда вокруг царил тишина, лишь изредка нарушаемая писком или возней родни Мельхиседека. Больше всего Сара любила воображать, что Эмили — добрая колдунья, которая ее защищает. Порой, когда она долго так фантазировала, она приходила в такое волнение, что начинала задавать Эмили вопросы, — ей казалось, что Эмили вот-вот ей ответит. Но Эмили молчала.

«Впрочем, я тоже редко отвечаю, — утешала себя Сара. — Я всегда стараюсь промолчать. Когда тебя оскорбляют, лучше всего не отвечать ни слова, а только смотреть и думать. Мисс Минчин просто бледнеет от ярости, когда я так поступаю, а мисс Амелия и ученицы пугаются. Если не терять самообладания, люди понимают, что ты их сильнее: у тебя хватает силы сдержать свой гнев, а они не могут и говорят всякие глупости, о которых потом жалеют. С гневом ничто не сравнится по силе — кроме самообладания, ведь оно может обуздать гнев. Не отвечать врагам — это хорошо. Я почти никогда не отвечаю. Может, Эмили еще больше на меня похожа, чем я сама. Может, она даже друзьям предпочитает не отвечать. А все хранит у себя в сердце».

Но как ни старалась Сара утешиться, это было нелегко. Когда после целого дня беготни по

городу она возвращалась, промокшая и голодная, домой, а ее опять посылали на холод, под ветер и дождь, ибо никто не хотел помнить, что она всего лишь ребенок, что она продрогла и что ее худенькие ножки устали; когда вместо благодарности ее награждали лишь бранью и презрительными взглядами; когда кухарка была особенно груба и сварлива, а мисс Минчин — не в духе; когда воспитанницы пересмеивались между собой, глядя на ее обтрепанное платье, — тогда Саре не всегда удавалось утешить фантазиями свою израненную, гордую, одинокую душу. А Эмили сидела, выпрямившись в своем креслице, и молча взирала на нее.

Как-то вечером Сара поднялась к себе, голодная и прозябшая после долгого трудного дня. В груди ее бушевала буря — взгляд Эмили показался ей таким пустым, а набитые опилками руки и ноги такими невыразительными, что Сара вышла из себя. У нее не было никого, кроме Эмили, — ни души в целом свете. А Эмили сидела себе и молчала.

— Я скоро умру, — сказала Сара.

Эмили все так же безмятежно взирала на нее.

— Я больше не могу, — произнесла бедная Сара, дрожа всем телом. — Я знаю, что умру. Я иззябла... промокла... я просто погибаю от голода. Сегодня я столько ходила, и никто меня даже не поблагодарил! Все только бранили с утра и до ночи. А вечером я не смогла найти какого-то пустяка, за которым меня посылала кухарка, — и меня оставили без ужина. И какие-то люди засмеялись, когда я поскользнулась и упала в грязь. Я вся в грязи. А они смеялись. Ты слышишь?

Она посмотрела на спокойное лицо и стеклянные глаза Эмили — гнев и отчаяние охватили ее. Она схватила Эмили, швырнула на пол — и разрыдалась. Это Сара, которая никогда не плакала!

— Ты просто кукла! — закричала она. — Просто кукла... кукла... кукла! Тебе все равно. Ты набита опилками! У тебя нет сердца! Ты ничего не чувствуешь! Ты кукла!

Эмили бесславно лежала на полу с заброшенными за голову ногами и отбитым кончиком носа; впрочем, она не потеряла своего спокойствия, даже достоинства. Сара закрыла лицо руками. Крысы за стеной завозились, забегали, запищали: это Мельхиседек наказывал кого-то из детей.

Понемногу Сара перестала плакать. Потерять самообладание — было настолько не похоже на нее, что она удивилась. Она подняла голову и поглядела на Эмили, которая краем глаза тоже смотрела на нее, на этот раз даже как будто с сочувствием. Сара нагнулась и подняла Эмили с пола. Ее охватило раскаяние. Она даже слегка посмеялась над собой.

— Ах, Эмили, ты не виновата, что ты — кукла, — сказала Сара со вздохом. — Джесси с Лавинией не виноваты, что у них нет сердца. Все мы разные. Может, ты даже лучше, чем другие куклы.

Она поцеловала Эмили и, отряхнув ее платье, посадила назад в креслице.

Саре давно хотелось, чтобы кто-нибудь поселился в пустовавшем рядом доме, — ведь соседнее слуховое окно было так близко от нее. Как было бы хорошо, если бы в один прекрасный день окно соседнего чердака распахнулось и оттуда выглянула девочка!

«Если она мне понравится, — размышляла Сара, — я с ней поздороваюсь для начала, а там посмотрим, всякое может случиться. Только, скорее всего, на чердаке поселят служанку».

Однажды утром Сара возвращалась домой после продолжительного отсутствия — она побывала в мясной, бакалейной и булочной. Вдруг она с радостью увидела, что, пока ее не

было, к соседнему дому подъехал фургон. Все дверцы его были распахнуты, носильщики вынимали мебель, тяжелые ящики и вносили в дом.

— В дом въезжают жильцы! — обрадовалась Сара. — Вот замечательно! Ах, вот бы на чердаке поселился кто-то приятный!

Ей так хотелось присоединиться к зевакам, стоявшим на тротуаре и наблюдавшим за носильщиками! Если б она могла посмотреть на мебель новых жильцов, мелькнуло у нее в голове, она бы сумела составить представление о них самих. «У мисс Минчин все столы и стулья похожи на нее, — думала Сара. — Я это тут же заметила, хотя была тогда совсем маленькой. Я потом папочке сказала, а он засмеялся и согласился. А у Большой семьи, я просто уверена, кресла и диваны удобные, мягкие, а обои в красный цветочек. И все у них в доме веселое, теплое, доброе и счастливое, как они сами».

В тот же день Сару послали в зеленую за петрушкой; поднимаясь на улицу из полуподвала, где была расположена кухня, она увидела на тротуаре мебель, вынутую из фургона. Сердце у Сары радостно забило, словно она встретилась со старыми друзьями. На тротуаре стояли красивый тиковый стол, стулья с великолепной резьбой и ширмы с роскошной восточной вышивкой. От этих вещей на Сару повеяло чем-то родным и близким. Такие вещи она видела в Индии. А точно такой же резной столик из тикового дерева папа прислал ей из Индии — только мисс Минчин потом забрала его вместе со всем остальным!

«Какие красивые вещи, — подумала Сара. — Они принадлежат, верно, хорошему человеку. Все такое великолепное. Видно, это богатая семья».

Весь день к дому подъезжали фургоны с мебелью. И Сара, несколько раз выходившая из дому, имела возможность посмотреть на вещи, которые вносили в дом. Она верно догадалась: новые соседи были люди состоятельные. Мебель была богатой и красивой, к тому же у них было немало восточных вещей. Из фургонов вынимали чудесные ковры, украшения, шторы, книги, картины. Книг было столько, что их хватило бы на хорошую библиотеку! И еще там была великолепная статуя Будды.

«Кто-то из этой семьи жил в Индии, — думала Сара. — Они привыкли к индийским вещам и любят их. Как я рада! Я буду знать, что рядом друзья, даже если никто не выглянет из слухового окна».

А когда вечером Сара принесла для кухарки молока (каких только поручений ей не давали!), она увидела что-то еще более интересное. Красивый и румяный мистер Монтморенси перешел площадь и спокойно взбежал по ступенькам, ведущим к парадной двери соседнего дома. Он взбежал как свой человек, которому предстоит множество раз входить и выходить из этого дома. Он пробыл в доме довольно долго, но несколько раз выходил и давал распоряжения носильщикам, словно имел на то право. Было ясно, что он друг людей, снявших дом, и готовит дом к их приезду.

«Если у наших новых соседей есть дети, — размышляла Сара, — то маленькие Монтморенси, наверно, будут приходить к ним играть. Вдруг они когда-нибудь и на чердак поднимутся — просто так, посмотреть...»

Бекки, закончив вечером работу, навестила свою соседку по «камере» и принесла целый ворох новостей.

— В соседнем доме, мисс, будет жить индийский джентльмен, — рассказывала она. — Не знаю, черный он или белый, только он из Индии. Он очень богат и болен, а джентльмен из Большой семьи его поверенный. На индийского джентльмена всякие беды свалились, вот он и загрустил и разболелся. Он идолам поклоняется, мисс. Язычник он, молится камню и дереву. Я своими глазами видала, как ему в дом идола вносили. Пусть бы кто послал ему

молитвенник. Молитвенник можно дешево купить.

Сара засмеялась.

— Вряд ли этот джентльмен поклоняется идолу, — сказала она. — Некоторым нравится держать их в доме, потому что на них интересно смотреть. У моего папы тоже был такой, очень красивый, но он ему не молился.

Однако Бекки предпочла остаться при том мнении, что новый сосед — «язычник». Так он казался ей гораздо интереснее, чем если бы был обыкновенным джентльменом и ходил бы, как все, в церковь с молитвенником в руках. В тот вечер Бекки допоздна засиделась у Сары, рассуждая о том, какими будут новый сосед, его жена (если у него есть жена) и дети (если у него есть дети). Сара заметила, что в глубине души Бекки очень хотелось, чтобы все они были темнокожими, носили тюрбаны, а главное, были «язычниками».

— Я рядом с язычниками, мисс, никогда не жила, — призналась Бекки. — Интересно бы посмотреть, какие они.

Прошло несколько недель, прежде чем Бекки смогла удовлетворить свое любопытство; оказалось, однако, что у нового соседа нет ни жены, ни детей. Он был человек одинокий, без родных и близких, здоровье его было расстроено, а состояние души невеселое.

Однажды к соседнему дому подкатила карета. Когда лакей соскочил с козел и открыл дверцу, из кареты вышел мистер Монтморенси, а за ним — сиделка в форменном платье. Из дома выбежали два лакея и высадили из кареты закутанного в меха худого, как скелет, человека с печальным, измученным лицом. Его внесли в дом, а мистер Монтморенси с озабоченным видом последовал за ним. Вскоре после этого к дому подъехала другая карета — из нее вышел врач и направился к больному.

— Знаешь, Сара, — зашептала Лотти во время французского урока, — рядом с нами теперь живет ужасно желтый джентльмен. Как по-твоему, он китаец? В учебнике географии сказано, что китайцы все желтые.

— Нет, он не китаец, — тоже шепотом ответила Сара. — Он очень болен... Продолжай, Лотти. «Non, monsieur. Je n'ai pas le canif de mon oncle».[9]

Так началась история индийского джентльмена.

ГЛАВА 11

Рам Дасс

Иногда даже над площадью бывали чудесные закаты. Вернее, куски заката, которые можно было увидеть меж трубами над крышей. Из кухни, как ни высовывайся в окошко, их было не видеть; о них можно было лишь догадываться: воздух вдруг на несколько минут розовел, и кирпичи приобретали теплую, мягкую окраску, и где-то огнем вспыхивало оконное стекло. Впрочем, было одно место, откуда открывалось все великолепие закатов: пламенеющие на западе алые и золотые облака, багровые тучи, окаймленные ослепительной полоской света, или легкие, розоватые клочья, которые при ветре неслись, словно голуби, по синему небу. Все это можно было увидеть из слухового окна, а заодно и подышать чистым воздухом. Когда площадь вдруг хорошела и начинала волшебным образом светиться, несмотря на покрытые сажей деревья и решетки, Сара понимала: в небе что-то происходит. Если ей удавалось ускользнуть, она спешила наверх, влезала на стол и, высунувшись по пояс из окна, глубоко

вздыхала и обводила взглядом небо. В эти минуты ей казалось, что небо и все вокруг принадлежит ей одной. С других чердаков никто на небо никогда не глядел. Обычно слуховые окна были закрыты, а если их и открывали для проветривания, то никто к ним даже близко не подходил. Сара стояла, подняв лицо к синему небу, которое, казалось, было совсем близко; порой она обращала взор к западу, где таяли и плыли облака, окрашиваясь в розовые, багровые, снежно-белые и пурпурные тона, образуя то горные вершины, у подножий которых лежали бирюзовые, янтарные и изумрудные озера, то острова в неведомых морях, то стройные перешейки, соединяющие сказочные страны. Были там места, куда, казалось, можно было подняться — стать там и ждать, когда все наконец растает и ты унесешься вдаль. Так, по крайней мере, думалось Саре; в ее глазах ничто не могло сравниться с красотой закатного неба. Она смотрела на него, высунувшись из слухового окна, а воробьи меж тем чирикали на черепицах, освещенных мягкими лучами заходящего солнца. Саре казалось, что воробьи щебетали особенно умиротворенно, когда в небе происходили все эти чудеса.

На следующий день после приезда индийского джентльмена закат был особенно великолепен. К счастью, случилось так, что к вечеру вся работа на кухне была закончена, Сару никуда не послали, и ей удалось ускользнуть на чердак.

Она взобралась на стол и высунулась в окно. Удивительное зрелище открылось ее глазам. Потоки расплавленного золота волнами заливали западную часть небосклона, воздух заполнил шафрановый свет, и птицы, перелетающие над кровлями домов, казались в этом свете черными.

— Сегодня закат волшебный, — тихонько произнесла Сара. — Мне почти страшно... кажется, будто сейчас случится что-нибудь необыкновенное. Волшебные закаты всегда на меня так действуют.

Внезапно она услышала какой-то звук в нескольких шагах от себя — и повернула голову. Звук был странный, будто кто-то тихонько верещал надтреснутым голосом. В соседнем окне, откуда доносился звук, тоже любовались закатом! Только это была не девочка и не служанка, а темнолицый индус с блестящими глазами; на нем была белая одежда, а на голове — белоснежный тюрбан. «Ласкар!» — мелькнуло у Сары в голове. Он держал на руках обезьянку, которая прижималась к нему и что-то по-своему болтала.

Сара взглянула на индуса — а индус взглянул на Сару. Она подумала, что лицо у индуса грустное. «Верно, скучает по дому», — решила Сара. Она не сомневалась, что он поднялся вверх, чтобы взглянуть на солнце, по которому истосковался, — ведь в Англии оно показывается редко.

Сара внимательно посмотрела на индуса, а потом улыбнулась ему. Она знала, что улыбка, пусть даже незнакомого человека, может утешить в горе. Ее улыбка явно обрадовала индуса.

Лицо его просияло, и он улыбнулся в ответ, сверкнув ослепительными зубами. Дружеское участие, светившееся в Сариних глазах, всегда подбадривало людей.

В эту минуту обезьянка выскользнула из рук индуса. Она была проказлива и всегда готова пошалить; возможно, вид девочки взволновал ее. Обезьянка прыгнула на крышу и, с криком пронеслась по черепицам, вскочила Саре на плечо, а оттуда — на чердак. Сара радостно засмеялась. Конечно, она понимала, что обезьянку надо отдать ее хозяину, если хозяином был ласкар. Но как это сделать? Удастся ли ее поймать? А что если она не дастся в руки, выскочит на крышу и убежит? Нет, этого допустить нельзя. Возможно, обезьянка принадлежит бедному больному и он к ней привязан.

Сара обернулась к ласкару, радуясь, что еще немного помнит хинди: она выучила этот язык,

когда жила с отцом в Индии. Ласкар ее поймет.

— Поймать ее? Она мне дастся? — спросила Сара на хинди.

При звуках родного языка лицо индуса изменилось от изумления, а потом радостно вспыхнуло. Бедняге, верно, показалось, что вмешались сами боги — добрый милый голос прозвучал словно с неба. Сара сразу поняла, что ласкар знает, как говорить с детьми европейцев. Он рассыпался в благодарностях. Он покорный слуга мисси сахиб. Обезьянка хорошая и не кусается, но поймать ее, к несчастью, нелегко. Скачет то туда, то сюда с молниеносной быстротой. Проказница, но не злая. Рам Дасс ее знает словно собственного ребенка. Рам Дасса она иногда слушается, но не всегда. Если мисси сахиб позволит, Рам Дасс пройдет по крыше к ее окну, взлезет в комнату и поймает негодницу. Впрочем, он тут же смутился: не сочтет ли Сара это предложение вольностью с его стороны? Не откажет ли ему?

Но Сара тотчас согласилась.

— А вы можете перейти по крыше? — спросила она.

— Сию минуту, — ответил индус.

— Тогда идите, — сказала Сара. — Она там мечется по комнате. По-моему, она испугалась.

Рам Дасс вылез в окно и с такой легкостью прошел по черепицам, будто всю жизнь только тем и занимался, что лазал по крышам. А потом скользнул в Сарино окно и бесшумно спрыгнул на пол. Оказавшись в комнате, он повернулся к Саре и, сложив руки, поклонился. Обезьянка увидела его и тихонько взвизгнула. Рам Дасс поспешил закрыть окно и стал ловить обезьянку. Это оказалось нетрудно. Несколько минут обезьянка, словно играя, шаловливо увертывалась от него, а потом прыгнула к нему на плечо и с криком обхватила его за шею цепкой морщинистой лапкой.

Рам Дасс почтительно поблагодарил Сару. Она видела, что индус с одного взгляда оценил нищету и убогость ее жилища, но делает вид, что их не замечает, и говорит с ней так, словно она дочь сиятельного раджи. Поймав обезьянку, Рам Дасс поспешил уйти. Он задержался только для того, чтобы еще раз выразить Саре глубокую и почтительную благодарность за ее снисходительность и доброту. Эта маленькая негодница обезьянка не такая злая, как кажется, и порой очень забавляет его господина, который болеет. Он бы очень огорчился, если бы его любимица пропала. Затем Рам Дасс снова поклонился, сложив руки, вылез в окно и прошел по крыше с той же легкостью, что и его маленькая подопечная.

После его ухода Сара постояла в раздумье посреди комнаты. Его лицо, манеры, костюм и глубочайшая почтительность напомнили ей о прошлом. Ей показалось странно, что ее, простую служанку, которую какой-нибудь час назад осыпала бранью кухарка, еще не так давно окружали люди, обращавшиеся с ней так же почтительно, как и Рам Дасс. Это были ее слуги, ее рабы. Они кланялись, когда она шла мимо, и чуть ли не касались лбами земли, когда она к ним обращалась. Все это минуло, словно сон, и никогда не вернется. Что может теперь измениться в ее жизни? Она знала, какое будущее готовит ей мисс Минчин. Пока она слишком юна для того, чтобы быть учительницей, она будет служанкой; в то же время от нее будут требовать, чтобы она не забывала того, чему научилась, и даже какими-то неведомыми путями продолжала учиться. Свободные вечера она должна проводить за занятиями; она знала, что с нее строго взыщут, если она не будет продвигаться вперед. Мисс Минчин понимала: Сара так жаждет знаний, что ей не нужны педагоги. Дайте ей книги — она будет глотать их одну за другой и запомнит все наизусть, а через несколько лет станет хорошей учительницей. Вот что ей предстоит: когда она вырастет, она будет так же с утра до ночи трудиться в классной, как сейчас трудилась на кухне. Конечно, придется ее немного приодеть, впрочем, оденут ее в простое и грубое платье, чтобы она в нем выглядела словно

служанка. Вот и все, что ее ждет. Сара стояла посреди комнаты и думала о своем будущем.

Потом в голове у нее снова мелькнула одна мысль — щеки ее вспыхнули, глаза заблестели. Она выпрямилась и вскинула голову.

«Что бы ни случилось, — сказала она про себя, — одного они не смогут у меня отнять. Пусть я хожу в лохмотьях, но в душе я все же принцесса. Легко быть принцессой, если на тебе платье из золотой парчи. А вот попробуй остаться ею в другое время, когда никто и не подозревает о том, что ты принцесса. Мария-Антуанетта оставалась королевой и тогда, когда ей оставили одно черное платье и заточили в тюрьму, когда голова ее побелела, когда ее оскорбляли и звали „вдовушкой“. В это время она была королевой еще больше, чем в те дни, когда ее окружали блеск и веселье. Мне она больше всего нравится именно в это время. Она не дрогнула перед ревущими толпами. Она была их сильнее — пусть даже они отрубили ей голову».

Это была не новая мысль — Сара уже не раз обращалась к ней. Эта мысль поддерживала ее в самые трудные дни, когда на ее лице появлялось выражение, непонятное мисс Минчин, а потому выводящее ее из себя: ей казалось, что в глубине души Сара живет жизнью, которая поднимает ее над остальными. Она словно не слышит брани и оскорблений, а если и слышит, то не обращает на них никакого внимания. Иногда, делая Саре строгий выговор, мисс Минчин замечала, что та смотрит на нее спокойно, не по-детски, с гордой усмешкой в глазах. Мисс Минчин не знала, что в эти минуты Сара про себя говорит: «Вам, мисс Минчин, и в голову не приходит, что вы говорите все это принцессе. Стоит мне только кивнуть — и вас тотчас отправят на эшафот. Я этого не делаю лишь потому, что я принцесса, а вы — жалкая, глупая, злая и грубая женщина, и не умеете быть другой».

Эти фантазии чрезвычайно занимали и развлекали Сару; странно, но они ее утешали, и это было хорошо. Она никогда не отвечала грубостью или злобой на грубость и злобу окружающих.

«Принцессе надо быть вежливой», — говорила она себе. Когда служанки, беря пример с хозяйки дома, бранили ее и оскорбляли, Сара, гордо подняв голову, отвечала им так учтиво, что они совершенно терялись.

— У этой девчонки такие манеры, будто она как сейчас из Букингемского дворца,[10] — с усмешкой говорила иногда кухарка. — Я, бывает, на нее наброшусь, но она никогда себя не забывает. «Пожалуйста» да «простите», «будьте так добры» да «могу я вас потревожить?» — так и сыплет всякими словечками.

На следующее утро после встречи с Рам Дассом и его обезьянкой Сара занималась французским со своими маленькими подопечными. Закончив урок, она собирала тетрадки, размышляя о том, чего только не приходилось делать королям и королевам в изгнании. Альфреду Великому,[11] например, жена пастуха велела напечь лепешек; когда же лепешки подгорели, она отвесила королю оплеуху. Вот, верно, испугалась, когда узнала, кто это был! Хорошо бы мисс Минчин узнала, что Сара — принцесса, настоящая принцесса, хоть и ходит в худых башмаках!.. При этой мысли в глазах у Сары появилось выражение, которое особенно раздражало мисс Минчин. Мисс Минчин, которая как раз стояла рядом, не могла этого стерпеть: она пришла в ярость, подбежала к Саре и надавала ей пощечин — совсем как жена пастуха королю Альфреду. Сара вздрогнула и, пробудившись от своих мечтаний, на миг застыла. От неожиданности у нее перехватило дыхание. Затем, сама не зная почему, она тихонько рассмеялась.

— Чему вы смеетесь, дерзкая, наглая девчонка? — вскричала мисс Минчин.

Сара уже овладела собой, вспомнив, что она принцесса. Щеки у нее пылали от нанесенных ей ударов.

— Я думала, — ответила она.

— Сейчас же просите у меня прощения, — потребовала мисс Минчин.

После минутного колебания Сара ответила:

— Я готова просить у вас прощения за смех, если он вам показался обидным, но не за то, что думала.

— О чем вы думали? — вопрошала мисс Минчин. — Как вы смеее думать? Что вы думали?

Джесси захихикала и толкнула локтем Лавинию. Ученицы подняли глаза от книжек и прислушались. Когда мисс Минчин нападала на Сару, они всегда с интересом слушали. Сара порой так странно отвечала — и совсем не боялась! Она и сейчас не испугалась, хотя щеки ее горели, а глаза сверкали.

— Я думала, — ответила она учтиво и с достоинством, — что вы сами не знаете, что творите.

— Не знаю, что творю? — переспросила мисс Минчин, задыхаясь от гнева.

— Да, — подтвердила Сара. — И еще я думала, что бы случилось, если бы я была принцессой и вы бы ударили меня... как бы я поступила? А потом я подумала, что, будь я принцессой, вы бы никогда не решились меня ударить, что бы я ни сделала и что бы ни сказала. Я подумала, как бы вы удивились и испугались, если бы вдруг узнали...

Сара настолько живо все себе представила и говорила с такой уверенностью, что даже мисс Минчин прислушалась к ее словам. Этой ограниченной, лишенной всякого воображения женщине на миг почудилось, что, если Сара говорит так уверенно, значит, за ней действительно стоит какая-то сила.

— Что узнала? — воскликнула она. — Что?

— ...что я и вправду принцесса и могу поступать, как хочу.

Девочки с изумлением смотрели на Сару. Лавиния всем телом подалась вперед, чтобы не пропустить ни слова.

— Ступайте в свою комнату! — вскричала, задыхаясь, мисс Минчин. — Сию же минуту! Убирайтесь отсюда! Всем остальным заняться своим делом!

Сара слегка поклонилась.

— Извините, что я засмеялась, если вам это показалось невежливым, — произнесла она и вышла, оставив мисс Минчин бороться со своим гневом.

Девочки пригнулись над учебниками и зашептались.

— Нет, ты заметила? Заметила, какой у нее был чудной вид? — зашептала Джесси. — Ты знаешь, я совсем не удивлюсь, если вдруг откроется, что она совсем не та, за кого мы ее принимаем. А вдруг так оно и есть?!

ГЛАВА 12

За стеной

Когда живешь в большом городе, где дома стоят в одном ряду, плотно прилегая друг к другу, интересно бывает размышлять о том, что говорят и делают за стеной тех комнат, в которых ты обитаешь. Сара подчас пыталась представить себе, что кроется за стеной, отделяющей их пансион от дома индийского джентльмена. Это было очень увлекательно! Она знала, что классная примыкала к кабинету индийского джентльмена, и надеялась, что стена между ними достаточно толстая и что шум, который порой поднимается после уроков, его не беспокоит.

— Я уже понемногу к нему привязываюсь, — призналась она Эрменгарде. — Мне бы не хотелось, чтобы его беспокоили. Я уже считаю его своим другом. Иногда такое случается — даже если ты с людьми и словом не перемолвился. Если о них думать, наблюдать их и жалеть, они становятся тебе как родные. Я всегда так волнуюсь, когда доктор навещает его по два раза на день!

— У меня мало родных, — задумчиво сказала Эрменгарда. — И я этому рада. Мне мои родные не нравятся. Обе тетки вечно твердят: «Ах, Боже мой, Эрменгарда! Ты такая толстая! Тебе нельзя есть сладкое!» А дядюшка вечно меня экзаменует. Возьмет и спросит: «Когда Эдвард III вступил на престол?» — или еще что-нибудь.

Сара рассмеялась.

— Те, с кем ты не знакома, вопросов задавать не могут, — сказала она. — Я уверена, что индийский джентльмен все равно не стал бы этого делать. Нет, мне он нравится.

Большую семью она полюбила потому, что все в ней были такие счастливые, а индийского джентльмена — за то, что он несчастлив. Было ясно, что он никак не может оправиться после какой-то тяжелой болезни. На кухне о нем часто судачили — слуги всегда каким-то таинственным образом все знают. Конечно, он не был индийцем; он долго жил в Индии, но был англичанин. Тяжкие испытания выпали на его долю: он чуть было не потерял все состояние и уже решил, что его ждет разорение и позор. Он был так потрясен, что у него сделалось воспаление мозга и он чуть не умер. Здоровье его пострадало, хотя ему повезло и состояние его уцелело. Все его злоключения были связаны с копиями.

— Небось копи-то были алмазные! — сказала кухарка, взглянув искоса на Сару. — Нет уж, я свои сбережения ни в какие копи вкладывать не буду — а пуще всего в алмазные. Уж мы про них наслышаны!

«Он испытал то же, что мой папочка, — подумала Сара. — И заболел, как папочка, — только он не умер».

Сердцем она все больше тянулась к индийскому джентльмену. Когда ее посылали куда-нибудь вечером, она шла с радостью: вдруг шторы в соседнем доме еще не задернули, тогда можно будет заглянуть в его светлую уютную комнату и увидеть своего незнакомого друга. Если на улице никого не было, она иногда останавливалась и, положив руки на железную ограду, желала ему спокойной ночи, словно он мог ее услышать.

«Возможно, люди что-то чувствуют, даже если не слышат, — думала Сара. — Добрые мысли как-то доходят до них, несмотря на закрытые окна и двери. Вот и сейчас я стою здесь на улице и желаю вам здоровья и счастья — и вам и впрямь становится легче, хотя вы и не знаете отчего».

И она прошептала тихо, но со страстью:

— Мне так вас жаль! Хоть бы у вас была «маленькая хозяйюшка», как у моего папочки! Она бы за вами ухаживала, как я за ним, когда у него болела голова! Бедняжка! Я бы согласилась

быть вашей «хозяйюшкой». Спокойной ночи... Спокойной ночи... Храни вас Господь!

И она уходила утешенная — на сердце у нее становилось легче. Такое горячее сострадание не могло, казалось, не дойти до больного, который обычно сидел в халате перед камином и, подперев голову рукой, мрачно смотрел в огонь. Саре казалось, что он горюет не только о прошлом, но и о настоящем.

«У него такой вид, словно его что-то мучает сейчас, — говорила она себе. — Но состояние он не потерял, а от горячки со временем излечится. Его ничто не должно бы тревожить. А между тем что-то есть».

Если и впрямь было что-то, о чем даже слуги не слышали, об этом должен бы знать мистер Монтморенси (так она называла про себя главу Большой семьи). Мистер Монтморенси часто навещал больного; миссис Монтморенси с детьми тоже его навещали, хотя и не так часто. Больной особенно любил двух старших девочек — Джэнет и Нору, тех самых, которые так встревожились, когда маленький Дональд подал Саре милостыню. Дело в том, что индийский джентльмен вообще питал слабость к детям, особенно к маленьким девочкам. Джэнет и Нора тоже его любили и радовались, когда им разрешали нанести ему визит. Во время этих визитов они вели себя смирно и не шумели — ведь он был болен.

«Ему так плохо, — жаловалась Джэнет, — но он говорит, что с нами ему веселее. Мы стараемся его подбодрить».

Джэнет была старшей и следила за остальными детьми. Это она решала, когда можно попросить больного рассказать им про Индию, это она, заметив, что он устал, вводила детей и посылала к нему Рам Дасса. Дети любили Рам Дасса. Уж он бы нарасказал им всяких историй про Индию, если б умел говорить по-английски.

Настоящее имя индийского джентльмена было мистер Кэррисфорд. Джэнет как-то поведала мистеру Кэррисфорду о случае с «бедной девочкой, которая не нищенка». Он очень заинтересовался ею, в особенности после того, как услышал от Рам Дасса о проделке обезьянки. Рам Дасс рассказал своему господину, в какой убогой обстановке живет Сара — голый пол, стены с трещинами, ржавый камин, в котором даже в холодную погоду не было огня, жесткая узкая постель.

Выслушав этот рассказ, мистер Кэррисфорд сказал своему поверенному.

— Хотел бы я знать, Кармайкл, сколько у нас по соседству таких чердаков и сколько несчастных служанок спят, как эта девочка, на таких жестких постелях, в то время как я глаз не могу сомкнуть на своих пуховых подушках. Ах, как меня тяготит мое богатство. Ведь большая его часть принадлежит не мне!

— Дорогой друг, — отвечал бодрым голосом мистер Кармайкл, — чем скорее вы перестанете себя терзать этими мыслями, тем будет лучше для вас. Да обладай вы всеми богатствами обеих Индий,[12] вы не смогли бы всем помочь! Если бы вы даже решили обставить все чердаки по соседству, все равно остались бы чердаки на всех других улицах и площадях. Что тут поделаешь!

Мистер Кэррисфорд помолчал, кусая ногти и глядя на яркий огонь, пылающий в камине.

— Как вы думаете, — наконец медленно произнес он, — неужели та, другая девочка... о которой я всегда думаю... неужели она тоже могла бы дойти до такого же положения, как наша бедная маленькая соседка?

Мистер Кармайкл с тревогой взглянул на него. Он знал, что подобные мысли чрезвычайно опасны для здоровья и рассудка мистера Кэррисфорда.

— Если девочка, учившаяся в пансионе мадам Паскаль в Париже, — та, кого мы ищем, — отвечал он мягко, — то она попала в хорошие руки. Это очень состоятельная русская чета, других детей у них нет. Мадам Паскаль говорит, что они удочерили девочку, потому что та была любимой подругой их дочери, которая умерла.

— И эта глупая женщина даже их адреса не взяла! — вскричал мистер Кэррисфорд.

Мистер Кармайкл пожал плечами.

— Мадам Паскаль, женщина расчетливая и практичная, верно, обрадовалась, что избавилась от девочки, оставшейся после смерти отца без средств к существованию. Такие особы не интересуются будущим детей. А эти богатые русские уехали с девочкой неизвестно куда.

— Но вы говорите: «если» это та девочка, которую мы ищем. «Если»! Мы не можем быть в этом уверены. Да и фамилия не совсем та...

— Мадам Паскаль произносит ее на французский лад, — возможно, дело только в произношении. А все остальное на удивление сходится. Отец девочки — английский офицер, служивший в Индии; после смерти жены он поместил свою осиротевшую дочь в парижский пансион. Он умер скоропостижно, потеряв все свое состояние. — Мистер Кармайкл на минуту задумался, словно в голову ему пришла новая мысль. — А вы уверены, что ребенка отдали в парижский пансион? Именно в парижский?

— Мой дорогой друг, — с горечью воскликнул мистер Кэррисфорд, — я ни в чем не уверен. Я никогда не видел ни этой девочки, ни ее матери. Я очень любил Ральфа Кру, мы вместе учились в школе, но с тех пор не виделись, пока не встретились в Индии. Я был совершенно поглощен своими копиями. Он тоже. Перед нами открывались такие грандиозные перспективы, что мы совсем потеряли головы. Ни о чем другом мы не говорили. Я только знал, что девочку отправили в какой-то пансион. Сейчас я не могу даже вспомнить, откуда я это узнал.

Мистер Кэррисфорд пришел в волнение. Он всегда приходил в волнение, когда вспоминал о горестных событиях прошлого, — воспаление мозга очень его ослабило.

Мистер Кармайкл с тревогой следил за ним. Ему хотелось задать несколько вопросов, но сделать это следовало осторожно, чтобы не разволновать больного еще больше.

— Но у вас есть основания полагать, что девочку отослали именно в Париж?

— Да, — отвечал мистер Кэррисфорд. — Ее мать была француженка, и мне говорили, что она хотела, чтобы девочка получила образование в Париже.

— Да, — согласился мистер Кармайкл, — тогда это более чем вероятно.

Мистер Кэррисфорд подался вперед и с жаром произнес, ударяя по столу исхудавшей рукой:

— Кармайкл, я просто должен ее найти. Если она не умерла, то она живет где-то. Если она осталась без денег и без друзей — это моя вина. Разве я могу выздороветь, когда день и ночь меня гложет мысль об этом ребенке? С копиями все наладилось — они оправдали наши самые фантастические ожидания, а дочка бедного Кру, возможно, побирается на улицах!

— Да нет же, нет, — возразил Кармайкл решительно. — Постарайтесь не волноваться. Утешайте себя тем, что, когда мы ее найдем, вы вручите ей огромное состояние.

— Как я мог пасть духом, когда все решили, что мы не продержимся? — застонал Кэррисфорд в отчаянии. — Я, верно, не потерял бы головы, если бы отвечал лишь за свои деньги. Но на мне лежала ответственность и за чужие вклады. Бедняга Кру вложил в копи все — все до последнего пенни! Он мне доверял — он меня любил. Он умер с мыслью о том, что

я его разорил... я... Том Кэррисфорд, с которым он играл в Итоне[13] в крикет! Каким я был негодяем в его глазах!

— Не упрекайте себя так горько.

— Я упрекаю себя не за то, что наше предприятие чуть не лопнуло, — а за то, что мне не достало мужества. Я бежал, словно вор и мошенник, потому что не смел поглядеть в лицо своему лучшему другу и сказать ему, что я разорил его и его дочь.

Добросердечный Кармайкл положил больному руку на плечо.

— Вы убежали, потому что ваш рассудок не выдержал этих мук и напряжения, — сказал он.

— У вас уже начинался бред. Если б не это, вы бы остались и приняли бой. Всего два дня спустя у вас сделалось воспаление мозга, вы так метались в бреду, что вас пришлось привязать к больничной койке. Вспомните!

Кэррисфорд уронил голову на руки.

— Боже, это правда, — сказал он. — Я сходил с ума от страха. Я не спал неделями. В ту ночь, когда я бежал из дома, мне чудилось, что меня окружают какие-то твари, которые строят гримасы и хохочут надо мной.

— Вот видите, — сказал мистер Кармайкл. — Разве человек на грани воспаления мозга может здраво судить о чем-то?

Но Кэррисфорд покачал головой.

— Когда сознание ко мне возвратилось — бедный Кру уже лежал в могиле. А я ничего не помнил. Прошло немало месяцев, прежде чем я вспомнил о девочке. Но и тогда как-то смутно, словно в тумане. — Он смолк и потер рукой лоб. — Такое бывает со мной и сейчас, когда я пытаюсь что-то припомнить. Но ведь Кру наверняка говорил мне, в какую школу он ее послал. Как вы полагаете?

— Возможно, он и не говорил ничего определенного. Вы даже не знаете имени девочки.

— Он обычно звал ее своей «маленькой хозяйшкой» — странное имя для девочки! Но эти несчастные копи занимали все наши мысли — мы ни о чем больше не говорили. Если он и называл школу, то я забыл... забыл. А теперь уж мне никогда не вспомнить!

— Полноте! — сказал мистер Кармайкл. — Мы еще найдем эту девочку. Будем искать этих добрых русских, о которых нам рассказала мадам Паскаль. Ей помнилось почему-то, что они живут в Москве. Что ж, попробуем искать ее там. Я поеду в Москву.

— Если б у меня были силы, я бы поехал с вами, — сказал Кэррисфорд, — но я могу лишь сидеть, закутанный, перед камином и смотреть в огонь. Мне чудится, что оттуда на меня глядит молодой и веселый Ральф Кру. Он словно вопрошает о чем-то. Иногда я вижу его во сне — он стоит предо мной и задает все тот же вопрос. Вы догадываетесь, о чем он меня спрашивает, Кармайкл?

— Не совсем, — тихо ответил мистер Кармайкл.

— Он говорит: «Том, старина... где же моя маленькая хозяйшка?» — Мистер Кэррисфорд схватил Кармайкла за руку. — Я должен ему ответить! Я должен ответить! — произнес он, не выпуская руки поверенного. — Помогите мне... помогите мне ее найти!

А по другую сторону стены сидела Сара и беседовала с Мельхиседеком, который явился за ужином для себя и своей семьи.

— Нелегко мне было сегодня вести себя, как подобает принцессе, Мельхиседек, — говорила она. — Труднее обычного. Чем на улице холоднее и больше грязи, тем труднее оставаться принцессой. Когда Лавиния увидела мою юбку, забрызганную грязью, и засмеялась, мне так и хотелось ей кое-что сказать — я еле сдержалась. Прикусила язык — и смолчала. Днем было так холодно, Мельхиседек, да и вечер промозглый.

И она опустила голову на руки — она часто так делала, когда оставалась одна.

— Ах, папочка! — шепнула она. — Сколько времени прошло с тех пор, как я была твоей «хозяйюшкой»!..

Вот что происходило в тот день по обе стороны стены.

ГЛАВА 13

Одна из многих

В тот год зима выдалась холодная. Порой, когда Сару посылали куда-нибудь, ей приходилось идти по снегу; а порой снег таял и смешивался с грязью — и это было еще хуже; порой же стоял такой густой туман, что фонари на улицах горели весь день, и Лондон казался Саре таким же, как несколько лет назад, когда она ехала с отцом в школу мисс Минчин. В такие дни окна в доме Большой семьи сияли так заманчиво и уютно, а из кабинета индийского джентльмена падал такой яркий и теплый свет. Теперь уже Сара не смотрела на закаты и восходы; даже звезды, как ей казалось, показывались редко. Над городом низко нависли тучи; они были того же цвета, что и грязь на улицах, и из них то и дело хлестал дождь. Даже если не было тумана, в четыре часа уже темнело. Поднимаясь за чем-нибудь на чердак, Саре приходилось зажигать свечку. Кухарка и служанки ходили мрачные, ко всему придирались и то и дело срывали зло на Бекки.

— Не будь вас, мисс, — как-то, чихая, сказала Бекки, поднявшись к Саре на чердак, — не будь вас в соседней камере, я бы просто умерла. Здесь теперь самая настоящая тюрьма, правда? Хозяйка — ну вылитый тюремщик! На поясе у нее, как вы говорили, огромные ключи. Да и кухарка — точь-в-точь тюремщик. Расскажите мне еще что-нибудь, мисс... Расскажите мне про подкоп, который мы прорыли под стеной.

— Нет, я тебе расскажу что-нибудь потеплее, — отвечала Сара, дрожа. — Принеси свое покрывало и завернись в него, а я завернусь в свое, сядем рядышком на кровать, и я расскажу тебе про тропический лес, где прежде жила обезьянка индийского джентльмена. Когда я вижу, как она сидит у окошка и так печально глядит на улицу, я всегда знаю, что она вспоминает тропический лес, где качалась на кокосовых пальмах. Интересно, кто ее поймал и остались ли у нее в лесу детки, которым она приносила орехи?

— Мне уже теплее, мисс, — произнесла с благодарностью Бекки. — Знаете, иногда даже Бастилия кажется мне не такой холодной, когда вы про нее рассказываете.

— Это потому, что ты тогда отвлекаешься, — отвечала Сара, натягивая покрывало по самые уши. — Я это давно заметила. Когда нам плохо физически, надо заставить себя думать о чем-то другом.

— А вы так можете, мисс? — спросила Бекки, глядя с восхищением на Сару.

Сара на мгновение задумалась.

— Иногда могу, а иногда нет, — призналась она. — Если получается, тогда все хорошо. И знаешь, что я тебе скажу? Если бы мы побольше практиковались, у нас бы всегда получалось. В последнее время я много практиковалась, и мне уже теперь отвлекаться легче, чем раньше. Когда все плохо... очень плохо... я изо всех сил вспоминаю, что я принцесса. Я себе говорю: «Я принцесса, я сказочная принцесса, и потому никто меня не может обидеть и ничто — огорчить». — Она засмеялась и прибавила: — Ты даже не знаешь, как это помогает отвлекаться...

Саре нередко приходилось заставлять себя думать о чем-то другом; еще чаще ей приходилось напоминать себе, что она принцесса. Особенно трудно это было в один ненастный день, который, как она полагала, запомнится ей навсегда.

Несколько дней кряду беспрерывно лил дождь; на улицах стоял липкий промозглый туман; было холодно и скользко; под ногами расплзлась грязь, липкая лондонская грязь, а над ней нависла пелена из тумана и мелкого дождя. Разумеется, Сару несколько раз посылали куда-то особенно далеко — это всегда случалось в такие дни. Снова и снова выходила она под дождь, так что в конце концов совсем промокла. Старые перья на ее нелепой шляпке повисли и казались еще нелепее, а стоптанные башмаки до того пропитались влагой, что вода хлюпала и вытекала из них через край. Вдобавок ко всему Сара в тот день осталась без обеда, потому что мисс Минчин решила ее наказать. Сара так устала и промерзла, что лицо у нее посинело; прохожие глядели на нее с состраданием. Но она этого не замечала. Она спешила по улицам, стараясь думать о чем-нибудь другом. Это было очень важно. Из последних сил она пыталась что-то «вообразить». Только на этот раз это было гораздо труднее, чем раньше; раз или два ей даже показалось, что стало еще холоднее. Но она не сдавалась. Жидкая грязь заливала ее рваные башмаки, а ветер словно старался сорвать с нее тонкую накидку, но она беззвучно шептала, не шевеля губами, говорила сама себе:

— Предположим, что одежда на мне сухая. Предположим, что на мне прочные ботинки, длинное толстое пальто и шерстяные чулки. И зонтик. И еще предположим... предположим, что, проходя мимо булочной, где продают горячие булки, я вдруг нахожу шесть пенсов — и чьи они, неизвестно. Тогда я захожу в булочную, покупаю шесть горячих булочек и съедаю их одну за другой.

Странные вещи происходят иногда.

Во всяком случае, с Сарой случилась странная история.

Она как раз собиралась перейти улицу. Грязь была ужасная, ей приходилось чуть ли не брести по ней вброд. Сара изо всех сил старалась найти переход получше, да все напрасно, пробираясь по булыжникам, она смотрела себе под ноги, и вдруг, уже совсем было ступив на тротуар, она заметила, что у края тротуара что-то блестит. Это была серебряная монетка, маленькая серебряная монетка — прохожие затоптали ее в грязь, но она все еще немного поблескивала. Правда, это была монетка не в шесть, а в четыре пенса.

В тот же миг Сара схватила ее посиневшей рукой.

— Ах! — вскричала она. — Это правда! Правда!

И, подняв глаза, посмотрела на лавку, которая была прямо перед ней. Поверите ли, это оказалась булочная! Толстая, приветливая, румяная булочница в эту минуту как раз ставила в витрину поднос с дивными, горячими — только что из печи! — булочками. Большими, пышными, блестящими булочками с коринками![14]

У Сары закружилась голова — от удивления, от вида булочек и от чудесного запаха теплого хлеба, который доносился из подвального окна булочной.

Сара знала, что может смело взять монетку. Она уже долго лежала в грязи, и потерявший давно скрылся. За день здесь прошло столько людей!

«Но, может, ее потеряла хозяйка булочной? Надо спросить», — прошептала про себя Сара.

Она подошла к булочной, занесла было ногу на ступеньку — и остановилась.

Она увидела небольшую фигурку в лохмотьях, из-под которых виднелись маленькие красные от холода ноги, покрытые грязью. Из лохмотьев выглядывала копна спутанных волос и грязное личико с большими, запавшими от голода глазами. Девочка пыталась прикрыть ноги своим рваным платьем, но оно было слишком коротко; вид у нее был еще более несчастный и заброшенный, чем у Сары.

Сара сразу поняла, что девочка голодна, — ей стало ее жаль.

«Вот, — подумала она, — одна из многих. Она хочет есть больше, чем я».

Девочка взглянула на Сару и слегка отодвинулась, чтобы дать ей пройти. Она привыкла всем давать дорогу и знала, что, если ее увидит полицейский, он велит ей: «Проходи, не задерживайся!»

Сара зажала в руке монетку и на мгновение замешкалась. Потом спросила:

— Ты голодна?

Девочка в лохмотьях прижалась к стене.

— А то нет? — отвечала она хрипло. — Еще как!

— Разве ты не обедала? — сказала Сара.

— Не обедала. — И она еще теснее прижалась к стене. — И не завтракала... и не ужинала. Вообще ничего не ела.

— С каких пор?

— Не знаю. Сегодня не ела ничего... Уж я просила, просила, но никто не подал.

От одного вида этой девочки Саре стало не по себе, она еще острее почувствовала голод. Но хотя на сердце у нее было тяжело, странные мысли проносились в ее голове.

«Если я принцесса, — думала Сара, — если я принцесса... Когда принцесс лишали всего и изгоняли из дворца, они всегда делились... с бедняками... если встречали кого-то, кто был еще беднее и голоднее их. Принцессы всегда делились. Булочка стоит пенс. Если бы я нашла шестипенсовик, я бы съела шесть булочек. Нам обеим не наесться. Но все же лучше так, чем ничего».

— Подожди минутку, — сказала она нищенке.

И вошла в булочную. Там было тепло и вкусно пахло. Хозяйка как раз собиралась выставить в витрину еще один поднос с горячими булочками.

— Простите, — сказала Сара, — не вы ли потеряли четыре пенса? Серебряную монету в четыре пенса?

И она протянула хозяйке эту жалкую монетку.

Хозяйка взглянула на монету, а потом на Сару — на ее сосредоточенное лицо и вымокшую

потрепанную одежду, которая, однако, была сшита из хорошей ткани.

— Нет-нет, — сказала она. — Вы ее нашли?

— Да, — ответила Сара. — У тротуара.

— Оставьте ее себе, — сказала хозяйка. — Может, она там уже целую неделю лежала. Бог знает, кто ее потерял. Теперь уж его не найти.

— Я знаю, — согласилась Сара, — но я решила на всякий случай спросить вас...

— Редко кто так бы поступил, — заметила хозяйка, глядя на Сару с недоумением и интересом. — Хотите что-то купить? — прибавила она, увидав, что Сара поглядывает на булочки.

— Да, дайте мне, пожалуйста, четыре булочки, — сказала Сара. — Вон те, что по пенни за штуку.

Хозяйка подошла к витрине и положила булочки в бумажный пакет.

Сара заметила, что она кладет не четыре, а шесть булочек.

— Простите, я просила четыре, — сказала она. — У меня всего четыре пенса.

— А я прибавлю две для ровного веса, — произнесла сердечная хозяйка. — Вы, может, их скушаете как-нибудь. Вы ведь, верно, проголодались?

Перед глазами у Сары поплыл туман.

— Да, — ответила она. — Я очень проголодалась, и я вам очень признательна за вашу доброту. А...

Она собиралась сказать: «А возле булочной сидит девочка, которая проголодалась еще больше, чем я».

Но в эту минуту в булочную вошло несколько покупателей, и все они очень спешили, так что Сара только поблагодарила еще раз хозяйку и вышла.

Девочка все еще сидела, скорчившись в уголке возле входа. В своих мокрых и грязных лохмотьях она выглядела ужасно. Она тупо, страдальчески глядела прямо перед собой, и Сара заметила, что она смахивает загрубевшей черной рукой слезы, внезапно выступившие у нее из глаз. Она что-то бормотала про себя.

Сара открыла пакет и вынула из него горячую булочку. Ее собственные заочковевшие пальцы уже немного согрелись от пакета с булочками, который она держала в руках.

— Смотри-ка, — окликнула девочку Сара и положила булочку ей на колени, — вот булочка, она горячая и вкусная. Съешь, и тебе будет легче.

Бедная нищенка испуганно посмотрела снизу вверх на Сару, словно не веря собственным глазам; потом вдруг схватила булочку и стала жадно запихивать ее себе в рот.

— Господи! Господи! — твердила она хрипло. — Неужели?!

Сара вынула еще три булочки и положила их девочке на колени.

«Она голоднее меня, — сказала она про себя. — Она просто умирает с голоду».

Но рука ее задрожала, когда она клала четвертую булочку.

«Я же не умираю», — сказала себе Сара и положила пятую булочку.

Маленькая лондонская дикарка хватала и жадно жевала; она так изголодалась, что даже не поблагодарила Сару, когда та повернулась, чтобы уйти. Ведь ее не учили манерам. Это был просто бедный маленький зверек.

— Прощай, — молвила Сара.

Перейдя улицу, она оглянулась. Держа в каждой руке по булочке, девочка вдруг перестала жевать и посмотрела на нее. Сара кивнула ей — девочка устремила на нее недоумевающий взгляд, а потом дернула в ответ лохматой головой. Она долго смотрела вслед Саре, пока та не скрылась из виду.

В эту минуту хозяйка подошла к окну булочной.

— Господи, помилуй! — вскричала она. — Да эта девочка отдала булочки нищенке! А ведь сама была так голодна. Хотела бы я знать, почему она это сделала!

Хозяйка в раздумье постояла у окна. Любопытство ее одолело. Она подошла к двери и заговорила с нищенкой.

— Кто тебе дал эти булочки?

Девочка кивнула в сторону уходящей фигурки.

— А что она сказала? — спросила хозяйка.

— Спросила, хочу ли я есть, — отвечала девочка хрипло.

— А ты что ответила?

— «Еще как!»

— Тогда она вошла, купила булочки и дала тебе, да?

Девочка кивнула.

— Сколько ж она тебе дала?

— Пять.

Хозяйка задумалась.

— Себе оставила всего одну, — проговорила она тихо. — А могла бы все шесть съесть — я по глазам видала.

Она поглядела на мелькавшую вдали маленькую фигурку в изношенном мокром платье. Странное беспокойство овладело ею.

— Как жаль, что она так быстро ушла, — сказала хозяйка. — Я бы ей целую дюжину булочек дала, клянусь Богом!

Она повернулась к нищенке.

— Ты еще голодна? — спросила она.

— Я всегда голодна, — ответила та, — только теперь не так сильно.

— Зайди ко мне, — сказала хозяйка и открыла дверь булочной.

Девочка встала и нерешительно вошла. Ее приглашали в теплую лавку, полную хлеба! Нет, это было невероятно. Она не знала, что сейчас будет, но ей было все равно.

— Садись, погрейся, — сказала хозяйка, указав на огонь, пылавший в камине в задней комнате. — Слушай! Когда будешь голодна, ты всегда можешь прийти сюда и попросить ломоть хлеба. Клянусь Богом, я тебе всегда его дам — ради той девочки, что здесь была.

Последняя булочка немного утешила Сару. Все лучше, чем ничего, к тому же булочка была, по крайней мере, горячая. Сара на ходу отламывала от нее по кусочку и медленно жевала, чтобы подольше продлить удовольствие.

«Что, если эта булочка волшебная, — говорила она про себя, — и каждый кусочек это целый обед. Так я, пожалуй, объежусь».

Уже совсем стемнело, когда Сара добралась наконец до площади, где находился пансион для благородных девиц. В домах уже горели огни. В окнах комнаты, где ей нередко удавалось увидеть членов Большой семьи, еще не спустили шторы. Обычно в это время дня джентльмен, которого Сара называла про себя мистером Монтморенси, располагался в большом кресле, а вокруг теснились дети — кто сидел у него на коленях, кто мостился на ручках кресла, кто стоял, прислонясь к его плечу, и все они болтали и смеялись. Но на этот раз, хотя все были в комнате, мистер Монтморенси в кресле не сидел. В комнате царил суматоха. Мистер Монтморенси, судя по всему, собирался в дорогу. У подъезда стояла карета с привязанным сзади вместительным чемоданом. Дети теснились вокруг отца, болтали и жались к нему. Мать стояла рядом и что-то говорила, словно задавала мужу последние вопросы. Сара постояла перед окном, наблюдая, как мистер Монтморенси поднимал и целовал малышек, а потом нагнулся и расцеловал старших детей.

«Интересно, надолго ли он едет, — думала Сара. — Чемодан вместительный. Ах, как они будут без него скучать! Мне тоже будет без него скучно — хоть он и не подозревает о моем существовании».

Когда дверь отворилась, Сара, вспомнив о поданной ей монете, отошла в сторону. Ей было видно, что мистер Монтморенси вышел из дверей и остановился со старшими детьми на пороге. Теплый свет, падавший из холла, освещал всю группу.

— А в Москве теперь снег? — спросила девочка по имени Джэнет. — И все заледенело?

— Ты будешь ездить на дрожках? — спросил еще кто-то из детей. — А царя ты увидишь?

— Я буду вам писать обо всем, что увижу, — отвечал мистер Монтморенси со смехом. — Пришлю вам открытки с изображением мужиков и всего прочего. Ну, а теперь бегите в дом. Вечер ужасно сырой. Я бы охотнее остался с вами, чем ехать в Москву. До свиданья! До свиданья, голубчики! Да хранит вас Господь!

И он сбежал по ступенькам и прыгнул в карету.

— Если найдешь девочку, передай ей от нас привет, — закричал Гай Клэрэнс и запрыгал на коврике у порога.

А потом они вошли в дом и закрыли за собой дверь.

— Нора, ты видела «девочку, которая не нищая»? — спросила Джэнет, когда все вернулись в дом. — Она была такая замерзшая! Я заметила, что она стоит и смотрит на нас. Мама говорит, что платье ей, верно, отдал кто-то богатый, но оно уже совсем износилось. Ее вечно куда-то посылают в такую ужасную погоду! И даже по вечерам!

Сара перешла на другую сторону сквера и, дрожа от холода и усталости, подошла к пансиону.

«О какой это девочке они говорили? — думала она. — Кого он ищет?»

Она спустилась по ступенькам, ведущим в кухню, прижимая к себе корзинку, которая казалась ей такой тяжелой. А мистер Монтморенси спешил в это время к поезду, который должен был отвезти его в Москву, где он собирался искать пропавшую дочку капитана Кру.

ГЛАВА 14

Что видел и слышал Мельхиседек

В тот же день, пока Сары не было дома, на чердаке происходило что-то странное. Один лишь Мельхиседек все видел и слышал, но он так перепугался, что поскорей убежал в свою норку и притаился там, дрожа от страха, и лишь иногда выглядывал украдкой. Ему было любопытно узнать, что же происходит.

Когда рано утром Сара ушла, на чердаке стало тихо, только дождь мерно стучал по крыше и оконному стеклу. Мельхиседек совсем заскучал; но когда дождь перестал и воцарилась полная тишина, он решил выйти на разведку, хотя опыт ему и подсказывал, что Сара еще не скоро вернется. Он побегал по чердаку, обнюхивая все уголки, и нашел корочку, непонятно как сохранившуюся от его последнего ужина, как вдруг на крыше раздался какой-то шум. Он замер и с бьющимся сердцем прислушался. Шаги! Вот они приближаются... они уже у окна! Окно тихо отворилось. В комнату заглянул темнолицый человек; за ним виднелся другой. Два человека молча стояли на крыше, осторожно и с интересом приглядываясь. Они явно собирались влезть в комнату через окно. Один из них был Рам Дасс, а второй, молодой, служил у индийского джентльмена секретарем; но Мельхиседек, конечно, этого не знал. Он знал только, что эти двое нарушили тишину и уединение чердака. Когда же темнолицый легко и бесшумно спрыгнул на пол, Мельхиседек повернул и со всех ног бросился в норку. Бедняга перепугался насмерть. Сары он давно не боялся: он знал, что если она что и кидает, то только крошки, и никогда не кричит, а лишь тихонько, призывно свистит. Но незнакомые мужчины... нет, это было опасно. Мельхиседек притаился в норке, у самого входа, с тревогой поглядывая в щель. Не берусь вам сказать, много ли он понял из разговора, который услышал; но даже если бы он все понял, то остался бы в том же недоумении.

Секретарь, молодой и ловкий, неслышно спрыгнул вслед за Рам Дассом на пол — он успел увидеть кончик хвоста убегающего Мельхиседека.

— Там крыса? — спросил он шепотом Рам Дасса.

— Да, крыса, сахиб, — тоже шепотом отвечал Рам Дасс. — Их тут много.

Молодой человек содрогнулся.

— Как это девочка их не боится! — воскликнул секретарь.

Рам Дасс развел руками и почтительно улыбнулся. Он выступал в роли человека, хорошо знающего Сару, хотя видел ее всего один раз.

— Эта девочка всех тварей любит, сахиб, — отвечал он. — Она не похожа на других детей. Я ее вижу, когда она меня не видит. По ночам я часто пробираюсь по крыше, чтобы посмотреть, здорова ли она. Из своего окна я за ней слежу, когда она о том и не подозревает. Она

залезает на стол и смотрит в окно на небо, словно небо ей что-то говорит. Воробьи слетаются на ее зов. В своем одиночестве она приручила эту крысу. К ней за утешением приходит юная рабыня, что живет в этом доме. Ее тайком навещает маленькая девочка; а другая, постарше, ее боготворит и готова слушать ее рассказы часами. Все это я видел, когда тайком пробирался к ее окну. Но хозяйка этого дома — злая женщина, она обращается с девочкой как с парией, хотя та держится так, словно в ее жилах течет королевская кровь!

— Ты, как я погляжу, много знаешь об этой девочке, — заметил секретарь.

— Я знаю каждый день ее жизни, — отвечал Рам Дасс. — Я знаю, когда она уходит и когда возвращается; ее печаль и ее скромные радости; холод и голод, которые ее мучают. Я знаю, как она сидит по ночам над книгами; знаю, как ее тайные друзья прокрадываются к ней и она веселеет, как веселеют дети даже в тисках нищеты, потому что она может поболтать с ними и втихомолку посмеяться. Если б она заболела, я бы узнал об этом и, если бы только это было возможно, тотчас пришел ей на помощь.

— Ты уверен, что сюда, кроме нее, никто не заходит? А сама она не вернется? Если она вдруг нас здесь застанет, она перепугается, и план Кэррисфорда-сахиба расстроится.

Рам Дасс неслышно подошел к двери и встал возле нее.

— Сюда никто не подымается, сахиб, — сказал он. — Она ушла с корзиной и долго еще не вернется. Если я стану здесь, я услышу шаги, как только она начнет подыматься с последней площадки.

Секретарь вынул из нагрудного кармана карандаш и блокнот.

— Смотри же, не пропусти, — распорядился он. И начал медленно и беззвучно обходить жалкую каморку, что-то быстро записывая в блокноте.

Сначала он подошел к узенькой кровати, пощупал рукой матрас и вскрикнул от удивления.

— Жесткий, как камень! Нужно заменить его как-нибудь, когда ее не будет дома. Придется это сделать в другой день. Сегодня не успеть.

Он приподнял покрывало и взглянул на плоскую подушку.

— Покрывало выцветшее и старое, одеяло тонкое, простыни все в заплатках, — сказал он. — Каково ребенку спать в такой постели? А еще называют свой дом уважаемым! Камин, верно, целую вечность не топили, — прибавил он, взглянув на ржавую решетку.

— С тех пор, как я здесь, — отвечал Рам Дасс, — не топили ни разу. Хозяйка здесь не из тех, кто думает о других.

Секретарь быстро писал в блокноте. Оторвал листок, спрятал его в нагрудный карман и поднял глаза.

— Станный мы выбрали путь, — сказал он. — Чей это план?

Рам Дасс склонил в знак извинения голову.

— Должен признать, что сначала он пришел в голову мне, — сказал он, — хотя сперва это была всего лишь мечта. Я люблю эту девочку; оба мы одиноки. Она нередко фантазирует вслух, когда ее навещают тайком друзья. Как-то вечером мне было грустно, я лежал возле раскрытого окна и прислушивался. Она говорила о том, какой уютной могла бы стать эта комната, если б ее как следует обставить. Она словно видела все, о чем говорила, и постепенно ободрилась и созрела. Это была ее фантазия, но на следующий день, когда

сахиб плохо себя чувствовал и грустил, я рассказал ему об этом, чтобы его развлечь. Тогда это была просто мечта, но сахибу она понравилась. Он заинтересовался девочкой и стал меня расспрашивать. Ему приятно было слушать о том, что она делает. Наконец он начал с удовольствием размышлять о том, как превратить ее фантазии в реальность.

— Ты думаешь, это можно сделать, пока она спит? — спросил секретарь. — А вдруг она проснется?

Очевидно, план увлек молодого секретаря не менее, чем мистера Кэррисфорда.

— Я могу ступать так, словно подошвы у меня из бархата, — отвечал Рам Дасс, — а дети, даже когда они несчастны, спят крепко. Я мог бы не один раз за ночь зайти в эту комнату — и она бы даже не пошевелилась. Если кто-то будет подавать мне вещи в окно, я сделаю все, пока она спит. А утром проснется — и решит, что здесь побывал волшебник.

Он улыбнулся, словно сердце радостно забилося у него в груди; секретарь ответил ему улыбкой.

— Это будет походить на сказку из «Тысячи и одной ночи», — сказал он. — Такое мог придумать только тот, кто родился на Востоке. Тут нет ничего общего с лондонскими туманами.

Рам Дасс и секретарь вскоре удалились — к превеликой радости Мельхиседека, которому их тихие речи казались не очень понятными, а потому зловещими. Молодого секретаря все занимало: камин, пол, шаткая скамеечка, столик, стены, которые он даже потрогал рукой. Обнаружив, что в стену кое-где вбиты гвозди, он явно обрадовался.

— На них можно будет что-то повесить, — сказал он Рам Дассу.

Тот загадочно улыбнулся.

— Вчера, пока ее не было, — отвечал он, — я влез сюда, захватив с собой небольшие острые гвозди, которые входят в стену без молотка. Я их повсюду, где нужно, натыкал. Они готовы.

Наконец секретарь обвел глазами комнату и спрятал блокнот в карман.

— Что ж, я, кажется, все записал, — сказал он. — Можно идти. У Кэррисфорда-сахиба доброе сердце. Как жаль, что он не может найти пропавшую девочку!

— Если б он нашел ее, силы вернулись бы к нему, — заметил Рам Дасс. — Возможно, его Бог еще поможет ему найти эту девочку.

Затем секретарь и Рам Дасс выскользнули в окно так же бесшумно, как проникли в него. Убедившись, что они ушли, Мельхиседек облегченно вздохнул и, рискнув через несколько минут вылезти из норки, забегал по полу в надежде на то, что даже такие страшили, как эти двое, могли принести несколько корочек и бросить одну-другую на пол.

ГЛАВА 15

Волшебство

Проходя мимо соседнего дома, Сара увидела, что Рам Дасс закрывает ставни в знакомую ей комнату.

«Давно я не была в приятной комнате, — подумалось ей. — Только смотрю на них в окно».

В комнате индийского джентльмена, как всегда, горел огонь, а сам он сидел перед камином, опустив голову на руку. Вид у него был грустный и задумчивый.

«Бедняжка! — подумала Сара. — Интересно, о чем он думает».

Вот о чем думал в эту минуту индийский джентльмен.

«Предположим... предположим... — проносилось у него в голове, — что Кармайклу удастся найти этих людей в Москве. Но ведь девочка, которую они забрали из пансиона мадам Паскаль в Париже, легко может оказаться не той, кого мы ищем. Что тогда?»

Войдя в школу, Сара встретила мисс Минчин, которая спустилась вниз, чтобы выбрать кухарку.

— Что это вы пропадали столько времени? — сказала она Саре. — Давно пора было вернуться.

— На улице так грязно и мокро, — отвечала Сара. — Мне было трудно идти, ботинки у меня худые и все время скользят.

— Можете не оправдываться, — сказала мисс Минчин, — все равно никто вам не поверит.

Сара прошла на кухню. Кухарку только что разбранили, и потому она была в отвратительном настроении. Она обрадовалась, что может на ком-то сорвать досаду:

Сара явилась как раз вовремя.

— Наконец-то! — набросилась она на Сару. — Я думала, вы всю ночь прогуляете!

— Вот покупки, — сказала Сара, выкладывая их на стол.

Кухарка внимательно все осмотрела, бормоча что-то про себя.

— Можно мне поесть? — спросила Сара слабым голосом.

— Чай давно уже отпили, — отрезала кухарка. — Нешто я буду вас поджидать?

Сара помолчала.

— Я сегодня не обедала, — тихо сказала она наконец.

Она говорила тихо, ибо боялась, как бы голос ее не задрожал.

— В кладовке есть хлеб, — сказала кухарка. — В такой час нечего рассчитывать на что-нибудь другое.

Сара пошла в кладовую и нашла хлеб. Он был сухой и черствый. Кухарка до того разозлилась, что больше ничего ей не дала. Срывать зло на Саре было самое простое и безопасное дело. Сара с трудом поднялась по трем — таким длинным! — пролетам лестницы, ведущей на чердак. Когда Сара уставала за день, лестница казалась ей такой крутой и бесконечной! Ей чудилось, что сегодня она ни за что не дойдет доверху. Несколько раз она останавливалась передохнуть. Дойдя до последней площадки, она с радостью увидела перед своей дверью полосу света. Значит, Эрменгарде удалось пробраться к ней! Это ее немного утешило: присутствие толстушки Эрменгарды, закутанной в красную шаль, немного согреет ее. Так неприятно входить в пустую комнату!

Да, Сара не ошиблась. Открыв дверь, она увидела Эрменгарду: та сидела на кровати, подобрав под себя для безопасности ноги. Она так и не смогла привыкнуть к Мельхиседеку и его семье, хотя следила за ними с неотступным вниманием. Однако, оставаясь одна на чердаке, Эрменгарда всегда устраивалась на кровати в ожидании, когда вернется Сара. В этот вечер она ужасно перепугалась, потому что Мельхиседек вылез из норки и так и шнырял вокруг, а потом вдруг встал на задние лапки и, глядя на нее, принялся. Эрменгарда только тихонько вскрикнула.

— Ах, Сара, до чего я рада, что ты вернулась! — воскликнула она. — Мельхи все тут обнюхал. Я пыталась его уговорить, чтобы он вернулся в норку, но он — ни в какую! Ты знаешь, я к нему хорошо отношусь, только не люблю, когда он меня обнюхивает. А вдруг он на меня прыгнет, как ты думаешь?

— Не прыгнет, — отвечала Сара.

Эрменгарда пододвинулась поближе и взглянула на Сару.

— Ты, видно, очень устала, — сказала она. — Ты такая бледная.

— Да, я устала, — согласилась Сара, опускаясь на скамеечку. — А вот и Мельхиседек, бедняжка, — пришел за своим ужином.

Мельхиседек и впрямь вылез из своей норки, словно слышав ее шаги. Сара не сомневалась, что он их узнаёт. Он смотрел на Сару с любовью и ждал, но Сара сунула руку в карман и вывернула его наизнанку, качая головой.

— Прости, Мельхиседек, — сказала она. — У меня ни крошки не осталось. Ступай домой и скажи жене, что мой карман пуст. Боюсь, что я про тебя забыла, потому что кухарка и мисс Минчин так на меня напустились!

Мельхиседек как будто понял ее слова и покорно отправился восвояси.

— Сегодня я тебя, Эрми, не ждала, — сказала Сара.

Эрменгарда потуже закуталась в красную шаль.

— Мисс Амелия ушла к своей старой тетке и останется у нее ночевать, — объяснила Эрменгарда. — А кроме нее, никто к нам в спальни не заходит. Я могу здесь хоть до утра оставаться, если захочу.

И с грустью прибавила, кивнув на стол, стоявший под окном:

— Сара, папа прислал мне еще книг. Вот они.

Сара вскочила и подбежала к столу. Схватив том, лежащий сверху, она стала быстро его просматривать.

— Ах, как чудесно! — воскликнула она. — «Французская революция» Карлайля!^[15] Я так хотела ее почитать.

— А я не хотела, — сказала Эрменгарда. — Но если я ее не прочитаю, папа рассердится. Он думает, я все запомню, и будет со мной ее обсуждать. Что мне делать?

Сара положила книгу и поглядела на Эрменгарду; от волнения щеки ее вспыхнули.

— Послушай, — проговорила она, — если ты дашь мне ненадолго эти книги, я их прочитаю... и все тебе потом расскажу... так расскажу, что ты все запомнишь.

— Правда?! — вскричала Эрменгарда. — Ты думаешь, тебе это удастся?

— Конечно, — ответила Сара. — Малыши помнят все, что я им рассказываю.

— Сара, — сказала Эрменгарда, и лицо ее озарилось надеждой, — если ты это сделаешь, я... я тебе что угодно отдам.

— Мне ничего не нужно, — сказала Сара. — Мне нужны только твои книги. Твои книги!

Глаза ее широко раскрылись, грудь вздымалась.

— Так возьми их, — сказала Эрменгарда. — Я бы рада была их читать, но не могу. Я глупая, а папа — умный, ему хочется, чтобы я поумнела.

Сара раскрывала одну книгу за другой.

— А что ты скажешь отцу? — спросила она с сомнением.

— Ничего не скажу, — отвечала Эрменгарда. — Пусть думает, что я их прочитала.

Сара положила книгу и медленно покачала головой.

— Это будет похоже на ложь, — сказала она. — А лгать, ты ведь знаешь, нехорошо и к тому же это так низко!

И она задумчиво прибавила:

— Иногда я думаю: я могу совершить злой поступок, приду вдруг в ярость, когда мисс Минчин меня обидит, и убью ее... но сделать что-то низкое я не смогу... А почему бы тебе не сказать отцу, что книги прочла я?

— Он хочет, чтобы я их читала, — отвечала Эрменгарда, несколько растерявшись от такого неожиданного поворота.

— Он хочет, чтобы ты знала, что в них, — сказала Сара. — И если я тебе их расскажу так, что ты все легко запомнишь, он, по-моему, обрадуется.

— Он обрадуется, если я хоть что-то выучу, а как я это сделаю — неважно, — с грустью отвечала Эрменгарда. — Ты бы на его месте тоже обрадовалась.

— Ты же не виновата, что... — начала Сара, но тут же опомнилась и остановилась. Она чуть было не сказала: «Ты же не виновата, что ты такая глупая».

— Что? — переспросила Эрменгарда.

— ...что тебе трудно учиться, — сказала Сара. — Тебе ученье не дается, а мне дается легко — вот и все.

Она всегда относилась к Эрменгарде с нежностью и старалась, чтобы та не очень замечала разницу между ними. Сара посмотрела на ее круглое лицо, и в голову ей пришла неожиданная мысль, мудрая не по годам.

— Знаешь, — сказала она, — может быть, хорошие способности еще не все. Гораздо важнее быть доброй. Если бы мисс Минчин знала все-все на свете, но оставалась бы такой же, как сейчас, она все равно вызывала бы отвращение и всеобщую ненависть. Умные люди часто делали много зла. Скажем, Робеспьер...

Она остановилась и поглядела на Эрменгарду, на лице которой появилось какое-то

растерянное выражение.

— Разве ты не помнишь? — спросила Сара. — Я тебе недавно о нем рассказывала. Ты забыла?..

— Знаешь, я не все про него помню, — призналась Эрменгарда.

— погоди минутку, — сказала Сара, — я только переоденусь, а то я вся промокла. А потом завернусь в покрывало и все тебе опять расскажу.

Она сняла с себя шляпку и жакет и повесила их на гвоздь в стене, стащила мокрые башмаки и нашла старые туфли. А потом прыгнула на кровать и, завернувшись в покрывало, уселась, обхватив руками колени.

— Ну, слушай, — сказала она.

И она стала рассказывать о кровавых событиях Французской революции, да так живо, что глаза у Эрменгарды округлились от страха, а сердце учащенно забилося. Несмотря на свой ужас, она слушала Сару с восторгом; теперь уж она никогда не забудет, кем был Робеспьер или принцесса Ламбаль.

— Знаешь, они насадили ее голову на пику и плясали вокруг нее! — воскликнула Сара. — У нее были чудесные светлые волосы, такие длинные и пышные. Когда я о ней думаю, я никогда не вижу ее живой, а всегда вижу ее голову с развевающимися волосами на пике, а вокруг пляшут и кричат эти ужасные люди!

Девочки решили рассказать о своем плане мистеру Сент-Джону, а пока пусть книги останутся на чердаке.

— Ну а теперь рассказывай, — сказала Сара. — Как у тебя идет французский?

— Гораздо лучше с тех пор, как ты мне объяснила спряжения. На следующее утро я так хорошо отвечала, что мисс Минчин даже удивилась.

Сара рассмеялась и крепче обхватила руками колени.

— Она и на Лотти дивится — как это она не делает ошибок в арифметике, — сказала она. — А дело в том, что она приходит ко мне, и я ей помогаю.

Она окинула свою унылую комнату взглядом.

— А знаешь, мой чердак мог бы быть очень уютным, — воскликнула она со смехом, — если б только не был таким безобразным! Здесь хорошо мечтается.

Сказать по правде, Эрменгарда ничего не знала о том, как тяжело живет теперь Сара; ей не хватало воображения, чтобы представить это самой. В те редкие вечера, когда ей удавалось пробраться к Саре, она с восторгом слушала ее рассказы и сказки, а об остальном и не задумывалась. Эти встречи казались Эрменгарде настоящими приключениями; и хотя иногда Сара бывала бледна и, несомненно, очень похудела, гордость не позволяла ей жаловаться. Она никогда не признавалась, что порой, как это было сегодня, ее мучит голод. Сара быстро росла; много ходила и бегала; даже если б она ела хорошо и регулярно, у нее все равно был бы завидный аппетит, теперь же ей приходилось довольствоваться скудной и безвкусной едой, которую давала ей, когда заблагорассудится, кухарка. Сара уже привыкла к тому, что у нее вечно сосет под ложечкой от голода.

«Должно быть, солдаты чувствуют себя так же во время долгого и утомительного перехода», — нередко говорила она себе. Ей нравилось думать о «долгом и утомительном переходе».

Она чувствовала себя чуть ли не солдатом.

А еще ей нравилось чувствовать себя хозяйкой у себя на чердаке.

«Если б я жила в замке, — думала она, — а Эрменгарда была бы владелицей другого замка, она приехала бы ко мне в гости с развевающимися знаменами. Заслышав звуки рога у подъемного моста, я бы спустилась ей навстречу, велела бы приготовить в зале роскошное угощение и пригласила бы музыкантов, чтобы развлечь ее музыкой и пением. Когда она приходит ко мне на чердак, я не могу задать ей пира, я могу только рассказывать ей занятные истории и скрывать свои неприятности. Так, верно, поступали бедные владелицы замков, когда их земли были истощены войной и грабежами».

Гордая и мужественная владелица замка, Сара щедро дарила единственное, чем обладала, — свои мечты и фантазии, которые были ей радостью и утешением.

Они сидели друг против друга на кровати; Эрменгарда и не подозревала, что Сара страшно устала и боится, что, оставшись одна, не сможет заснуть от голода. Саре казалось, что никогда раньше ей так не хотелось есть.

— Как бы я хотела быть такой же тоненькой, как ты, Сара, — вдруг сказала Эрменгарда. — По-моему, ты еще похудела за последнее время. Глаза у тебя теперь стали такие огромные. Посмотри, какой у тебя острый локоть!

Сара одернула поднявшийся рукав.

— Я всегда была худой, — бодро сказала она, — а глаза у меня всегда были большие, да к тому же зеленые.

— Мне твои глаза нравятся, они такие необычные, — призналась Эрменгарда, глядя на подругу с любовью и восхищением. — Они как будто всегда смотрят вдаль. Мне они ужасно нравятся. Мне ужасно нравится, что они у тебя зеленые, хотя они почти всегда кажутся черными.

— У меня глаза кошачьи, — сказала Сара со смехом, — но в темноте я не вижу. Я пробовала, но у меня ничего не вышло. А жаль!

В эту минуту возле слухового окна мелькнула какая-то тень, но ни Сара, ни Эрменгарда ее не заметили. Если б они обернулись и взглянули в окно, они бы удивились, увидев, что в комнату осторожно заглянуло темное лицо, — заглянуло и тотчас бесшумно исчезло. Впрочем, не вовсе бесшумно. Сара, у которой был острый слух, вдруг повернула голову и посмотрела на крышу.

— Что это? — сказала она. — На Мельхиседека не похоже, коготков не слышно.

— О чем ты? — удивилась Эрменгарда.

— Ты ничего не слышала? — спросила Сара.

— Н-нет... А ты слышала?

— Может быть, я ошиблась, — сказала Сара, — но мне послышался какой-то шум на крыше, словно по ней что-то тихо волокли.

— Что бы это могло быть? — сказала Эрменгарда. — Уж не воры ли?

— Нет, — бодро произнесла Сара. — Здесь нечего красть...

Но она не успела договорить. Теперь обе услышали шум, только не на крыше, а на лестнице внизу. Оттуда доносился разгневанный голос мисс Минчин. Сара спрыгнула с кровати и задула свечу.

— Она Бекки ругает, — прошептала она в темноте. — До слез ее довела.

— А вдруг она сюда придет? — в ужасе шепнула Эрменгарда.

— Не придет. Она думает, что я сплю. Не шевелись.

Мисс Минчин очень редко поднималась по лестнице до самого верха. Сара помнила только один такой случай. Но теперь мисс Минчин пришла в такую ярость, что шла наверх, преследуя бедную Бекки.

— Наглая, бессовестная девчонка! — кричала она. — Кухарка мне сказала, что это уже не в первый раз!

— Это не я, сударыня, — с плачем оправдывалась Бекки. — Я очень была голодна, но только я этого не делала!

— Тюрьма по тебе плачет, — говорила мисс Минчин. — Это же воровство! Нет, вы только подумайте, полпирога утащить!

— Это не я, — рыдала Бекки. — Я бы целый пирог могла съесть, но только я его пальцем не трогала.

Мисс Минчин задыхалась — от гнева и оттого, что ей пришлось подняться по лестнице. Пирог был с мясом, и она собиралась поужинать им в одиночку. Раздался звук пощечины.

— Это тебе, чтоб не лгала, — произнесла мисс Минчин. — А теперь убирайся к себе!

Сара и Эрменгарда слышали, что мисс Минчин ударила Бекки, а потом они услышали, как Бекки, шаркая стоптанными башмаками, побежала к себе на чердак. Они слышали, как захлопнулась ее дверь, как она упала ничком на кровать. Слышно было, как она плачет в подушку:

— Я бы два пирога могла съесть, только не трогала я его... не трогала. Кухарка скормила его своему полицейскому.

Сара стояла в темноте посреди комнаты. Стиснув зубы, она сжимала и разжимала пальцы. Ей так и хотелось выбежать из комнаты, но она не смела пошевелиться — пусть мисс Минчин спустится вниз и все успокоится.

— Какая она злая, какая жестокая! — не выдержала Сара. — Кухарка все что хочет берет, а потом сваливает на Бекки. Но это неправда, неправда! Бекки иногда бывает такая голодная, что ест корки из мусорного ведра!

Закрыв лицо руками, Сара разразилась рыданиями. Эрменгарда пришла в ужас. Такого она никогда не видела! Сара... плачет! Мужественная Сара! Это было что-то до того неожиданное, до того непонятное доброй, но недалекой Эрменгарде. Неужели... неужели... Тут в ее душу закралось неожиданное опасение. В темноте она слезла с кровати и ощупью добралась до стола, на котором стояла свеча. Запалив свечу, Эрменгарда нагнулась и взгляделась в Сару. Опасение превратилось в ужасающую уверенность.

— Сара, — спросила Эрменгарда робко и чуть ли не с ужасом в голосе, — ты... ты мне никогда не говорила... я не хочу быть назойливой, но... ты иногда бываешь голодна?

Это была последняя капля. Больше Сара не могла притворяться. Она отняла руки от лица.

— Да, — отвечала она со страстью. — Да, бываю! Вот сейчас я так голодна, что готова тебя съесть. А когда я слышу бедную Бекки, мне становится еще хуже. Ведь ей еще больше, чем мне, есть хочется.

Эрменгарда открыла рот от ужаса.

— А я-то, — произнесла она горестно, — я-то и не подозревала!

— Я не хотела, чтобы ты знала, — сказала Сара. — Я бы тогда была словно уличная попрошайка. Я знаю, что похожа на уличную попрошайку.

— Вовсе нет! — закричала Эрменгарда. — Вовсе нет! Конечно, платье у тебя немного странное — но на уличную попрошайку ты совсем непохожа. У тебя лицо совершенно другое.

— Мне один маленький мальчик подал однажды монетку, — сказала Сара и невольно засмеялась. — Вот она.

И она вытащила тонкую ленточку, которая висела у нее на шее.

— Он бы мне ее не подал, если бы не решил, что я в ней нуждаюсь. Значит, у меня такой вид!

Монетка словно утешила их. Они немного посмеялись, хотя у обеих в глазах стояли слезы.

— А что это за мальчик? — спросила Эрменгарда, глядя на монетку, словно это был не обыкновенный шестипенсовик, а что-то совершенно поразительное.

— Милый такой малыш, он как раз шел в гости, — сказала Сара. — Он из Большой семьи, знаешь, такой маленький с толстыми ножками, — я его еще Гаем Клэренсом зову. У него, верно, в детской было полным-полно рождественских подарков, корзин с пирогами и всяких вкусностей, а у меня ничего не было, и он это понял.

При этих словах Эрменгарда вдруг подскочила на месте. В ее встревоженном сознании всплыла какая-то мысль.

— Ах, Сара! — вдохновенно вскричала она. — Как глупо, что я об этом не подумала!

— О чем?

— Нет, это чудесно! — отвечала Эрменгарда с волнением. — Как раз сегодня тетушка прислала мне посылку. В ней столько всего вкусного! Я еще ничего не трогала, я за обедом пудинга переела и так волновалась из-за этих книг. — Она торопилась все сказать побыстрее и едва договаривала слова. — Там сладкий пирог, пирожки с мясом, булочки, тартинки,^[16] апельсины, а еще смородинная настойка, инжир и шоколад. Я тихонько сбегая в свою комнату и вмиг все принесу.

Сара чуть не потеряла сознание. Когда от голода кружится голова, даже простое упоминание о пище производит такое странное действие. Она схватила Эрменгарду за руку.

— Ты думаешь... тебе удастся? — вскричала она.

— Конечно, — отвечала Эрменгарда.

Она подбежала к двери... осторожно приоткрыла ее... высунула голову и прислушалась.

— Свет потушен, — сказала она, подходя к Саре. — Все спят. Я пойду тихо-тихо, никто не

услышит.

Это было так замечательно, что они обнялись, — глаза у Сары заблестели.

— Эрми! — воскликнула она. — Давай представим себе, что у нас званый вечер! А... ты пригласишь узницу из соседней камеры?

— Да! Да! Давай постучим сейчас же в стену. Тюремщик не услышит.

Сара подошла к стене. Бекки все еще тихо плакала у себя в комнатке. Сара постучала в стену четыре раза.

— Это значит, — пояснила она, — «Иди ко мне через тайный проход под стеной. Мне нужно тебе кое-что сказать».

Бекки стукнула в ответ пять раз.

— Идет, — сказала Сара.

Через секунду дверь отворилась и Бекки вошла в комнату. Глаза у нее были заплаканы, чепчик сбился набок. Увидев Эрменгарду, она растерялась и принялась тереть лицо фартуком.

— Не бойся меня, Бекки! — воскликнула Эрменгарда.

— Мисс Эрменгарда приглашает тебя на вечер, — сказала Сара. — Она сейчас принесет сюда кое-что очень приятное.

Бекки так разволновалась, что чепец чуть не свалился у нее с головы.

— Это съестное, мисс? — спросила она. — Приятное на вкус?

— Да, — отвечала Сара, — и мы представим себе, что у нас званый вечер.

— Еды будет вволю, — вставила Эрменгарда. — Я сию минуту вернусь!

Она так заторопилась, что, выбегая из комнаты, уронила свою красную шаль. Никто этого не заметил. Бекки не помнила себя от радости.

— Ах, мисс! Мисс! — шептала она. — Я знаю, это вы попросили ее пригласить меня. Я... я прямо заплачу сейчас.

Она подошла к Саре и остановилась, глядя на нее с обожанием.

В глазах у Сары вспыхнул знакомый огонек — воображение заработало. Черная ночь за окном, чердак и холод и грязь на улицах, по которым она только что брела, воспоминание о маленькой попрошайке с голодными глазами — все вдруг преобразилось, словно по волшебству. Это было так чудесно, так весело! Она даже вскрикнула от радости.

— Когда доходишь до самого края, — сказала она, — тебя всегда что-то спасает в последнюю минуту. Словно какое-то волшебство. Я должна это запомнить. Самое плохое никогда не случается!

Она весело тряхнула Бекки.

— Ну хватит, не плачь, — сказала она. — Надо поскорее накрыть на стол.

— Накрыть на стол, мисс? — спросила Бекки, оглядываясь. — А что на него постелить?

Сара обвела глазами чердак.

— Да, вроде бы нечего, — сказала она, усмехаясь. И вдруг увидала на полу красную шаль Эрменгарды.

— Ах нет, шалью! — вскричала она. — Я знаю, Эрменгарда не рассердится. Это будет такая чудесная красная скатерть!

Они выдвинули старый стол на середину комнаты и накрыли его шалью. Красный цвет — такой теплый и нарядный. Комната словно ожила.

— Вот бы еще красный ковер на пол, — воскликнула Сара. — Давай представим себе, что он лежит здесь.

И она окинула голые доски пола восторженным взглядом. Ковер уже лежал на полу.

— Какой он толстый и мягкий! — сказала Сара и тихонько засмеялась знакомым Бекки смехом. Она подняла ногу и осторожно попробовала что-то, лежащее на полу.

— Да, мисс, — отвечала Бекки сосредоточенно и серьезно. Она всегда относилась серьезно к Сариным фантазиям.

— Что же еще? — сказала Сара, останавливаясь и закрывая глаза руками. — Если я подумаю и подожду, что-нибудь придет мне в голову. — И призывно шепнула: — Волшебство мне подскажет.

Сара любила фантазировать и была уверена, что мысли только и ждут, чтобы их «позвали» (так она это называла). Бекки не раз видела, как она стоит и ждет, закрыв глаза руками, а потом вдруг отнимет руки и поглядит на нее просветленным смеющимся взглядом.

Так случилось и сейчас.

— Есть! — воскликнула Сара. — Вот оно! Знаю! Надо поискать в старом сундуке, что остался у меня от тех лет, когда я была принцессой.

Она бросилась в угол и опустилась на колени. Когда-то сундук поставили на чердак — не для Сары, а просто потому, что внизу для него не было места. В сундуке хранилась всякая рухлядь. Впрочем, Сара не сомневалась: что-нибудь она там найдет! Воображение никогда ее не подводило.

В уголке сундука лежал небольшой сверток, такой скромный с виду, что никто не обращал на него внимания; Сара его сохранила. В свертке была дюжина носовых платков, Сара с радостью схватила их и подбежала к столу. Что-то чуть слышно приговаривая, она разложила их на красной скатерти так, чтобы они легли кружевной обшивкой к краю стола, и приладила ладошкой. Воображение продолжало свою работу.

— Это тарелки, — говорила Сара. — Они золотые. А это роскошно расшитые салфетки. Их вышивали монахини в испанских монастырях.

— Неужели, мисс? — прошептала, воспаряя, Бекки.

— Нужно только себе все представить. Если хорошенько представить, то все и увидишь!

— Понимаю, мисс, — сказала Бекки.

Сара отошла к сундуку, а Бекки попыталась осуществить это предложение. Ей так хотелось увидеть все, о чем говорила Сара!

Случайно оглянувшись, Сара с изумлением посмотрела на Бекки. Та стояла возле стола и строила, зажмурившись, какие-то странные гримасы. Руки ее были опущены и плотно прижаты к бокам. Казалось, она пытается поднять огромную тяжесть.

— Что с тобой, Бекки? — воскликнула Сара. — Что ты делаешь?

Бекки вздрогнула и открыла глаза.

— Я... старалась... «переставить», мисс, — отвечала она застенчиво. — Я хотела все увидеть, как вы. И уже почти увидела. — И она с надеждой улыбнулась. — Только на это надо много силы.

— Должно быть, это с непривычки, — утешила ее Сара. — А попрактикуешься, будет легко. Вот увидишь! А пока я буду просто тебе все описывать. Вот смотри!

И она подняла старую украшенную цветами шляпу, которую выудила с самого дна сундука.

— Вот цветы, чтобы украсить стол, — сказала Сара и оторвала со шляпы гирлянду цветов. — Чувствуешь, как они пахнут? Дай-ка мне кружку с умывальника, Бекки. И захвати мыльницу — мы ее поставим посредине.

Бекки почтительно подала ей кружку и мыльницу.

— А что это будет, мисс? — спросила она. — Кажись, они из глины... только я знаю, что это не так.

— Это резной кувшин, — отвечала Сара, обвивая гирляндой кружку. — А это, — и она с нежностью склонилась над мыльницей и положила в нее несколько роз, — это чаша из чистейшего алебастра, украшенная драгоценными камнями.

Она легонько касалась вещей руками — на губах у нее играла счастливая улыбка; казалось, она говорит как во сне.

— Ох, до чего красиво! — прошептала Бекки.

— Надо еще что-нибудь для конфет, — задумчиво проговорила Сара. — А-а, знаю! — И она снова подбежала к сундуку. — Вспомнила! Я видела там кое-что...

Это был всего лишь моток шерсти, завернутый в тонкую красную с белыми полосами бумагу. Сара вмиг свернула из бумаги тарелочки для конфет и поставила их на стол вместе с подсвечником, обвитым оставшимися цветами.

Потом отступила на шаг и окинула стол взглядом. В ее глазах это был уже не старый стол, накрытый красной шалью, на котором была разложена всякая рухлядь из старого сундука, а нечто совсем иное, нечто чудесное. Бекки, полюбовавшись на украшения, сказала, обводя чердак взволнованным взглядом:

— Здесь все еще Бастилия, мисс, или... или уже что-то другое?

— Конечно другое! — ответила Сара. — Совсем, совсем другое! Теперь это пиршественная зала.

— Ах, батюшки! — охнула Бекки. — Шерстяная зала!

И с еще большим изумлением оглядела окружающее ее великолепие.

— Пиршественная зала, — поправила ее Сара. — Большая такая комната, где устраивают пиры. В ней сводчатый потолок и галерея для музыкантов, и огромный камин, в котором

пылают дубовые поленья. Ее ярко освещают восковые свечи — они сияют повсюду.

— Ах, батюшки, мисс Сара! — снова воскликнула Бекки.

В эту минуту дверь отворилась и в комнату с тяжелой корзиной в руках вошла Эрменгарда. При виде накрытого красной скатертью стола, украшенного цветами и белыми салфетками, она радостно вскрикнула. Войти с темной лестницы в такую комнату было очень приятно. Это было просто великолепно!

— Ах, Сара! — вскричала Эрменгарда. — Ты самая умная из всех девочек, которых я знаю!

— Правда, красиво? — откликнулась Сара. — Эти вещи я взяла из своего сундука. Это мне Волшебство подсказало, где искать.

— Погодите, мисс Эрменгарда, — воскликнула Бекки, — пусть она вам расскажет, что это такое. Ведь это не просто так... ах, мисс, — и она повернулась к Саре, — скажите!

И Сара рассказала, да так, что Эрменгарда все увидела: и золотые тарелки... и зал со сводами... и пылающие в камине поленья... и сияющие свечи. А потом из корзинки появились пироги с глазурью, фрукты, конфеты и смородиновая настойка. Пир обещал быть на славу!

— Это настоящий званый ужин! — воскликнула Эрменгарда.

— Королевский! — прошептала Бекки.

Вдруг Эрменгарду осенило.

— А знаешь что, Сара, — сказала она. — Представь себе, что ты принцесса и задаешь нам пир.

— Нет, это ты задаешь нам пир, — возразила Сара, — и принцессой должна быть ты, а мы будем твоими фрейлинами.

— Я не сумею, — не соглашалась Эрменгарда, — и потом, я такая толстая. Нет, принцессой должна быть ты.

— Ну хорошо, если ты так хочешь, — уступила Сара.

Внезапно ей в голову пришла какая-то мысль — она подбежала к камину.

— Здесь столько бумаги и всякого хлама, — воскликнула она. — Если его поджечь, он вспыхнет и погорит хоть несколько минут. А мы представим себе, что в нем все время горит настоящий огонь.

Она чиркнула спичкой и подожгла бумагу — яркое пламя осветило всю комнату.

— Когда он потухнет, — сказала Сара, — нам уже будет все равно, настоящий он или нет.

Она стояла, освещенная пляшущими языками пламени, и улыбалась.

— Правда, все совсем как настоящее? — произнесла она наконец. — А теперь можно начинать.

Сара двинулась к столу, величественным жестом пригласив Эрменгарду и Бекки следовать за ней. Видение полностью овладело ею.

— Прекрасные дамы, прошу вас занять места, — говорила она счастливым мечтательным голосом. — Отправляясь в дальнюю дорогу, король, мой достопочтенный родитель, наказал

мне пригласить вас на ужин.

Она повернула голову и глянула в угол комнаты.

— Сюда, музыканты! Играйте на своих виолах и трубах! У принцесс, — торопливо пояснила она Эрменгарде и Бекки, — на пирах всегда играли музыканты. Представьте себе, что в том углу — галерея для музыкантов. Что ж, начнем!

Но только принцесса и фрейлины взяли по куску пирога и собрались поднести их ко рту, как вдруг вскочили, прислушались и побледнели.

Кто-то поднимался по лестнице. Нет, им это не пригрезилось! Они узнали тяжелую гневную поступь и поняли, что это конец.

— Это... хозяйка! — задыхаясь, прошептала Бекки и уронила на пол кусок пирога.

— Да, — поразилась Сара. Глаза ее широко открылись — такие огромные на маленьком бледном личике. — Она узнала про нас!

Одним ударом руки мисс Минчин распахнула дверь. Она тоже была бледна — только от ярости. Она окинула взглядом испуганные лица девочек, пиршественный стол и догоравшую в камине бумагу.

— Я подозревала, что здесь что-то творится, — вскричала она, — но такой дерзости я не ожидала. Лавиния была права!

Значит, это Лавиния догадалась об их тайне и выдала их. Мисс Минчин шагнула к Бекки и отвесила ей вторую пощечину.

— Наглая девчонка! — прошептала она. — Чтобы утром тебя здесь не было!

Сара не двигалась, лишь еще больше побледнела; глаза у нее еще больше расширились. Эрменгарда разразилась слезами.

— Ах, не прогоняйте ее, — всхлипывала она. — Это мне тетушка прислала корзинку. Мы... просто... устроили ужин.

— Вижу, — отвечала мисс Минчин уничтожающе. — А во главе стола, конечно, сидела принцесса Сара.

Обернувшись к Саре, она гневно воскликнула:

— Это все ваша затея, я знаю! Эрменгарде такое и в голову бы не пришло. И вы же, конечно, украсили стол... этим хламом. — И, топнув ногой, приказала Бекки: — Ступай к себе в комнату!

Бекки, закрыв лицо фартуком, скользнула в дверь, сотрясаясь от рыданий.

Мисс Минчин снова обернулась к Саре:

— А вами я займусь завтра. Вы у меня завтра останетесь без завтрака, без обеда и без ужина!

— Я и сегодня не обедала и не ужинала, — слабо возразила Сара.

— Тем лучше! В другой раз будете вести себя прилично. Что вы стоите? Сложите все в корзинку.

И мисс Минчин принялась сама бросать все в корзинку. Вдруг она заметила новые книги, присланные Эрменгарде.

— Эрменгарда, как вы могли принести свои чудесные новые книжки на этот грязный чердак?! Заберите их и отправляйтесь в постель. Вы останетесь завтра в постели весь день — а я напишу вашему отцу. Что бы он сказал, если бы знал, где вы провели сегодняшний вечер?

Заметив серьезный сосредоточенный взгляд Сары, она снова гневно обернулась к ней:

— О чем это вы задумались? Почему вы на меня так смотрите?

— Я думала, — ответила Сара, как когда-то в памятный день в классной комнате.

— О чем это вы думали?

Это и вправду походило на давнюю сцену в классной. Сара и теперь говорила не дерзко, а спокойно и грустно.

— Я думала о том, — проговорила она тихо, — что бы сказал мой папа, если бы знал, где я была сегодня вечером.

Мисс Минчин снова пришла в ярость и снова не стала себя сдерживать. Она бросилась к Саре и, схватив ее за плечи, изо всех сил потрянула.

— Дерзкая, непослушная девчонка! — вскричала она. — Да как вы смеете?! Как вы смеете?!

Она схватила книги, смела со стола в корзину остатки великолепного угощения, сунула корзину Эрменгарде и вытолкнула ее за дверь.

— А теперь можете думать сколько вам будет угодно, — сказала она. — Сию же минуту в постель!

И она захлопнула дверь за собой и за бедной спотыкающейся Эрменгардой. Сара осталась одна.

Прекрасный сон кончился. В камине погасла последняя искра, остался один лишь пепел; стол опустел; золотые тарелки и роскошно вышитые салфетки и гирлянды снова стали старым хламом и рассыпались по полу; музыканты исчезли, виолы и трубы смолкли. Лишь Эмили сидела, глядя прямо перед собой. Сара подошла и подняла ее дрожащими руками.

— От званого ужина ничего не осталось, Эмили, — сказала она. — Гости ушли, и принцессы уж больше нет. Остались лишь узники в Бастилии.

Она села и закрыла лицо руками. Не знаю, что бы случилось, если бы она в тот миг глянула в окно. Возможно, эта глава кончилась бы совсем по-другому. Взгляни она в окно, она бы очень удивилась. Она увидела бы то самое темное лицо, которое заглядывало в комнату раньше, когда она говорила с Эрменгардой.

Но Сара не поднимала глаз. Долго сидела она, обхватив руками голову. Она всегда так сидела, когда ей было худо. А потом встала и медленно подошла к постели.

— Ничего хорошего я больше не увижу... пока не засну, — сказала она. — Даже и пытаться нечего. Может, если засну, увижу во сне что-нибудь.

Она вдруг почувствовала такую слабость — должно быть, от голода, — что в изнеможении опустилась на кровать.

— Вот если бы в камине горел яркий огонь и язычки пламени так и плясали, — прошептала

она, — а перед камином стояло удобное кресло... а возле него — столик с горячим... горячим ужином. А еще... — и она натянула на себя жиденькое одеяло... — постель была бы такая мягкая... с пушистыми одеялами и большими пуховыми подушками. Вот если бы... если бы...

Тут ее окончательно сморила усталость, глаза у нее закрылись, и она уснула.

Сара не знала, как долго она спала. Но за день она так устала, что сон ее был крепок. Ничто не могло его нарушить; вздумай даже Мельхиседек выйти из норы со всеми своими чадами и домочадцами и устроить на полу гонки и шумные игры, она бы все равно не открыла глаз.

Проснулась она внезапно. Она не знала, что ее разбудило; что-то щелкнуло, хотя она этого и не слышала. Это щелкнуло окно, захлопнувшееся за быстрой фигурой в белом, которая выскользнула на крышу и притаилась тут же на черепицах, откуда можно было незаметно наблюдать за всем, что происходит на чердаке.

Сара полежала с закрытыми глазами. Просыпаться не хотелось, к тому же лежать в постели было так тепло и уютно. Она даже решила, что ей это снится. Так тепло и уютно бывает только во сне.

— Какой чудесный сон! — прошептала она. — Мне так тепло... Я... не хочу... просыпаться.

Конечно, это был сон. Ей казалось, что она лежит под теплыми, мягкими одеялами, которые так тепло ее укрывают. Она выпростала руку и потрогала одеяло: ей почудилось, что оно атласное, на гагачьем пуху. Нет, не надо просыпаться — надо лежать тихо-тихо, пусть этот дивный сон не кончается.

Но нет, она не могла спать... даже зажмурив глаза, не могла... Что-то ее будило; что-то в комнате. Свет... и какой-то звук... звук весело трещащего огня!

— Ах, я просыпаюсь, — жалобно шепнула Сара. — Теперь уже ничего не поделаешь!

Помимо воли она открыла глаза. И широко улыбнулась: такого на чердаке никогда не было, да и быть не могло!

— Ах нет, я все еще сплю, — прошептала Сара, приподнимаясь на локте и оглядываясь кругом. — Я просто вижу сон.

Конечно, это сон: наяву такого быть не может, просто не может!

Вы спрашиваете, почему она не сомневалась, что все еще спит? Вот послушайте, что она увидела. Яркий огонь полыхал в камине; над огнем кипел и плевался небольшой медный чайник; на полу лежал пушистый пунцовый ковер; перед камином был разложен шезлонг с подушками; рядом с ним стоял небольшой складной стол, покрытый белой салфеткой, а на нем были расставлены небольшие блюда под крышками, чашка с блюдцем и чайник для заварки. На кровати лежали новые теплые пледы и одеяло; а в ногах — стеганный шелковый халатик, стеганные туфли и книги. Комната стала такой, какой не раз в мечтах представляла ее себе Сара. Комнату заливал теплый свет — на столе горела яркая лампа под розовым абажуром.

Сара приподнялась и села — у нее перехватило дыхание.

— Сон... не исчезает, — проговорила она с волнением. — Ах, никогда еще я не видела такого сна!

Она боялась пошевелиться; наконец решилась, откинула одеяло и с блаженной улыбкой опустила ноги на пол.

— Мне снится... что я встаю с постели, — проговорила она, прислушиваясь к собственному голосу.

Она встала и медленно повернулась в одну сторону, потом в другую, разглядывая все это великолепиие.

— Мне снится, что все это наяву. Мне снится... что это правда. Комната заколдована... или это я заколдована? Мне только кажется, что я все это вижу.

Она говорила все быстрее.

— Пусть мне подольше все это кажется! — вскричала она. — Мне все равно! Все равно!

Сара постояла еще немного, затаив дыхание, а потом воскликнула:

— Нет, это неправда! Это не может быть правдой! Но, Боже, как это похоже на правду!

Ее привлек огонь, пылающий в камине; она опустилась на колени и поднесла к нему руки — но тут же отдернула их.

— Если б огонь мне снился, — сказала она, — он бы не жегся!

Вскочив с колен, она дотронулась до стола, до блюд, до ковра; подошла к кровати и потрогала одеяла. Взяла в руки мягкий стеганный халатик и вдруг прижала его к груди, а потом приложила к щеке.

— Он теплый! Он мягкий! — сказала она со слезами. — Он настоящий. Да, это правда!

Она набросила халат на плечи и сунула ноги в туфли.

— Туфли тоже настоящие. Здесь все настоящее! — вскричала она. — Это не сон! Не сон!

Она бросилась к книгам и открыла ту, что лежала сверху. На форзаце было что-то написано — всего несколько слов: «Девочке на чердаке. От друга».

Прочитав эти слова, она уронила голову на книгу и расплакалась.

«Я не знаю, кто это, — проносилось у нее в голове, — но кто-то обо мне думает. У меня есть друг».

Она взяла свечу и на цыпочках вошла в комнату Бекки. Встав у ее постели, она громко, насколько хватало смелости, прошептала:

— Бекки! Бекки! Проснись!

Бекки проснулась — и в ужасе вскочила; на ее щеках еще виднелись следы слез. Каково же было ее удивление, когда она вдруг увидела Сару в роскошном стеганом халате из пунцового шелка! Принцесса Сара, совсем такая, какой она ее помнила, стояла, сияя радостью, возле ее постели со свечой в руке.

— Пойдем ко мне, Бекки, — позвала она. — Пойдем скорее!

Бекки была до того перепугана, что не могла ни слова сказать. Она просто встала и безмолвно последовала за Сарой. Глаза и рот у нее были широко раскрыты.

Переступив через порог, Сара неслышно притворила дверь и ввела Бекки в такую теплую, ярко освещенную и хорошо обставленную комнату, что у нее закружилась голова.

— Это все настоящее! Все до единого! — воскликнула Сара. — Я все эти вещи перетрогала! Они такие же настоящие, как мы с тобой. Это Волшебство, Бекки! Пока мы спали, оно здесь работало! То самое Волшебство, которое не допустит, чтобы случилось самое плохое!

ГЛАВА 16

Нежданная гостья

Если вам это удастся, постарайтесь сами представить себе, как прошла остальная часть ночи. Как Сара и Бекки сидели у камина, в котором прыгали и плясали языки пламени; как они заглянули под крышки и нашли на блюдах сэндвичи, подсушенный хлеб и булки, а в миске — густой горячий душистый суп, которым одним можно было наесться. Чай для Бекки налили в кружку с умывальника, и он был до того душистый и вкусный, что незачем было представлять себе, что это не чай, а что-то другое. Теперь девочкам было тепло, они наелись досыта и повеселели. Убедившись в реальности происходящего, Сара от души радовалась всему. Она так долго жила воображением, что могла без труда принять самое удивительное и чудесное.

— Я не знаю никого, кто мог бы это сделать, — говорила она, — но кто-то же это сделал! Мы сидим у огня... и... и... все это правда! Кто бы ни был этот человек... или эти люди... где бы он или они ни были... у меня есть друг! Бекки, кто-то мне друг!

Следует сознаться, правда, что, сидя перед камином и угощаясь разными вкусными вещами, они испытывали какой-то восторженный ужас и не без сомнений поглядывали друг на друга.

— А вы не боитесь, мисс, — наконец решилась Бекки, — вы не боитесь, что все это вдруг исчезнет? Может, нам поспешить?

И она торопливо засунула сэндвич в рот. Если все это сон, нечего заботиться о манерах!

— Нет, это не исчезнет, — отвечала Сара. — Эту булочку я ем, я чувствую ее вкус. А во сне никогда не ешь, всегда только собираешься. К тому же я себя несколько раз щипала — и мне больно! Я даже только что дотронулась до горячего уголька — для проверки!

Как хорошо было сидеть у камина! Понемногу их стало клонить в сон, как клонит в сон счастливых, хорошо поевших детей. Долго не уходили они от камина, наслаждаясь его теплом; наконец Сара взглянула на свою постель, которая выглядела так непривычно.

Одеял на ней теперь было предостаточно, можно было поделиться с Бекки. И скоро узкая кушетка в соседней каморке превратилась в такое удобное ложе, о каком Бекки никогда и не мечтала.

Уходя от Сары, Бекки обернулась с порога и обвела комнату восхищенным взглядом.

— Даже если завтра утром все это исчезнет, — сказала она, — оно, по крайности, сегодня здесь было. И этого никогда я не забуду.

Она остановила взгляд на каждой вещи, словно стараясь их хорошенько запомнить.

— Здесь, — и она показала пальцем на камин, — горел огонь, а перед ним стоял стол, а на столе — лампа, и свет от нее был розовый. На кровати лежало атласное покрывало, а на полу — теплый ковер, и все было так красиво!

Бекки на миг смолкла и с нежностью положила руку на живот.

— И еще был суп, и сэндвичи, и булочки. Да, все это было!

И с этим неопровержимым доказательством реальности всего, что произошло, она удалилась.

Какими-то неведомыми путями в школе, так же как и среди слуг, все сразу становится известным. Наутро все уже знали, что Сара ужасно провинилась, что Эрменгарда наказана и что Бекки только потому не прогнали сегодня же с самого утра, что найти новую судомойку не так-то просто. Слуги понимали, что мисс Минчин разрешила Бекки остаться, потому что найти другое такое беззащитное и безответное существо, которое согласилось бы работать с утра до ночи за несколько шиллингов в неделю, было нелегко. А старшие девочки понимали, что мисс Минчин не отказала Саре из практических соображений.

— Сара так быстро растет и так много занимается, — сказала Лавинии Джесси, — что мисс Минчин скоро сделает ее учительницей, и ей придется работать бесплатно. Ты, Лавви, поступила гадко, когда пожаловалась на нее мисс Минчин. Откуда ты узнала, что они устроили вечеринку на чердаке?

— От Лотти. Она по глупости даже и не заметила, как проболталась. И вообще это не гадко! — Лавиния поджала губы. — Я просто исполнила свой долг. Сара обманывала мисс Минчин! Нет, это просто смешно, как эта оборванка важничает! И почему все с ней так носятся?

— А что они делали, когда мисс Минчин их накрыла?

— Представляли себе какую-то глупость. Эрменгарда снесла наверх свою посылку из дома, чтобы угостить Сару и Бекки. Почему-то нас она никогда не угощает. Мне, конечно, все равно, только это неприлично угощать на чердаке каких-то служанок. Конечно, мисс Минчин нужна учительница, но все равно странно, что она не выгнала Сару.

— Куда бы она пошла, если б ее выгнали? — спросила не без тревоги Джесси.

— Откуда мне знать? — отрезала Лавиния. — Сегодня, должно быть, вид у нее будет кислый. Немудрено! После того, что случилось...

Джесси была не столько злая, сколько бесхарактерная девочка. Она порывисто схватила книжку.

— По-моему, это ужасно! — сказала она. — Никто не имеет права морить ее голодом.

Когда Сара вошла в то утро на кухню, кухарка и служанки посмотрели на нее с подозрением и она поспешила пройти мимо. Она немного проспала, и Бекки тоже, а потому обе заторопились вниз, не повидав друг друга.

Сара заглянула в судомойню. Бекки изо всех сил терла чайник и что-то тихо напевала. Она подняла на Сару сияющие глаза.

— Одеяло-то, — шепнула она с волнением, — оно лежало у меня на постели, когда я проснулась. Оно не исчезло!

— И мое тоже, — отвечала Сара. — И все другие вещи так и остались у меня в комнате — все до единой. Я, пока одевалась, поела то, что осталось.

— Ах ты, батюшки! — ахнула Бекки, склоняясь над чайником.

И хорошо сделала — в судомойню входила кухарка.

Мисс Минчин, подобно Лавинии, ожидала, что наутро Сара будет иметь жалкий вид. Сара

всегда ее раздражала, ибо ничто, даже самое суровое наказание, ее не пугало и не доводило до слез. Когда ей делали выговор, она стояла и вежливо, серьезно слушала, не возражая ни слова; когда же ее наказывали, подчинялась, не жалуясь и не протестуя. Она никогда не отвечала дерзостью, и это само по себе казалось мисс Минчин величайшей дерзостью. Впрочем, вчера Сара не обедала и не ужинала, а сегодня опять ничего не получит; может, это наконец сломит ее упорство? Может, сегодня она сойдет наконец вниз бледная, с заплаканными глазами, несчастная и жалкая?

В то утро мисс Минчин увидела Сару в классе, где ей предстояло давать младшим ученицам урок французского языка. Сара вошла веселая и румяная, с едва заметной улыбкой в уголках рта. Мисс Минчин растерялась. Такого она не ожидала. Что все это значит? Она тотчас подозвала Сару к себе.

— Вы, как я вижу, не понимаете, что наказаны, — сказала она. — Неужто вы до того испорчены?

Если ребенок — а пусть бы и взрослый! — хорошо поел и выспался в теплой и мягкой постели, если он заснул в волшебной сказке, а проснувшись, обнаружил, что эта сказка не сон, а явь, он не может выглядеть несчастным и не может, даже если бы хотел, потушить свет в глазах. Мисс Минчин чуть не онемела от удивления, когда Сара подняла на нее сияющие глаза и спокойно ответила:

— Прошу прощения, мисс Минчин. Я знаю, что наказана.

— Так постарайтесь этого не забывать — и не глядите так, словно вдруг получили наследство. Это дерзко. Помните, что сегодня вам не дадут никакой еды.

— Да, мисс Минчин, — отвечала Сара.

Она отвернулась; сердце запрыгало у нее в груди при воспоминании о вчерашнем. «Если бы не эта волшебная перемена, — подумала она, — как все было бы ужасно!»

— Не похоже, чтобы она была очень голодна, — шепнула Лавиния Джесси. — Ты только посмотри на нее. — И со злорадным смешком добавила: — Возможно, она воображает, что съела хороший завтрак.

— Она не такая, как все, — сказала Джесси, глядя на Сару. — Иногда я ее немного боюсь.

— Какая ерунда! — вскричала Лавиния.

Весь этот день свет не покидал Сариного лица, а румянец — ее щек. Служанки перешептывались, с удивлением поглядывая на нее, а в голубых глазках мисс Амелии застыло полнейшее недоумение. Она не могла взять в толк, как можно иметь такой веселый и вызывающий вид, когда на тебя сердится сама мисс Минчин. Впрочем, это так похоже на Сару! Она всегда была на удивление упрямой. Верно, она решила не признавать высочайшей немилости.

Обдумывая все, что произошло в ту ночь, Сара решила, если удастся, держать чудо в тайне. Конечно, если мисс Минчин снова поднимется на чердак, все будет раскрыто. Впрочем, в течение какого-то времени это им не грозит, если только у мисс Минчин не возникнет подозрений. За Эрменгардой и Лотти будут по вечерам так строго следить, что они не осмелятся снова покинуть свои спальни. Эрменгарде можно довериться — она не выдаст. Если же на чердак придет Лотти, нужно будет просить ее сохранить тайну. Возможно, Волшебство придет им и здесь на помощь.

«Но что бы ни случилось, — говорила себе Сара, — что бы ни случилось, теперь я знаю, что

где-то есть человек небесной доброты и он мне друг. Да, он мой друг! Если я никогда не узнаю, кто он... если никогда не смогу даже поблагодарить его... все равно, я никогда не буду такой одинокой, как прежде. Да, это волшебная доброта!»

В этот день погода выдалась, если только это возможно, еще хуже, чем накануне, — на улице было еще холоднее, дождь лил еще сильнее, а грязь еще больше развезло. Сару снова посылали из дома с бесконечными поручениями; кухарка совсем разбушевалась и, зная, что Сара в немилости, бранила ее пуще прежнего. Но какое все это имеет значение, если у тебя есть волшебный друг? Ночной ужин придал Саре сил; она надеялась хорошо выспаться в теплой постели; и хотя к вечеру она, как и следовало ожидать, проголодалась, она помнила, что к следующему утру срок ее наказания истечет и она сможет позавтракать. Было уже поздно, когда ей разрешили уйти к себе. Мисс Минчин распорядилась, чтобы она занималась в классной до десяти часов вечера, но она увлеклась и засиделась над книгами.

Поднявшись по лестнице, Сара остановилась перед дверью на чердак; признаться, сердце громко стучало у нее в груди.

— Конечно, там, может статься, ничего уже нет, — прошептала она, бодрясь. — Возможно, все это было мне послано лишь на одну ночь — на ту ужасную ночь! Но все это было мне послано — у меня это было! Это был не сон!

Она распахнула дверь. Переступив порог, она тихо охнула и, притворив дверь, прислонилась к ней, оглядывая комнату.

Словно волшебная рука прошла по скромному жилью Сары. Сегодня это было еще заметнее, чем вчера. Огонь в камине горел еще веселее. В комнате появилось столько новых вещей, что она теперь выглядела совершенно иной. Не будь Сара готова ко всему, она бы долго еще терла себе глаза. На низеньком столике снова стоял ужин — на этот раз была еще одна чашка и тарелка для Бекки. Треснувшую доску над камином застилал кусок яркой, диковинно расшитой парчи, а на нем стояли вазы и украшения. Роскошные ткани скрывали все старое и уродливое. На стенах висели разноцветные вееры и яркие драпировки; их прикрепили тонкими острыми гвоздиками. По ковру были раскиданы большие мягкие подушки. Сундук был накрыт ковром, а на нем тоже лежали подушки, так что он превратился в диван.

Сара тихо отошла от двери, а потом опустилась на стул и смотрела, смотрела во все глаза.

— Все точно в волшебной сказке, — проговорила она. — Точь-в-точь! У меня такое чувство, что, пожелай я хоть бриллианты или мешки золота, все тотчас и явится! И это было бы не так удивительно, как то, что тут произошло. Неужели это мой чердак? А я та самая промокшая, продрогшая, оборванная Сара? Бывало, я всякое себе представляла, мечтала о феях! Мне всегда хотелось, чтобы волшебная сказка сбылась! А теперь я живу в волшебной сказке и все, что захочу, могу наколдовать!

Она поднялась и постучала в стену, и узница из соседней камеры тотчас явилась.

Войдя к Саре, Бекки чуть не упала от изумления и в первые минуты не могла произнести ни слова.

— Ах, батюшки! — проговорила она наконец, задыхаясь, совсем как накануне в судомойне. — Ах, батюшки, мисс!

— Видишь? — сказала Сара.

В ту ночь Бекки сидела перед камином на подушке и пила чай из собственной чашки.

Когда Сара стала ложиться, она обнаружила на своей кровати новый матрас и большие пуховые подушки. Старый же ее матрас и подушку перенесли к Бекки; теперь она могла спать в неслыханной роскоши!

— Откуда все это появляется? — не выдержала Бекки. — Кто это делает, мисс?

— Не будем даже спрашивать, — отвечала Сара. — Я не хочу знать — только вот бы сказать этому человеку: «Спасибо!» А тайна делает его дары еще прекраснее!

С этого времени жизнь с каждым днем становилась все удивительнее. Волшебная сказка продолжалась. Едва ли не каждый вечер в комнате Сары появлялась какая-нибудь удобная или красивая вещь, пока наконец ее чердак не превратился в чудесную уютную комнатку, полную всяких диковинок. Обшарпанные стены постепенно исчезли под драпировками и картинами; на полочке, прибитой к стене, выстроились книги; повсюду стояла удобная складная мебель; вещей все прибавлялось, пока наконец больше уже нечего было и желать. Спускаясь по утрам вниз, Сара оставляла на столе блюда от ужина; когда же вечером она возвращалась, их уже не было, а на столе ждал свежий ужин. Мисс Минчин обращалась с Сарой с прежней суровостью; мисс Амелия брюзжала, как всегда, а служанки по-прежнему придирались и бранились. В любую погоду ее посылали на улицу, заставляли делать то одно, то другое по дому и едва позволяли перекинуться словом с Эрменгардой и Лотти. Лавиния издевалась над ее обносившимся платьем, а другие воспитанницы с любопытством поглядывали на нее, когда она появлялась в классной. Но какое это имело значение, если Сара жила в дивной таинственной сказке? Это было гораздо увлекательнее и романтичнее всех ее прежних фантазий, которые помогали ей утешиться и спастись от отчаяния. Теперь, когда ее бранили, она еле сдерживалась, чтобы не улыбнуться.

«Если бы они знали! — повторяла она про себя. — Если бы только знали!»

Новое положение придавало Саре силы: ведь теперь по вечерам ее ждало что-то приятное. Возвращаясь домой после долгой ходьбы по грязным улицам, голодная и усталая, она знала, что, поднявшись по лестнице к себе в комнату, найдет там огонь в камине и обильный ужин. В самые трудные дни она развлекалась тем, что загадывала, что увидит, открыв дверь на чердак, и какие новые сюрпризы ждут ее там. Скоро она уже не выглядела такой исхудавшей. Щеки у нее порозовели, а глаза уже не казались такими огромными на маленьком личике.

— Сара Кру очень хорошо выглядит, — с неодобрением сказала сестре мисс Минчин.

— Да, — согласилась бедная мисс Амелия, которая нередко не отдавала себе отчета в том, что говорила. — Она даже пополнела. А походила на замороженного вороненка.

— Замороженного?! — гневно вскричала мисс Минчин. — С чего это вдруг? Ее всегда кормили вдоволь!

— Д-да, конечно, — робко согласилась мисс Амелия, испугавшись, что, как всегда, сказала не то.

— Так грустно наблюдать подобное поведение в ребенке ее возраста, — высокомерно обронила мисс Минчин.

Она любила изъясняться туманно.

— Какое... поведение? — отважилась мисс Амелия.

— Я бы, пожалуй, назвала его вызывающим, — отвечала с досадой мисс Минчин. Она прекрасно знала, что это было не так, однако не могла придумать иного словца. — Я говорю о том, что с ней произошло... Подобная перемена сделала бы другую робкой и податливой, но

на нее она совсем не подействовала. Честное слово, она держит себя, словно... словно принцесса!

— А помнишь, — воскликнула мисс Амелия опрометчиво, — что она тебе в классе в тот день сказала? «Что бы вы сделали, мисс Минчин, если бы вдруг узнали, что...»

— Нет, не помню, — оборвала ее мисс Минчин. — Не говори глупостей!

Однако она отлично помнила, что ей сказала Сара. Бекки, естественно, также немного пополнела и уже не казалась такой запуганной. Да и немудрено. Ведь и она жила в волшебной сказке. Теперь у нее было два матраса, две подушки и теплые одеяла, а также ежевечерний ужин, который она вкушала, сидя на подушках перед камином. Бастилия исчезла, и узниц больше не было. Теперь на чердаке среди всяких чудес жили две веселые девочки. Иногда Сара читала вслух, иногда молча занималась, а иногда просто сидела, глядя в огонь, и старалась представить себе, кто был ее другом. Ей так хотелось высказать ему все, что переполняло ее сердце!

Вскоре случилось еще одно удивительное происшествие. В дверь позвонил посыльный и принес несколько пакетов. На них крупными буквами было написано:

«Девочке на чердаке (комната справа от входа)».

Случилось так, что открыть дверь и принять пакеты отправили Сару. Она положила два самых больших свертка на стол в передней и как раз читала надпись, когда по лестнице спустилась мисс Минчин.

— Что вы так смотрите на посылки? — спросила мисс Минчин с раздражением. — Отнесите их той, кому их прислали.

— Их прислали мне, — отвечала спокойно Сара.

— Вам? — вскричала мисс Минчин. — Что это значит?

— Я не знаю, кто их прислал, — сказала Сара, — но адресованы они мне. Ведь это я сплю в комнате на чердаке направо от входа. Бекки спит в комнате налево.

Мисс Минчин подошла к столу и с изумлением посмотрела на пакеты.

— Что в них? — спросила она строго.

— Не знаю, — ответила Сара.

— Откройте, — распорядилась мисс Минчин.

Сара повиновалась и развернула посылки. Лицо у мисс Минчин приняло странное выражение. В свертках лежала красивая и удобная одежда — ботинки, чулки, перчатки и чудесное теплое пальто. Был даже зонтик и изящная шляпа. Вещи были добротные и дорогие, а к карману пальто была пришпилена записка:

«Одежда на каждый день. При необходимости будет заменена новой».

Мисс Минчин пришла в неописуемое волнение. Ее практический ум заработал. Неужто она ошиблась? Неужто у этой одинокой девочки есть где-то богатый, хотя и чудаковатый, покровитель? Какой-то всеми забытый родственник, который ее разыскал и решил помочь таким странным, таинственным способом? Родственники порой бывают большими чудаками, особенно богатые дядюшки-холостяки, которые не терпят детей у себя в доме и предпочитают заботиться о них издалека. Эти люди обычно с причудами, очень обидчивы и

вспыльчивы. Будет очень неприятно, если этот родственник узнает всю правду о том, в какой худой, потрепанной одежде ходила Сара, как плохо ее кормили, как много заставляли работать. Мисс Минчин совсем растерялась.

— Да, — произнесла она тоном, каким не говорила с Сарой с того дня, как умер ее отец, и искоса посмотрела на нее, — кто-то принимает в вас участие. Что ж, раз эти вещи прислали вам и обещают, когда понадобится, заменить их на новые, вы можете пойти наверх и переодеться. Надо выглядеть прилично. А когда переоденетесь, идите в классную и занимайтесь. Сегодня вам никуда больше не надо идти.

Спустя полчаса дверь в классную отворилась и в комнату вошла Сара. Девочки онемели от изумления.

— Вот это номер! — воскликнула Джесси, толкнув Лавинию локтем. — Взгляни-ка на принцессу Сару!

Девочки смотрели на нее во все глаза. Лавиния тоже глянула — краска залила ей лицо.

Да, это была принцесса Сара. Давно уже она так не выглядела, с тех самых пор как ее прозвали принцессой. Она совсем не походила на ту Сару, которая сбежала вниз по черной лестнице всего несколько часов назад. На ней было прекрасно сшитое платье глубокого темного цвета; глядя на него, Лавиния почувствовала, как когда-то, острый прилив зависти. На ногах были такие же туфельки, какими восхищалась когда-то Джесси; а густые и пышные волосы, которые обычно падали ей на лоб, словно у мохнатого шотландского пони, были теперь подвязаны лентой.

— Может, она получила наследство, — шепнула Джесси. — Я всегда знала, что с ней должно случиться что-то необыкновенное. Она такая странная!

— Может, снова алмазные копи, — ядовито произнесла Лавиния. — Да не пялься ты на нее, как идиотка, — ей это только в радость!

— Сара, — вдруг произнесла мисс Минчин своим глубоким, низким голосом, — идите и сядьте здесь!

И под любопытными взглядами всех учениц, которые толкали друг друга локтями, даже не пытаясь скрыть изумления, Сара села на свое прежнее почетное место и склонилась над книгами.

В тот вечер, когда они с Бекки поужинали, Сара долго сидела у камина, пристально глядя в огонь.

— Вы что-то придумываете, мисс? — почтительно спросила Бекки. Когда Сара вот так сидела, мечтательно вглядываясь в огонь, это обычно означало, что она придумывает новую историю или сказку. Но на этот раз Сара покачала головой.

— Нет, — сказала она. — Я просто размышляю, как мне поступить.

Бекки почтительно посмотрела на нее. Ко всему, что делала и говорила Сара, она относилась сейчас с чувством, граничившим с благоговением.

— Я думаю о своем друге, — объяснила Сара. — Если он не хочет, чтобы я знала, кто он, с моей стороны было бы неделикатно пытаться это узнать. Но мне так хочется сказать ему, как я счастлива! Людям добрым всегда приятно узнать, что они сделали кого-то счастливым. Это для них важнее благодарности. Я бы хотела... я бы так хотела...

Она замолчала: в этот миг взгляд ее упал на небольшую шкатулку для письменных

принадлежностей, стоявшую на столике в углу. Два дня назад Сара, войдя в свою комнату на чердаке, нашла эту шкатулку на столике. В ней лежали конверты, бумага для писем, перья и чернильница.

— Как это не пришло мне в голову раньше? — воскликнула Сара.

Она взяла шкатулку и вернулась к камину.

— Я могу написать ему, — радостно сказала она, — и оставить письмо на столе. Тогда тот человек, который уносит посуду, заберет и письмо. Я ни о чем его не буду спрашивать, а лишь поблагодарю. Я уверена, что это не будет ему неприятно.

И она написала письмо. Вот оно:

«Я надеюсь, что Вы не сочтете вольностью то, что я пишу Вам, зная, что Вы хотели бы не раскрывать своего имени. Прошу Вас, не думайте, что я пытаюсь что-то узнать. Я только хочу поблагодарить Вас за Вашу доброту — за Вашу чудесную доброту ко мне — и за то, что все вокруг изменилось, словно в волшебной сказке. Я так Вам признательна и так счастлива — и Бекки тоже! Бекки также благодарит Вас; все, что произошло, кажется ей таким же прекрасным и удивительным, как и мне. Мы были так одиноки, так голодали и мучились от холода, а теперь — подумайте только, что Вы для нас сделали! Прошу Вас, разрешите мне произнести эти слова. Я должна их сказать. Спасибо... спасибо... спасибо! Девочка с чердака».

Утром Сара оставила это письмо на столе, и вечером оно исчезло вместе со всем остальным. Она поняла, что Волшебник получил ее письмо, и очень обрадовалась.

Однажды вечером Сара читала Бекки перед сном одну из новых книг, как вдруг ее внимание привлек какой-то звук у окна. Сара подняла глаза от книги и увидела, что Бекки тоже насторожилась. Она повернула голову к окну и с тревогой прислушалась.

— Там кто-то есть, мисс, — прошептала Бекки.

— Да, — сказала Сара. — Похоже, будто кошка царапается в окно.

Она встала и подошла к окну. Это был такой странный и тихий звук — он и вправду походил на царапанье. Вдруг Сара что-то вспомнила и засмеялась. Она вспомнила о маленькой обезьянке, которая как-то забралась к ней на чердак. Сегодня Сара как раз видела обезьянку: та грустно сидела на столе перед окном в доме индийского джентльмена.

— А вдруг, — радостно шепнула Сара, — вдруг это опять обезьянка? Вот было бы хорошо!

Она встала на стул, осторожно подняла раму и выглянула из окна. На крыше лежал снег — он шел весь день, — а на снегу, совсем близко от окна, сидела, съежившись, небольшая фигурка. Увидев Сару, она жалобно сморщила свою черную мордочку.

— Это обезьянка! — воскликнула Сара. — Она убежала от ласкара и пришла к нам на огонек.

Бекки подбежала к окну.

— Вы ее впустите, мисс? — спросила она.

— Конечно, — ответила Сара радостно. — На дворе холодно, а обезьяны привыкли к теплу. Они такие неженки. Я постараюсь ее заманить.

Она осторожно протянула руку и ласково заговорила с обезьянкой, как говорила с воробьями и Мельхиседеком, — так, словно сама была маленьким зверьком и хорошо понимала их

робость и любила их.

— Иди сюда, милая, — звала Сара. — Я тебя не обижу.

Обезьянка поняла, что ее не обидят. Поняла и разрешила Саре дотронуться до нее мягкими добрыми пальцами и притянуть к себе. Она знала, что люди бывают нежными; она это чувствовала в темных худощавых руках Рам Дасса, а теперь — в мягких руках Сары. Обезьянка разрешила втянуть себя в комнату, а оказавшись у Сары на руках, свернулась в клубочек и, захватив прядь ее волос, взглянула на нее.

— Обезьянка милая! Обезьянка прелесть! — приговаривала Сара, целуя смешную мордочку. — Ах, как я люблю всяких зверьков!

Обезьянка обрадовалась, когда Сара села к огню, и, устроившись у нее на коленях, с интересом переводила умный взгляд с Сары на Бекки.

— Какая она некрасивая, мисс, правда? — заметила Бекки.

— Да, похожа на очень некрасивого ребенка, — отвечала Сара со смехом. — Прости меня, обезьянка! Впрочем, я рада, что ты не ребенок. Мамочка не могла бы тобой гордиться, и никто не посмел бы сказать, что ты так похожа на кого-то из родственников. Нет, ты просто прелесть!

Она прислонилась к спинке кресла и задумалась.

— Возможно, в душе она жалеет о том, что некрасива, — продолжала она. — Интересно, есть ли у нее душа? Обезьянка, голубчик, у тебя есть душа?

Но обезьянка лишь подняла свою сморщенную лапку и почесала в голове.

— А что вы с ней сделаете? — поинтересовалась Бекки.

— Пусть сегодня поспит со мной, а завтра я отнесу ее индийскому джентльмену. Обезьянка, милая, мне не хочется тебя отдавать, но придется. Больше всех ты должна любить свою семью, а я ведь тебе не родственница.

Ложась в постель, Сара устроила у себя в ногах теплое гнездышко для обезьянки, и та, довольная, заснула, свернувшись, словно ребенок, калачиком.

ГЛАВА 17

«Это она!»

На другой день трое детей мистера Монтморенси сидели в библиотеке индийского джентльмена, изо всех сил стараясь его развеселить. Им разрешили пойти к нему; потому что он сам их пригласил. Он давно уже жил в волнении; этого дня он напряженно ждал. Сегодня из Москвы возвращался мистер Кармайкл. Его возвращение откладывалось с недели на неделю. Приехав в Москву, он сначала никак не мог найти семью, которую искал. Когда же наконец ему удалось напасть на след и он отправился к ним в дом, оказалось, что они в отъезде. Все попытки списаться с ними оказались неудачными, и он решил дожидаться их возвращения.

Мистер Кэррисфорд сидел в своем покойном кресле, а рядом с ним на полу сидела Джэнет.

Она была его любимицей. Нора устроилась на скамеечке для ног, а Дональд оседлал голову тигра, украшавшую шкуру на полу. Нужно сказать, что Дональд скакал на тигре с большим шумом.

— Не кричи так, Дональд, — урезонивала его Джэнет. — Когда приходишь развлечь больного, не обязательно делать это во весь голос. Правда, мистер Кэррисфорд?

Но мистер Кэррисфорд лишь потрепал ее по плечу.

— Нет, нет, — сказал он. — Больного это отвлекает от разных мыслей.

— Я буду сидеть тихо, — во все горло закричал Дональд. — Мы все будем сидеть тихо-тихо, как мышки.

— Мышки так не шумят, — возразила Джэнет.

Дональд сделал из носового платка уздечку и снова запрыгал на тигре.

— Если мышек много, то, может, и шумят, — весело возразил он. — Если их тысяча, то шумят.

— Нет, — возразила Джэнет строго, — даже если их сто тысяч! А нам надо сидеть тихо, как одна мышка!

Мистер Кэррисфорд засмеялся и снова потрепал ее по плечу.

— Папа уже скоро будет здесь, — сказала Джэнет. — Можно нам поговорить о пропавшей девочке?

— Сейчас я все равно ни о чем другом говорить не могу, — отвечал устало мистер Кэррисфорд и нахмурился.

— Она нам ужасно нравится, — сказала Нора. — Мы ее прозвали неволшебной принцессой.

— Почему же? — спросил индийский джентльмен. Он любил слушать выдумки Большой семьи — они его отвлекали от грустных мыслей.

На этот раз ответила Джэнет:

— Потому что, хотя она и не волшебница, она будет, когда найдется, богата, как принцесса в волшебной сказке. Мы сначала звали ее волшебной принцессой, но это ей не подходит.

— А правда, — спросила Нора, — что ее отец отдал все деньги своему другу, чтобы он вложил их в алмазные копи, а друг решил, что потерял их, и сбежал? Он считал себя вором, да?

— Только это было не так, — торопливо вмешалась Джэнет, — ты же знаешь.

Индийский джентльмен быстро взял ее за руку.

— Да, вором он не был, — произнес он.

— Мне жалко этого друга, — сказала Джэнет, — правда, жалко. Ведь он не виноват — у него потом, верно, сердце разрывалось от горя. Я в этом уверена!

— Ты умная девочка, Джэнет, — сказал индийский джентльмен, сжимая ее руку.

— А вы рассказали мистеру Кэррисфорду, — снова закричал Дональд, — о «девочке, которая

не нищенка»? Вы ему сказали, что теперь она одета во все новое? Может, она тоже потерялась, а теперь нашлась?

— Кэб! — воскликнула Джэнет. — Он остановился у подъезда. Это папа!

Дети бросились к окнам.

— Да, это папа, — объявил Дональд. — Но девочки с ним нет.

Дети выбежали из комнаты и мигом скатились вниз по лестнице. Они всегда так встречали отца. Слышно было, как они прыгают, хлопают в ладоши, как он поднимает их одного за другим и целует.

Мистер Кэррисфорд попытался подняться, но снова упал в кресло.

— Не могу, — прошептал он. — Сил нет!

У двери послышался голос мистера Кармайкла.

— Нет, дети, — говорил он. — Сейчас нельзя! Я должен поговорить с мистером Кэррисфордом. Ступайте к Рам Дассу и поиграйте с ним, а потом приходите.

Дверь отворилась, и в библиотеку вошел мистер Кармайкл. Он был как будто еще румянее, чем всегда; казалось, он внес в комнату атмосферу свежести и здоровья; однако, пожимая руку больного, он взглянул на него с тревогой.

— Что вы мне скажете? — спросил мистер Кэррисфорд. — Эта девочка, которую удочерили русские...

— Не та, кого мы ищем, — продолжил мистер Кармайкл с огорчением. — Она гораздо моложе дочери капитана Кру. Ее зовут Эмили Кэрю. Я ее видел и беседовал с ней. Русские мне о ней подробно рассказали.

Индийский джентльмен взглянул на него с отчаянием. Его рука бессильно упала на колени.

— Значит, придется начать поиски сначала, — произнес он устало. — Вот и все. Прошу вас, садитесь.

Мистер Кармайкл сел. Сам того не замечая, он постепенно привязался к этому несчастному человеку. Сам он обладал таким завидным здоровьем и так был счастлив в своей семье, окруженный любовью и весельем, что не мог без сострадания думать об одиночестве и болезни. Если бы в этом доме зазвучал хотя бы один звонкий детский голос, он уже не казался бы таким печальным и заброшенным, как сейчас! А как мучительно, верно, сознавать, что ты обречен на горе и одиночество ребенка! Нет, это невозможно вынести!

— Полно, полно, — произнес мистер Кармайкл бодро, — в конце концов мы ее найдем!

— Не будем откладывать. Времени терять нельзя, — отвечал мистер Кэррисфорд взволнованно. — Есть у вас какие-то новые предложения?

Мистер Кармайкл встал и прошелся по комнате: ему не сиделось.

— Пожалуй, — произнес он раздумчиво. — Не знаю, что вы об этом скажете. Когда я ехал поездом из Дувра, в голову мне пришла одна мысль.

— Какая же? Если только девочка жива, она должна где-то быть.

— Действительно, она должна где-то быть. Мы обыскали все школы в Париже. Давайте

забудем о Париже и поищем ее в Лондоне. Вот моя мысль. Давайте искать в Лондоне.

— В Лондоне немало школ, — отвечал мистер Кэррисфорд.

Внезапно какая-то мысль пришла ему в голову — он вздрогнул.

— Вот хотя бы в соседнем доме есть школа.

— Что ж, с нее и начнем, благо, она от нас так близко.

— Нет, — сказал Кэррисфорд. — Там, правда, есть девочка, которая меня интересует, но она не воспитанница. Это несчастное жалкое существо, но она до того смугла, что никак не может быть дочкой бедного Кру.

Возможно, в этот миг в дело снова вмешалось Волшебство — дивное, прекрасное Волшебство! Это вполне вероятно, иначе почему вдруг именно в этот миг в комнату вошел Рам Дасс? Его темные блестящие глаза с трудом скрывали волнение. Он почтительно поклонился, сложив руки на груди.

— Сахиб, — сказал он, — пришла та девочка — девочка, которую жалеет сахиб. Она принесла обезьянку. Обезьянка опять убежала к ней по крыше. Я попросил девочку подождать. Я подумал, может, сахибу будет приятно увидеть ее и поговорить с ней?

— Кто эта девочка? — спросил мистер Кармайкл.

— Бог знает, — отвечал мистер Кэррисфорд. — Я вам о ней только что говорил. Она служанка в школе, что рядом с нами. — Он поманил Рам Дасса и сказал ему: — Да, я хочу ее видеть. Приведи ее сюда. — И, повернувшись к мистеру Кармайклу, пояснил. — Пока вас не было, я совсем загрустил. Дни были такие темные, а время тянулось так медленно. Рам Дасс рассказал мне об этой несчастной девочке, и мы решили помочь ей и сообща придумали весьма романтический план. Это, конечно, было ребячество, но меня оно развлекло. Не будь Рам Дасс таким быстрым и ловким, нам ничего не удалось бы сделать.

В эту минуту в комнату вошла Сара. В руках она несла обезьянку, которая явно не желала с ней расставаться. Обезьянка верещала и прижималась к Саре. Увидев индийского джентльмена, Сара вспыхнула румянцем. Как это было интересно, как увлекательно!

— Ваша обезьянка опять убежала, — произнесла она своим приятным голосом. — Вчера вечером она поскреблась ко мне в окно. Я ее впустила — на дворе было так холодно! Я бы ее вчера принесла, но было уже поздно. Я знаю, что вы нездоровы, и не хотела вас беспокоить.

Индийский джентльмен с интересом посмотрел на девочку.

— Это очень внимательно с вашей стороны, — сказал он, разглядывая ее своими глубоко запавшими от болезни глазами.

Сара взглянула на Рам Дасса, стоявшего возле дверей.

— Отдать обезьянку вашему ласкару? — спросила она.

— Откуда вы знаете, что он ласкар? — с улыбкой спросил индийский джентльмен.

— О, я знаю ласкаров, — отвечала Сара, передавая Рам Дассу обезьянку, которая цеплялась за нее. — Ведь я родилась в Индии.

Индийский джентльмен вдруг выпрямился, лицо его так изменилось, что в первую минуту Сара даже испугалась.

— Вы родились в Индии? — вскричал он — Вот как! Подойдите ко мне.

И он протянул к Саре руку.

Сара подошла и вложила свои пальцы в его руку; он, видно, этого хотел. Она молча стояла рядом, с удивлением глядя ему в глаза. «Что с ним?» — думала она.

— Вы живете в соседнем доме? — спросил он.

— Да, в пансионе мисс Минчин.

— Но вы не воспитанница мисс Минчин?

Странная усмешка тронула Сарины губы.

— Сама не знаю, — отвечала она.

— Почему же?

— Поначалу я была ученицей и даже занимала отдельные апартаменты, а теперь...

— Вы были воспитанницей? А теперь вы кто?

Грустная усмешка снова мелькнула на Сарином лице.

— А теперь я сплю на чердаке, рядом с судомойкой, — отвечала она. — Кухарка посылает меня за покупками... Я выполняю все ее распоряжения. А еще я учу малышей...

— Расспросите ее, Кармайкл, — произнес мистер Кэррисфорд и, словно почувствовав внезапную слабость, откинулся на спинку кресла. — У меня нет сил.

Большой, благодушный мистер Кармайкл умел разговаривать с детьми. Сара сразу это поняла, когда он повернулся к ней и ласково спросил:

— Как это «поначалу», дитя?

— Когда папочка меня сюда привез.

— А где он сейчас?

— Он умер, — ответила Сара совсем тихо. — Он потерял все свое состояние, и у него ничего для меня не осталось. Некому было обо мне заботиться — или платить мисс Минчин.

— Кармайкл! — вскричал индийский джентльмен. — Кармайкл!

— Не надо ее пугать, — тихо бросил ему Кармайкл. Вслух же, обращаясь к Саре, он произнес: — Значит, тогда вас поселили на чердаке и превратили в служанку. Правильно я говорю?

— Обо мне было некому заботиться, — повторила Сара. — Денег не было; я осталась одна на свете.

— А как ваш отец потерял состояние? — задыхаясь от волнения, спросил индийский джентльмен.

— Он не сам его потерял, — отвечала Сара, все более и более удивляясь этим расспросам. — У него был друг, которого он любил... которого он очень любил. И этот друг взял его деньги. Он этому другу доверял.

— Но ведь этот друг, возможно, не сделал ничего дурного, — произнес индийский джентльмен прерывающимся от волнения голосом. — Возможно, все это произошло просто по недоразумению.

Сара не знала, как сурово звучал ее голос, когда она снова заговорила. Знай она это, она, конечно, постаралась бы его смягчить ради индийского джентльмена.

— Для моего папочки это было неважно, — ответила она. — Горе убило его.

— Как звали вашего отца? — спросил индийский джентльмен. — Скажите мне.

— Ральф Кру, — с удивлением отвечала Сара. — Капитан Кру. Он умер в Индии.

Измученное лицо больного исказила судорога — Рам Дасс бросился к нему.

— Кармайкл, — прошептал, задыхаясь, мистер Кэррисфорд, — это она, это она!

На миг Саре показалось, что он умирает. Рам Дасс налил в рюмку капель и поднес ее к губам своего господина. Сара, трепеща, стояла рядом. Она обратила недоуменный взор к мистеру Кармайклу.

— О ком он говорит?

— Он был другом вашего отца, — отвечал мистер Кармайкл. — Не пугайтесь. Вот уже два года, как мы вас ищем.

Сара поднесла руку ко лбу — губы у нее задрожали.

— А я все это время была у мисс Минчин, — проговорила она тихо, словно сама себе не веря. — По ту сторону стены!

ГЛАВА 18

«Я старалась!»

Все разъяснила миссис Кармайкл — она тотчас явилась. Добрая и миловидная, она нежно обняла Сару и все ей рассказала. Неожиданное открытие до того потрясло больного, что им овладела ужасная слабость.

— Сказать по чести, Кармайкл, — слабо произнес он, когда кто-то предложил отвести Сару в соседнюю комнату, — я боюсь хоть на миг упустить ее из виду.

— Я с ней побуду, — сказала Джэнет, — а через несколько минут придет мама.

И Джэнет увела Сару.

— Мы так рады, что вы нашлись, — сказала она. — Вы даже представить себе не можете, как мы рады!

Рядом стоял Дональд и, сунув руки в карманы, задумчиво глядел на Сару.

— Почему я тогда не спросил, как вас зовут? — произнес он виновато. — Вы бы сказали:

«Сара Кру» — и вас тотчас бы нашли.

В эту минуту как раз и вошла миссис Кармайкл. Она была растрогана и, подойдя к Саре, обняла и поцеловала ее.

— Бедное дитя, вы ничего не понимаете, — сказала она. — Немудрено!

Сару волновала лишь одна мысль.

— Прошу вас, скажите мне, — проговорила она, глядя на закрытую дверь библиотеки. — Это он предал моего папочку? Неужели это был он?

Миссис Кармайкл заплакала и снова поцеловала Сару. Ей казалось, что Сару надо почаще ласкать, потому что ее так давно никто не ласкал.

— Моя дорогая, он его не предавал, — отвечала миссис Кармайкл. — И деньги вашего отца остались целы. Мистеру Кэррисфорду только показалось, что они пропали. Он очень любил вашего отца и от горя так заболел, что лишился рассудка. Он чуть не умер от воспаления мозга, а когда он стал понемногу поправляться, вашего отца уже не было в живых.

— Он не знал, где меня искать, — прошептала Сара. — А я была так близко.

Она никак не могла примириться с мыслью о том, что она была так близко.

— Мистер Кэррисфорд думал, что ваш отец отдал вас в школу во Францию, — продолжала миссис Кармайкл. — Он все время шел по неверному следу. Он искал вас повсюду. Он видел, как вы проходили мимо его дома, такая одинокая и грустная, но ему и в голову не приходило, что вы — дочь его друга. Но он вас жалел и хотел вам помочь. Это он велел Рам Дассу лазать в ваше отсутствие к вам на чердак и приносить всякие вещи.

Сара вздрогнула от радости; лицо ее просияло.

— Так это был Рам Дасс? — вскричала она. — Это мистер Кэррисфорд ему велел? Это он сделал так, что мой сон сбылся?

— Да, дорогая, да! Он очень хороший и добрый. Он принял в вас участие ради пропавшей дочки своего друга.

Дверь библиотеки отворилась, и в комнату вошел мистер Кармайкл. Он подозвал Сару.

— Мистеру Кэррисфорду лучше, — сказал он. — Он просит вас войти.

Сара поспешила к нему. Она вошла в библиотеку с сияющим лицом и остановилась возле его кресла, прижав к груди руки.

— Так это вы мне все присылали? — тихо, но взволнованно воскликнула она. — Все эти дивные, дивные вещи? Их посылали вы?

— Да, бедное дитя, это был я, — отвечал мистер Кэррисфорд.

От долгой болезни и горя он ослабел, но глаза его смотрели на нее с такой любовью, что Сара вспомнила отца. Она опустилась на колени возле кресла больного, как когда-то устраивалась возле своего отца, когда они жили вместе и так любили друг друга.

— Значит, мой друг — это вы, — сказала Сара. — Вы — мой друг!

И она прижалась лицом к его исхудавшей руке и покрыла ее поцелуями.

— Через три недели он будет совершенно здоров, — шепнул мистер Кармайкл жене. — Посмотри на его лицо!

И вправду, выражение лица у мистера Кэррисфорда стало совсем иным. Теперь с ним рядом была «маленькая хозяйюшка», и ему надлежало думать о ней и заботиться. Прежде всего, следовало решить, как поступить с мисс Минчин. Надо с ней встретиться и объявить ей о перемене в судьбе ее воспитанницы.

Сара не вернется в пансион. Это мистер Кэррисфорд твердо решил. Она останется с ним, а к мисс Минчин отправится мистер Кармайкл.

— Хорошо, что мне не надо туда возвращаться, — сказала Сара. — Она очень рассердится. Она меня не любит. Впрочем, возможно, это моя вина, потому что я ее не люблю.

Но, как ни странно, мисс Минчин избавила мистера Кармайкла от необходимости идти к ней — она сама явилась за своей воспитанницей. Сара ей зачем-то понадобилась, и она очень удивилась, когда той не оказалось в школе. Одна из служанок видела, как Сара вышла из дома, унося что-то под накидкой, а потом поднялась по ступенькам в соседний дом.

— Что это значит? — вскричала мисс Минчин, оборотясь к мисс Амелии.

— Я ничего не знаю, сестра, — отвечала мисс Амелия. — Возможно, она познакомилась с нашим соседом, он ведь тоже жил в Индии.

— От нее всего можно ожидать, — фыркнула мисс Минчин. — Небось навязывается в знакомые и старается вызвать его сочувствие — какая дерзость! Она там уже два часа сидит! Нет, я пойду выясню, что там происходит, и извинюсь за ее вторжение.

Сара сидела на скамеечке возле кресла мистера Кэррисфорда и слушала его рассказ — о, ему столько нужно было ей объяснить! — когда Рам Дасс доложил о приходе мисс Минчин.

Сара невольно встала — краска схлынула с ее лица; впрочем, мистер Кэррисфорд отметил, что она спокойна и не выказывает признаков испуга, обычных в детях ее возраста.

Мисс Минчин вошла в комнату с суровой и величественной миной. Платье на ней было добротное и строгое; манера — учтива.

— Мне очень жаль беспокоить мистера Кэррисфорда, — произнесла она, — но я вынуждена объясниться. Я — мисс Минчин, директриса пансиона для благородных девиц, который находится рядом с вами.

Индийский джентльмен с минуту молча взирал на нее. Будучи по натуре человеком вспыльчивым, он старался овладеть собой.

— Значит, вы мисс Минчин? — спросил он наконец.

— Да, сэр.

— В таком случае, — сказал индийский джентльмен, — вы пришли вовремя. Мой адвокат, мистер Кармайкл, как раз собирался нанести вам визит.

Мистер Кармайкл слегка поклонился, мисс Минчин с удивлением взглянула на него, а потом опять на мистера Кэррисфорда.

— Ваш адвокат! — повторила она. — Не понимаю. Я сочла своим долгом прийти к вам, ибо мне стало известно, что одна из моих учениц, живущая у меня из милости, посмела явиться к вам. Я пришла объяснить, что она осмелилась на эту дерзость без моего ведома. — Она

обернулась к Саре — Ступайте сию же минуту домой, — приказала она с негодованием. — Вы будете строго наказаны. Сию же минуту отправляйтесь!

Индийский джентльмен привлек Сару к себе и погладил по руке.

— Она не пойдет, — сказал он.

Мисс Минчин показалось, что она сходит с ума.

— Не пойдет?! — повторила она.

— Нет, — подтвердил мистер Кэррисфорд. — Она не пойдет домой, если вы так называете свое заведение! Отныне она будет жить у меня.

— У вас? У вас, сэр?! Что это значит?

— Будьте добры, Кармайкл, объясните мисс Минчин, как обстоит дело, — сказал индийский джентльмен, — и постарайтесь сделать это покороче.

Он усадил Сару на скамеечку и взял ее руки в свои — так всегда делал ее отец.

И мистер Кармайкл объяснил ровным, спокойным тоном человека, знающего дело во всех юридических подробностях. Будучи деловой женщиной, мисс Минчин это тотчас поняла, что не доставило ей радости.

— Мистер Кэррисфорд, сударыня, — сказал мистер Кармайкл, — был близким другом покойного капитана Кру. Он был его партнером в нескольких крупных предприятиях. Состояние, которое капитан Кру считал потерянным, не погибло и находится сейчас в руках мистера Кэррисфорда.

— Состояние! — вскричала мисс Минчин, бледнея. — Сарино состояние!

— Совершенно верно, — холодно подтвердил мистер Кармайкл, — оно станет Сариным состоянием. Собственно, оно уже сейчас принадлежит ей. Вследствие определенных обстоятельств оно значительно увеличилось. Алмазные копи себя оправдали.

— Алмазные копи! — проговорила, задыхаясь, мисс Минчин.

Если это правда, мелькнуло у нее в голове, то это ужасно! Ничего подобного с ней в жизни не происходило.

— Совершенно справедливо, алмазные копи, — повторил мистер Кармайкл. И с легкой усмешкой, неожиданной для адвоката, прибавил: — На свете не много принцесс, мисс Минчин, обладающих большим состоянием, чем ваша воспитанница, которую вы держали из милости. Мистер Кэррисфорд искал ее около двух лет. Наконец он ее нашел — и она останется у него.

После этих слов он попросил мисс Минчин сесть, чтобы можно было ей все подробно разъяснить, и изложил все детали, чтобы она убедилась: будущее Сары обеспечено, состояние, которое считали погибшим, возвратилось к ней в десятикратном размере, и в мистере Кэррисфорде она нашла не только друга, но и опекуна.

Мисс Минчин, не обладавшая особым умом, предприняла отчаянную попытку вернуть то, что потеряла, как она видела, по собственному неразумию.

— Я Сару приютила, — с жаром повторяла она. — Я все для нее делала. Если бы не я, она бы умерла с голоду на улице!

Тут индийский джентльмен не выдержал.

— Во всяком случае, там она умирала бы с большим комфортом, чем у вас на чердаке! — воскликнул он.

— Капитан Кру доверил ее мне, — заявила мисс Минчин. — До своего совершеннолетия она должна оставаться у меня. Она может снова занять свои апартаменты. Ей нужно завершить образование. Закон станет на мою сторону.

— Полно, не обольщайтесь, мисс Минчин, — вмешался мистер Кармайкл. — Мистер Кэррисфорд не станет возражать, если Сара сама захочет к вам вернуться. Все зависит от Сары.

— В таком случае, — решила мисс Минчин, — я обращаюсь к Саре. Возможно, я не очень-то вас баловала, — проговорила она не без смущения, — но вам известно, что ваш батюшка был доволен вашими успехами. И я всегда... гм... гм... вас любила.

Сара посмотрела на нее тем спокойным, ясным взглядом, который мисс Минчин совершенно не выносила.

— Любили, мисс Минчин? — сказала она. — Я этого не знала.

Мисс Минчин покраснела и выпрямилась.

— А следовало бы знать, — произнесла она. — Впрочем, дети никогда не понимают, что для них лучше. Мы с Амелией всегда говорили, что вы самая умная из наших воспитанниц. Неужели вы поступите против воли вашего батюшки и не вернетесь ко мне?

Сара шагнула вперед и остановилась, молча глядя на нее. Она вспомнила тот день, когда мисс Минчин объявила ей, что у нее никого нет и ей грозит опасность оказаться на улице; она вспомнила долгие голодные часы, проведенные на чердаке в обществе Эмили и Мельхиседека.

— Вы знаете, почему я не хочу возвращаться к вам, мисс Минчин, — сказала Сара, не отводя от нее глаз. — Вы это очень хорошо знаете.

Суровое лицо мисс Минчин вспыхнуло от гнева.

— В таком случае вы никогда не увидите ваших подруг! — вскричала она. — Я позабочусь о том, чтобы ни Эрменгарде, ни Лотти не разрешили...

Мистер Кармайкл прервал ее, вежливо, но твердо.

— Простите, — сказал он, — Сара будет видеться со всеми, с кем пожелает. Не думаю, что родители ее подруг ответят отказом на приглашение мисс Кру навестить ее в доме опекуна. Мистер Кэррисфорд позаботится об этом.

Надо признать, что даже мисс Минчин пришлось отступить. Уж лучше бы у Сары был дядюшка-холостяк! Он мог бы вспылить, если бы посчитал, что с его племянницей дурно обошлись, но и только! Мисс Минчин тут же поняла, что родители вряд ли запретят своим дочерям дружить с юной наследницей алмазных копеек. А расскажи мистер Кэррисфорд, как дурно обращались с Сарой Кру, это будет грозить мисс Минчин большими неприятностями.

— Вы берете на себя нелегкую задачу, — сказала индийскому джентльмену мисс Минчин, направляясь к выходу. — Вы сами это скоро поймете. Это неблагодарный и лживый ребенок. — И, повернувшись к Саре, добавила: — Теперь вы, верно, снова почувствуете себя принцессой.

Сара опустила глаза и слегка покраснела: ей подумалось, что людям чужим, хотя и очень добрым, будет поначалу не так-то легко понять ее фантазии.

— Я... старалась всегда ею оставаться, — тихо отвечала она, — даже когда голодала и зябла. Я...

— Теперь вы уже можете больше не стараться, — ядовито заметила мисс Минчин и вышла. Рам Дасс поклонился ей вслед.

Вернувшись в школу, мисс Минчин направилась к себе в гостиную и послала за мисс Амелией. Она сидела с ней запершись дотемна, и, надо признать, мисс Амелии пришлось в тот день выслушать немало горьких слов. Не раз она лила слезы и утирала их платком. Какое-то замечание мисс Амелии так разгневало мисс Минчин, что она чуть ее не ударила; впрочем, все завершилось самым неожиданным образом.

— Я не так умна, как ты, сестра, — сказала мисс Амелия, — и всегда боялась тебя рассердить. Возможно, и для нас, и для школы было бы лучше, если бы я не была такой робкой. Признаюсь, я всегда думала, что было бы куда лучше, если бы ты не обращалась так сурово с Сарой Кру и получше одевала бы ее и кормила. Я-то знаю, что она слишком много работала для ребенка своего возраста, а жила впроголодь...

— Да как ты смеешь мне такое говорить? — вскричала мисс Минчин.

— Не знаю, — отвечала с бесшабашной отвагой мисс Амелия, — но раз уж я начала, то, пожалуй, будь что будет, кончу. Это умная и хорошая девочка — за добро она бы отплатила тебе сторицей. Только добра-то она от тебя и не дождалась. Сказать по правде, она была для тебя слишком умна, и ты не могла ей этого простить. Сара нас обеих видела насквозь...

— Амелия! — возопила мисс Минчин, глядя на сестру с такой яростью, словно собиралась надавать ей пощечин и сбить с головы чепец, как не раз поступала с Бекки.

Но мисс Амелия закусила удила.

— Да, да! — кричала она. — Сара нас обеих видела насквозь! Она понимала, что ты злая и вздорная женщина, а я — глупая и слабая, и до чего же мы обе низки и вульгарны! Пока она была богата, мы ползали перед ней на коленях, а стоило ей потерять состояние, как стали дурно с ней обращаться. Впрочем, она-то всегда вела себя как принцесса, даже когда обнищала. Да... да... как маленькая принцесса!

Тут с бедной женщиной сделалась истерика: она плакала и хохотала, раскачиваясь из стороны в сторону, так что мисс Минчин лишь в ужасе взирала на нее.

— А теперь ты ее потеряла, — истерически кричала мисс Амелия, — а какая-то другая школа завладеет ею и ее деньгами! Будь она такой же, как все, она бы рассказала, как с ней тут обращались, и тогда все родители забрали бы от нас детей и мы бы разорились. И поделом! Тебе это было бы даже полезнее, чем мне, потому что ты женщина бессердечная, Мария Минчин! Ты бессердечная, себялюбивая, вздорная женщина!

Она так кричала и задыхалась, что испуганной мисс Минчин пришлось, проглотив негодование, отпаивать ее валерьяной и давать ей нюхательную соль, чтобы она успокоилась.

С этих пор старшая мисс Минчин стала побаиваться сестры, которая, как выяснилось, была далеко не так глупа, как казалось, и могла при случае высказать неприятные истины, выслушивать которые совсем не хотелось.

В тот вечер, когда воспитанницы собрались, как обычно, перед сном у камина в гостиной, в

комнату с письмом в руке вошла Эрменгарда. На ее круглом лице было какое-то странное выражение. Было видно, что она чем-то очень обрадована, но вместе с тем и до крайности удивлена.

— Что случилось? — закричало сразу несколько голосов.

— Ты случайно не узнала, что это был за скандал у мисс Минчин в гостиной? — спросила Лавиния с любопытством. — Они там кричали и спорили, а потом у мисс Амелии сделалась истерика и ее уложили в постель.

— Я только что получила письмо от Сары, — ответила Эрменгарда, поднимая руку с письмом, чтобы все видели, какое оно длинное.

Она говорила медленно, словно никак не могла опомниться.

— От Сары? — вскричали воспитанницы.

— А где она? — чуть не взвизгнула Джесси.

— В соседнем доме, — отвечала Эрменгарда еще медленнее. — У индийского джентльмена.

— Где?.. Где?.. Ее прогнали?.. А мисс Минчин знает?.. А о чем они спорили?.. Почему она прислала письмо?.. Рассказывай! Рассказывай скорее!

Все раскричались, а Лотти жалобно заплакала. Эрменгарда ответила не сразу, — казалось, она пытается осознать что-то чрезвычайно важное.

— Алмазные копи были, — решительно сказала она наконец. — Они были! — И, заметив, что все смотрят на нее в крайнем изумлении, прибавила: — Копи были настоящие. А потом случилась ошибка. Что-то там произошло, и мистер Кэррисфорд решил, что они разорились...

— Кто это — мистер Кэррисфорд? — крикнула Джесси.

— Индийский джентльмен. И капитан Кру так подумал — и умер. А у мистера Кэррисфорда было воспаление мозга, и он скрылся. Он чуть не умер. Он не знал, где Сара. А в копиях нашли россыпи алмазов — прямо миллионы! И половина из них принадлежит Саре — они ей еще тогда принадлежали, когда она на чердаке жила и у нее никаких друзей, кроме Мельхиседека, не было, и кухарка ее вечно ругала. А мистер Кэррисфорд ее сегодня нашел... Она сейчас у него — и никогда сюда не вернется... И будет еще больше принцессой, чем раньше... в сто пятьдесят тысяч раз больше! А завтра я пойду к ней в гости. Вот!

Тут поднялся такой тарарам, что даже самой мисс Минчин не удалось бы его прекратить. Она и не пыталась, хотя и слышала шум. На это у нее просто не было сил. Мисс Амелия рыдала в своей постели; а мисс Минчин думала о том, что известие о Сарином наследстве какими-то таинственными путями уже просочилось в школу и что все служанки и все воспитанницы будут, ложась спать, его обсуждать.

Понимая, что в этот день можно забыть о всех правилах, воспитанницы чуть не до полуночи оставались в классной комнате и слушали, как Эрменгарда снова и снова читает письмо, в котором излагалась история не менее удивительная, чем те, что, бывало, рассказывала им Сара. У этой новой истории было, однако, то поразительное преимущество, что она произошла с самой Сарой и индийским джентльменом, живущим совсем рядом.

Бекки, тоже узнав поразительную новость, ускользнула к себе на чердак раньше обычного. Ей хотелось побыть одной и взглянуть еще разок на волшебную комнату. Неизвестно, что будет с этой комнатой. Скорее всего, вещи заберут назад — не оставлять же

все мисс Минчин! — и чердак снова станет пустым. Как ни радовалась Бекки за Сару, в горле у нее стоял ком, а слезы застилали глаза, когда она поднялась на чердак. Сегодня не будет ни огня в камине, ни яркой лампы под розовым абажуром, ни ужина, ни принцессы, рассказывавшей ей сказки. Да, принцессы не будет.

Сдерживая слезы, она распахнула дверь в комнату Сары — и вскрикнула.

Лампа озаряла комнату розовым светом, в камине плясал огонь, на столе стоял ужин, а рядом склонился Рам Дасс и с улыбкой взирал на ее удивленное лицо.

— Мисси сахиб не забыла, — сказал он. — Она все рассказала сахибу. Она хотела, чтобы вы узнали о ее счастье. Взгляните на письмо на подносе. Она его написала. Она не хочет, чтобы вы легли спать в печали. Сахиб зовет вас к себе завтра. Вы будете ухаживать за мисси сахиб. Ночью я унесу все эти вещи по крыше назад.

Произнеся все это с сияющей улыбкой, Рам Дасс поклонился и так беззвучно выскользнул в окно, что Бекки поняла, как легко ему это удавалось раньше.

ГЛАВА 19

Энн

В детской Большой семьи царило веселье. Дети никак не ожидали, что им будет так приятно ближе познакомиться с «девочкой, которая не нищенка». Их прямо-таки заворожили удивительные события, связанные с ней. Дети не могли наслушаться ее рассказов, как ни грустны они были. Когда сидишь у камина в просторной, ярко освещенной комнате, приятно слушать о том, как холодно на чердаке. Вообще чердак всем ужасно понравился; дети готовы были забыть о том, какой он холодный и пустой, — ведь там жил Мельхиседек, а взобравшись на стол, можно было увидеть в окно и воробьев и многое другое!

Конечно, больше всего детям понравилась история про пир на чердаке и сон, который сбился наяву. Сара рассказала ее на следующий же день после того, как встретила мистера Кэррисфордом. Старшие дети мистера Кармайкла пришли к чаю, а потом устроились на ковре, и Сара рассказала им эту историю. Индийский джентльмен тоже слушал и смотрел на нее. Закончив свой рассказ, Сара взглянула на него и положила руку ему на колено.

— Это то, что известно мне, — сказала она. — Теперь ваша очередь, дядя Том. — Так она теперь называла, по его просьбе, мистера Кэррисфорда. — Я не знаю, как вам все это удалось, но это просто чудесно!

И мистер Кэррисфорд рассказал им о том, как он, больной, сидел в одиночестве и тоске и как Рам Дасс, желая развлечь его, стал описывать ему прохожих; как его заинтересовала девочка, которая чаще других проходила мимо их дома, — и потому, что он много думал о другой девочке, и потому, что Рам Дасс описал ему чердак, где он побывал, ловя обезьянку. По словам Рам Дасса, чердак был унылый, но девочка совсем не походила на служанку и держала себя с достоинством. Мало-помалу Рам Дассу стало известно, как плохо ей живется. Он уже знал, как легко пройти по крыше до Сариного окна, и это послужило началом всему, что случилось позже.

«Сахиб, — сказал однажды Рам Дасс, — я мог бы пройти по крыше и, пока девочка отсутствует, развести в камине огонь. Когда она вернется, замерзшая и продрогшая, в камине будет гореть огонь. Она решит, что это сделал какой-то волшебник».

Мистеру Кэррисфорду эта мысль показалась такой заманчивой, что лицо его осветилось улыбкой; Рам Дасс пришел в восторг и с увлечением заговорил о том, как легко можно было бы еще многое сделать. С детской радостью и изобретательностью он отдался этому плану, приготовления к которому заняли немало дней. Для больного они пролетели незаметно. В день прерванного пира Рам Дасс дежурил на крыше, а все, что предназначалось для Саринной комнаты, лежало наготове у него на чердаке. С ним вместе дежурил молодой секретарь, которого также увлекло это необычное приключение. Рам Дасс лежал на черепицах и видел в окно, какой катастрофой закончился званый ужин. Он не сомневался, что Сара крепко заснет, и, вооружась затененным фонарем, пробрался в ее комнату, а секретарь остался на крыше и подавал ему вещи в окно. Стоило Саре пошевелиться, как Рам Дасс опускал заслонку на фонаре и бросался на пол. Все это и еще множество других увлекательных подробностей дети узнали из рассказов мистера Кэррисфорда. Они засыпали его вопросами.

— Я так рада, — воскликнула Сара, — что моим другом оказались вы!

Сара очень подружилась с мистером Кэррисфордом. Казалось, они необычайно подходят друг другу. У индийского джентльмена никогда не было никого, кто нравился бы ему так, как Сара. Предсказание его адвоката сбылось: через месяц мистер Кэррисфорд был уже совсем другим человеком. Все его занимало, и богатство уже не тяготило, а радовало его. Теперь ему было о ком заботиться, и он то и дело придумывал какой-нибудь сюрприз для Сары, которая шутя называла его Волшебником. То в ее комнате расцветали дивные цветы; то она находила под подушкой неожиданные подарки, а однажды, когда они сидели вечером вместе, ей вдруг послышалось, что кто-то скребется. Сара распахнула дверь: перед ней стоял огромный великолепный пес в золотом ошейнике с надписью: «Меня зовут Борис. Я служу принцессе Саре».

Мистер Кэррисфорд любил вспоминать о маленькой принцессе, которая ходила в лохмотьях. А как они веселились в те дни, когда дети мистера Кармайкла, Эрменгарда и Лотти приходили к Саре в гости! Но более всего Сара и мистер Кэррисфорд любили те часы, которые они проводили вдвоем в чтении или в беседах. В это время происходило много интересного.

Однажды вечером мистер Кэррисфорд, подняв глаза от книги, заметил, что Сара сидит не двигаясь и задумчиво смотрит в огонь.

— О чем это ты задумалась, Сара?

Сара вспыхнула и подняла глаза.

— Я думала... — сказала она, — я вспоминала тот день, когда я была так голодна, и девочку, которую я тогда видела.

— Но таких дней было немало, — заметил мистер Кэррисфорд с грустью. — О каком из них ты вспомнила?

— Ах да, я забыла, что не говорила вам об этом, — спохватилась Сара. — Это было в тот день, когда мой сон сбылся наяву.

И Сара рассказала мистеру Кэррисфорду о булочной, и о четырехпенсовике, найденном в грязи, и о девочке, которая была еще голоднее, чем она. Сара говорила об этом просто, без лишних слов; однако мистер Кэррисфорд почему-то прикрыл глаза рукой.

— У меня возник один план, — закончила Сара. — Мне бы так хотелось что-то сделать...

— Что же именно? — спросил мистер Кэррисфорд негромко. — Ты можешь делать все, что захочешь, принцесса.

— Я подумала... — отвечала Сара неуверенно, — ведь вы мне говорите, что у меня много денег... Вот я и подумала: что, если я поеду к хозяйке этой булочной и попрошу, чтобы она, если увидит голодных детей... особенно в такую ужасную погоду... давала бы им что-то поесть, а счета посылала мне? Можно мне это сделать?

— Ты сделаешь это завтра же утром, — пообещал опекун.

— Спасибо, — сказала Сара. — Я знаю, что такое голод, — это так тяжело, что невозможно даже ни о чем фантазировать.

— Да, моя дорогая, — проговорил мистер Кэррисфорд. — Конечно, это тяжело. Иди и сядь сюда, на скамеечку, и помни только одно: ты принцесса.

— Да, — отвечала Сара с улыбкой, — и я могу раздавать народу хлеб и булки.

И она села на скамеечку, а индийский джентльмен (ему нравилось, что она его так порой называет), положив ее черную головку себе на колени, стал гладить ее волосы.

На следующее утро мисс Минчин, выглянув в окно своей комнаты, увидела очень неприятное для себя зрелище.

К дому индийского джентльмена подъехала карета; из дверей вышел мистер Кэррисфорд и вслед за ним небольшая стройная фигурка, закутанная в дорогие меха. Они спустились по ступенькам и сели в карету. Мисс Минчин хорошо знала эту стройную фигурку, которая напомнила ей о прошлом. А за этой юной особой шла другая, что привело мисс Минчин в еще большее раздражение. Это была Бекки, которая всегда с величайшим удовольствием провожала свою юную госпожу до экипажа, неся ее вещи и пледы. Лицо у Бекки заметно округлилось и порозовело.

Проехав несколько кварталов, карета остановилась у дверей знакомой булочной, и мистер Кэррисфорд с Сарой вышли. И надо же, чтобы как раз в этот миг хозяйка булочной, которую звали миссис Браун, подошла к окну с подносом так и пышущих жаром булочек. Ну, не странно ли?

Когда Сара переступила порог, хозяйка повернула голову и посмотрела на нее; потом, поставив поднос с булочками в витрину, вернулась к прилавку. С минуту она вглядывалась в Сарино лицо; вдруг ее добродушное лицо просияло.

— А ведь я вас уже встречала, мисс, — сказала она. — Только...

— Да, — отвечала Сара, — вы мне однажды дали шесть булочек на четыре пенса...

— А вы пять из них отдали нищей девочке, — подхватила хозяйка. — Этого я никогда не забуду. Я сначала вас не узнала... — И, взглянув на мистера Кэррисфорда, она обратилась прямо к нему: — Вы уж меня извините, сэр, только редко кто из молодых так поступит. Я об этом случае часто вспоминала. Прошу прощения за вольность, мисс, — прибавила она, снова оборачиваясь к Саре, — но вы порозовели и... вообще выглядите гораздо лучше, чем в тот... тот...

— Да, я теперь чувствую себя гораздо лучше и счастливее, — отвечала Сара. — А у меня к вам просьба.

— Ко мне? — воскликнула, улыбаясь, хозяйка булочной. — Вот уж не ожидала! Чем же я могу вам услужить, мисс?

И Сара, облокотясь о прилавок, изложила свою просьбу.

Хозяйка слушала, не отводя от нее глаз; лицо ее выражало удивление.

— Господи, помилуй! Вот уж не ожидала! — повторила хозяйка, выслушав Сарино предложение. — Да я это сделаю с радостью. Я на жизнь собственным трудом зарабатываю, так что многого сделать сама не могу, а ведь кругом столько нужды! Но только, вы уж позвольте мне сказать, я с того дня не один кусок хлеба раздала и все вас вспоминала. Как вы тогда промокли и замерзли и как проголодались, а ведь отдали булочки, что твоя принцесса!

При этих словах мистер Кэррисфорд невольно улыбнулся; улыбнулась и Сара, вспомнив, что она говорила себе, когда клала булочки на колени маленькой оборвашки.

— Она была такая голодная, — сказала Сара. — Ей было хуже, чем мне.

— Она умирала с голоду, — согласилась хозяйка. — Сколько раз она мне потом рассказывала, как сидела здесь под дождем, а голод, словно дикий зверь, терзал ее внутренности.

— Так, значит, вы ее видели с тех пор? — живо откликнулась Сара. — А вы не знаете, где она сейчас?

— Знаю, — отвечала с широкой улыбкой хозяйка. — Вон там, в задней комнате, мисс; она уже месяц как живет у меня. И до того оказалась славной девочкой! И так помогает мне в булочной и по хозяйству, вы просто не поверите, мисс, если вспомнить, как она прежде жила.

Хозяйка подошла к дверям небольшой задней комнаты и что-то сказала; через минуту из комнаты показалась девочка и вместе с хозяйкой подошла к прилавку. Да, это была та самая оборвашка, только теперь она была чисто и хорошо одета, и глаза у нее были совсем не голодные. Она глядела смущенно, но совсем не походила на маленького звереныша; у нее было хорошее лицо, а взгляд смягчился. Она тотчас узнала Сару — и смотрела на нее во все глаза.

— Я ей тогда сказала, чтобы она приходила ко мне, как будет голодна, и, когда она приходила, я ей давала какую-нибудь работу. Она работы не боялась. Я к ней привязалась и в конце концов взяла ее к себе. Она мне помогает — славная девочка, а уж до чего благодарная! Зовут ее Энн, а фамилия неизвестна.

Девочки постояли, глядя друг на друга; потом Сара вынула руку из муфты и протянула ее Энн. Глядя друг другу в глаза, они обменялись рукопожатием.

— Я так рада, — сказала Сара. — И знаете, мне сейчас в голову пришла еще одна мысль. Может быть, миссис Браун позволит вам раздавать детям хлеб и булочки. Возможно, вам это будет приятно, потому что вы знаете, что такое голод.

— Да, мисс, — отвечала Энн.

Больше она ничего не сказала, но Сара почувствовала, что она ее понимает. Сара и мистер Кэррисфорд вышли из булочной, сели в карету и уехали, а Энн еще долго стояла и смотрела им вслед.

Примечания

1

Ласкары (

англо-индийск.) — индийцы, служившие в британской армии и флоте.

(Здесь и далее примечания переводчика.)

2

Бунгало — просторный одноэтажный дом в тропических странах со множеством окон, дверей и веранд.

3

Мисси сахиб (

англо-индийск.) — маленькая госпожа. Так слуги в Индии называли господских дочерей и незамужних женщин; сахиб (

англо-индийск.) — господин.

4

Айя (

англо-индийск.) — няня.

5

Раджа (

англо-индийск.) — владетельный индийский князь.

6

Какая она забавная!

(фр.)

7

Она просто принцесса, эта крошка!

(фр.)

8

Королевский оперный театр в Лондоне.

9

Нет, месье. У меня нет собаки моего дядюшки (фр.).

10

Букингемский дворец — лондонская резиденция английских монархов.

11

Альфред Великий (ок. 849 — ок. 900) — король англосаксонского королевства Уэссекс с 871 г. Легенда о лепешке связана с тем временем, когда переодетый король скрывался от датчан во время войны за трон.

12

То есть Индии и Вест-Индии.

13

Итон — закрытая привилегированная школа для мальчиков.

14

Коринка — сушеный мелкий черный виноград без семян.

15

Томас Карлайль (1795—1881) — английский писатель и историк; его увлекательная «История Французской революции» (1837) пользовалась широкой известностью.

16

Тартинка — маленький бутерброд.